

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

27 2024
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 27 (526) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Сантьяго Калатрава* (1951), испанско-швейцарский архитектор и скульптор, автор многих футуристических построек в разных странах мира; иностранный член Российской академии архитектуры и строительных наук. Его эстетику иногда определяют как «био-тек».

Сантьяго Калатрава появился на свет 28 июля 1951 года в пригороде Валенсии. Еще в детстве он увлекся искусством, в восьмилетнем возрасте стал учеником художественной школы. На занятиях будущий гений «романтического хай-тека» изучал живопись. Определяющим событием в выборе профессии стала поездка во Францию. Мать с отцом позволили сыну принять участие по программе обмена. Тринадцатилетний подросток отправился в Париж, где с восторгом созерцал архитектурное величие города. Неудивительно, что по окончании школы он выбрал соответствующий факультет в университете Валенсии. В 1975 году Калатрава окончил Высшую техническую школу архитектуры.

На этом образование Сантьяго не закончилось. Желая получить больше профессиональных знаний, молодой человек отправился в Цюрих. Он четыре года обучался в Швейцарии, работал преподавателем и защитил диссертацию. Ему понравился город, и было принято решение остаться здесь навсегда. В 1983 Калатрава открыл свою мастерскую в Цюрихе, причем проектировал он одновременно и как архитектор, и как инженер. Его первым сооружением стал ангар для завода компании *Jakem* в швейцарском Мюнхвилене (1983–1985).

Первые заказы были мелкими, но при этом молодой архитектор очень часто принимал участие во всевозможных конкурсах. В 1983 году Сантьяго получил большой заказ от властей Цюриха. Ему было поручено спроектировать железнодорожный вокзал в пригородной зоне. Спустя три года был завершен проект моста «9 октября» для любимой Валенсии, а затем заказы начали поступать из разных уголков планеты. Пришлось открыть офис в Париже, чтобы справиться с выросшей нагрузкой. Чуть позже филиал компании появился в Валенсии.

К 90-м годам прошлого века фамилия Калатрава была хорошо известна во всем мире. Его приглашают в разные уголки мира, чтобы получить ни на что непохожую оригинальную архитектуру. Чаще всего заказывают мосты.

Сантьяго как-то признался, что и сам точно не помнит количество мостов, которые он создал. На сегодняшний день их насчитывается больше тридцати. Калатраву принято считать

изобретателем мостов на одной опоре, среди которых есть совершенно уникальные, как мост Пуэнте-де-ла-Мухер в Аргентине, который имеет угол поворота до 90 градусов и позволяет судам перемещаться беспрепятственно по воде.

Калатрава вернул моду на органическую архитектуру, его считают лучшим последователем великого Гауди. Принято считать, что Калатрава — ярчайший представитель нео-органической архитектуры, а его стиль относится к «био-теку».

Сантьяго Калатраву вдохновляет природа. Работы архитектора преисполнены гармонии. Они интересные, живые. Ярким примером служит «Поворачивающееся туловище» в Швеции. За этим названием скрывается обычный жилой дом. Хотя слово «обычный» указывает только на назначение объекта, а не на его внешний вид. Здание построено сравнительно недавно, но оно уже входит в ТОП-5 самых высоких жилых домов Старого Света. Объект насчитывает 9 повернутых относительно друг друга блоков. Кажется, будто чья-то огромная рука развернула прямой небоскреб вокруг своей оси. Примечательно, что в повернутом вокруг своей оси здании даже окна имеют изогнутую геометрию.

Среди других интересных проектов архитектора — спортивный комплекс в Афинах для Игр 2004 года, мост в Мурсии, Планетарий в Валенсии, транспортный узел Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и др. Примечательно, что при обилии наград и всеобщем признании, Сантьяго ведет себя скромно и не спешит пользоваться популярностью. О его личной жизни известно лишь то, что он женат на шведке. Калатрава не появляется на телевидении и нередко ездит на общественном транспорте, потому что его не узнают на улице.

Он сам в своих интервью признавался, что имеет годовой проездной на городской транспорт в Нью-Йорке и Цюрихе, где предпочитает пользоваться метро и трамваями. Таким образом архитектор наблюдает за городом и людьми, старается не отрываться от быта, лучше понимать потребности человека.

В 2012 году в Эрмитаже прошла персональная выставка Калатравы, ставшая самой посещаемой архитектурной выставкой 2012 года в мире по версии *The Art Newspaper*.

Несколько десятков университетов в мире присвоили Сантьяго Калатраве статус *Doctor Honoris Causa* за его вклад в культуру и науку.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Адищева Е. А.**
История развития неосторожной формы вины 101
- Адищева Е. А.**
Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования изнасилования..... 103
- Азарова Е. П.**
Реализация уголовно-правовых норм об эксцессе исполнителя преступления в правоприменительной деятельности 105
- Анисимов В. Д.**
Правовое регулирование наказания в виде штрафа 107
- Аронов Д. В., Кошелева А. Л.**
Принципы статуса судей в Российской Федерации и в зарубежных странах 109
- Ахунзянов Н. Ф.**
Проблемы доказывания использования товарного знака с изменением его отдельных элементов в спорах о досрочном прекращении охраны товарного знака вследствие неиспользования 111
- Быстрый Д. С.**
Исполнении наказаний в отношении несовершеннолетних: проблемы и перспективы 113
- Бычкова М. С.**
Моральные и профессиональные качества как требования, предъявляемые к работникам органов прокуратуры..... 114
- Власенко О. А., Макаренко Г. И.**
Об основаниях привлечения к дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих..... 116
- Волосунова М. Н., Волосунов Д. В.**
Электронная переписка с контрагентом: судебная практика 118
- Вылекжанина В. В.**
Правовое регулирование содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений..... 121
- Гордеева М. Р.**
Проблемы определения тяжести вреда, причиненного здоровью человека 123
- Дедоров Н. Д.**
Конституционная защита нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации 125
- Джалилов М. М.**
К вопросу о введении блокировки интернет-ресурсов как меры обеспечения производства в административно-деликтном процессе 127
- Дроздов Д. А., Жигалина Е. С., Жидов А. А.**
Правовые проблемы, угрозы, вызовы, связанные с осуществлением государственного управления..... 130
- Дурнова С. Ю.**
Формы территориального государственного устройства 131
- Дурнова С. Ю.**
Характеристика субъективной стороны преступлений в виде врачебной ошибки 133
- Дурнова С. Ю.**
Понятие врачебной ошибки, ее основные отличительные признаки, виды врачебных ошибок в контексте данной группы преступлений..... 134
- Дурнова С. Ю.**
Соотношение врачебной ошибки и несчастного случая (невиновного причинения вреда) 136
- Евдокимова П. И.**
Взаимоотношения кредиторов и должников в жилищно-коммунальном хозяйстве 137
- Ермоленко Ю. С.**
Криминалистическая характеристика преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий..... 140

Жигалина Е. С., Серякова Л. Д. Сущность ответственности за нарушение финансового законодательства.....	142
Жигулёва А. В. Расследование ятрогенных преступлений: проблемные аспекты	144
Зорин Ю. В. Правовое регулирование института наследственного фонда в России и за рубежом	146
Иванова А. А. Проблемы определения понятия «объект преступления» в современном уголовном праве	149
Иванова А. А. Основные аспекты разграничения объекта и предмета преступления	151
Калижникова С. Э. К вопросу о привлечении к бюджетно-правовой ответственности за нарушения бюджетного законодательства.....	153
Кащеева А. Е. Возможность приобретения собственниками зданий и сооружений земельных участков	155
Кащеева А. Е. Фактическое изъятие земельных участков из частной собственности	157
Кащеева А. Е. Предоставление земельных участков гражданам, имеющим трёх и более детей, в собственность бесплатно	160
Клоненгер А. И. Злоупотребление процессуальными правами в истории судебного процесса России	162
Козик Ю. Е. Правовая природа судебных расходов	168
Комилов Т. Б. Способы назначения наказания по совокупности преступлений	171
Комилов Т. Б. Объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении	173
Комилов Т. Б. Оперативно-розыскная характеристика расследования грабежей и разбойных нападений	175
Комилов Т. Б. Квалифицирующие признаки принуждения к даче показаний	178
Комилов Т. Б. Проблема реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве	180
Кунин В. П. Анализ правового регулирования государственной поддержки молодежных и детских общественных объединений.....	182
Лузин В. В. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности	184

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

История развития неосторожной формы вины

Адищева Екатерина Алексеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует историю развития неосторожной формы вины как многоаспектное уголовно-правовое явление, рассматриваемое с точки зрения особенностей его теоретического понимания и нормативного регулирования.

Ключевые слова: уголовная ответственность, неосторожность, деяние, объективное вменение, преступление.

Как и любой правовой институт, институт неосторожности как формы вины берет свое начало в древнерусских документах.

Поначалу внутренний момент вины не имел значения, обиженный мстил за причиненный ему вред, независимо от желания виновного доставить этот вред, т.е. имело место объективное вменение [1]. Весьма часто назначаемое наказание не зависело от виновности лица в совершении преступления. Для достижения цели возмещения причиненного ущерба (а в этом и был смысл тогдашнего уголовного права) вина при ответственности значения не имела. Ответственность наступала при любом причинении вреда, а без его причинения не было и ответственности.

Считается, что первым документом, который содержал зачатки субъективного вменения является «Русская Правда», нормы которой содержат неумышленное убийство и убийство, совершенное с заранее обдуманном намерением [2].

В судебных актах 1497 и 1550 годов понятие виновность уже устанавливается как определенное состояние лица, проигравшего дело, а затем и как условие ответственности личности. Значительно более подробно были определены субъективные признаки преступления, разработаны формы вины. Также появляются некие упоминания о неосторожной форме вины в судебнике 1497 года, где было закреплено причинение смерти в случае несчастного случая [3].

На развитие данного института оказало значительное влияние и Соборное Уложение 1649 года, которое являлось первым систематизированным законом в истории России. В этом документе было указание на умышленные и неумышленные деяния, а также деяния, совершаемые «хитростно», «бесхитростно» либо, «грешным делом», что явилось новинкой для нормативно-правовых актов того времени [4]. Вместе с тем в тексте закона отсутствуют критерии разграничения таких деяний. Ответственность за содеянное дифференцировалась в зависимости от сте-

пени вины, различались неумышленное, умышленное и случайное совершение деяния.

Впервые был закреплён принцип индивидуализации ответственности за преступления. Помимо этого, в Уложении впервые упоминаются такие понятия, как «вина», «умысел». Институт вины в это время только начинает зарождаться, но уже проявляется формирование первых составов неосторожных преступлений.

В начале XVIII века были приняты такие нормативные акты, как «Воинский артикул» (1715 г.), Краткое изображение процессов или судебных тяжб (1715 г.), «Морской устав» (1720 г.), Указ о форме суда (1723 г.), утверждённые Петром I. Артикул проводит различие между деяниями, которые совершены «волею и нарочно», «ненарочно и неволею», «самовольством и нарочно». В других нормах Артикул отступает от детальной обрисовки умысла и неосторожности и предпочитает такие термины, как «небрежение и неосторожность», «умысел», «намерение», «нарочность». В отличие от умышленных и неосторожных преступлений случай без вины рассматривается как деяние «неумышленное и ненарочное» [5].

В Воинских артикулах впервые в российском законодательстве появились нормы об учете психического состояния лица, привлекаемого к ответственности [6]. При назначении наказания учитывалось психическое отношение лица к деянию и его последствиям, давалась оценка способности лица самостоятельно определять линию своего поведения [7].

В данных документах большинство общественно опасных деяний стало наказываться смертной казнью. Она распространялась на оконченное и неоконченное преступление, за неосторожные преступления предусматривалось другое наказание. Лицо могло быть наказано штрафом, например, тюремным заключением на определенный срок или избиением шпицрутенами. В то же время за совершение неумышленного преступления, когда «ни-

какой вины не находится», лицо не несло никакой ответственности. Тут можно сказать о том, что «Воинский артикул» уже тогда разграничивал понятия умысла и неосторожности.

Во времена Екатерины II были созданы комиссии по разработке уголовного уложения, в котором предусматривалась ответственность за убийство, совершенное «ненарочно» и не по умыслу, но в то же время лицо признавалось виновным в том, что преступление было совершено по неосторожности. Поскольку данное уложение не было принято мы можем наблюдать, что у законодателя уже в тот период времени появилась идея о закреплении нормы о неосторожности в законе [8].

После, при Николае I был разработан и издан свод законов уголовных 1832 года. Данный нормативный акт закреплял два вида неосторожных преступлений: когда лицо предвидит наступление негативных последствий за совершение своих деяний, и, когда лицо должно или может их предвидеть. В данном случае ответственность уже наступала «по степени неосторожности».

Последующее развитие принципы индивидуализации ответственности и субъективного вменения получили в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. В нем уже определялись виды убийств, которые делились на простые, квалифицированные, привилегированные и неосторожные [11].

Следующим нормативно-правовым актом было Уложение о наказаниях, принятое в 1903 году. В данном документе прослеживалось разграничение уголовной ответственности за преступления за различные виды неосторожных общественно-опасных деяний. Виды неосторожности выделялись следующие: преступная небрежность и преступная самонадеянность. Критерием разграничения послужили характер и степень общественной опасности. В зависимости от этого критерия лицо, совершившее общественно-опасное деяние, несло уголовную ответственности в виде лишения свободы на определенный срок. Уголовным уложением провозглашались отказ от принципов объективного вменения и индивидуализации наказания.

После революции 1917 г. произошел переход к социалистическому строю, что привело к началу изменений в уголовном законодательстве. Перед законодателем стояла задача по преодолению влияния буржуазного юридического мировоззрения, в связи с чем было предложено убрать из уголовного права понятия «вина», «вменяемость», «наказание» как буржуазные. Виновность определяется как невыполнение предписаний Советской власти, независимо от субъективного отношения к совершенному [12].

Понятие «вина» не употребляется ни в Уголовном кодексе РСФСР от 1 июня 1922 года, ни в Основных началах уголовного законодательства Союза Советских Социалистических Республик (далее СССР) и союзных республик от 31 октября 1924 года, ни в Уголовном кодексе от 1926 года, хотя сохранено понятие умысла как необходимого условия уголовной ответственности. Основанием уголовной ответственности является общественная опасность — либо субъекта, либо деяния, либо того и другого, а необходимыми условиями назначения наказания представляются вменяемость, умысел и неосторожность.

Первый Советский Уголовный кодекс, принятый в 1922 году, предусматривал ответственность за совершение убийства по неосторожности. Они квалифицировались как причинение смерти по небрежности и причинение смерти по легкомыслию.

После был принят новый Уголовный кодекс 1926 года, который предусматривал ответственность за совершение неосторожного преступления, если оно явилось последствием сознательного несоблюдения правил предосторожности, установленных законом или распоряжением власти, и повлекшее за собой причинение вреда здоровью потерпевшего. Помимо этого, устанавливалась ответственность за убийство по неосторожности, а равно убийство в результате превышения пределов необходимой обороны.

Основы уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик 1958 года и Уголовный кодекс РСФСР 1960 года установили, что лицо подлежит ответственности только за виновно совершенное деяние.

Своеобразным итогом развития института вины в советский период можно считать издание такого документа как «Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик» 1991 г., который закрепил принцип виновной ответственности. Нормы данного нормативно-правового акта содержат четкое деление умысла на прямой и косвенный, а неосторожности — на преступную самонадеянность и преступную небрежность.

После был принят ныне действующий Уголовный кодекс Российской Федерации от 1996 года, в котором закреплена концепция вины. Также отведена целая глава для определения категории вины, в которой отсутствует понятие вины, но ее уголовно-правовое содержание раскрывается через умышленную и неосторожную формы.

Таким образом, история возникновения, становления и развития института вины и неосторожности в законодательстве обусловлена процессом формирования принципов индивидуальной и виновной ответственности. Вина, бывшая в течение долгого времени признаком объективной стороны состава правонарушения и означавшая само противоправное деяние или причастность к его совершению, с развитием права и теоретических взглядов стала необходимым для привлечения к юридической ответственности элементом субъективной стороны состава правонарушения.

Литература:

1. Назаренко Г. В. История вины и виновного вменения в уголовном праве // Российский следователь. 2011. N17. С. 37.

2. Русская Правда. Пространная редакция. В кн.: Российское законодательство X — XX веков: В 9 т. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси.
3. Коротеева Н. А. Неосторожность как форма вины в уголовном праве // Отечественная юриспруденция. 2020. № 2. С 1–13. Электронный ресурс // [URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neostorozhnost-kak-forma-viny-v-ugolovnom-prave-rossiyskoj-federatsii/viewer>] (дата обращения: 20.06.2024).
4. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X — XX веков: В 9 т. М., 1985. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 77.
5. Исаев И. А. История государства и права России / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2007. С. 190.
6. Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права // Lex Russica. 2017. № 12 (205) Т. 76. С. 106–122. Электронный ресурс // [URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnaya-tekstologiya-ugolovnogo-prava>] (дата обращения: 20.06.2024).
7. Чистяков О. И. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1984. Т. 4. С. 262, 327, 365, 366, 386.
8. Кожухарик Д. Н. Развитие уголовного законодательства об ответственности за причинение смерти по неосторожности // Российский следователь. 2017. № 14. С. 27.

Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования изнасилования

Адищева Екатерина Алексеевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования изнасилования.

Ключевые слова: потерпевшая, следственное действие, осмотр места происшествия, допрос, изнасилование.

Допрос потерпевшей является самым первым следственным действием, и при его проведении необходимо учитывать некоторые нюансы. Содержание допроса женщины, которая подверглась изнасилованию, затрагивает интимные стороны ее жизни, именно поэтому он должен быть деликатным. Необходимо предварительно обдумать, как установить психологический контакт с потерпевшей, помочь ей избавиться от застенчивости и стыда, попросить ее рассказать о случившемся. Способов разговаривать потерпевшую достаточно много, его выбор зависит от возраста, образования, профессии, семейного положения, характера и других качеств потерпевшей. Однако, всегда следует оставаться тактичным, внимательным, серьезным и объективным к потерпевшей, терпеливо выслушивать и не выражать недоверия к ее показаниям. Потерпевшая должна знать, что ее показания не будут разглашены.

При разговоре с потерпевшей об изнасиловании обязательно должны быть исключены неуместная улыбка или смех, следователь обязан совладать с собой и не выражать своих чувств, эмоций, мыслей относительно сложившейся ситуации, допрос должен проходить со следователем один на один.

Чаще всего, следователи имеют дело с правдивыми потерпевшими. Впрочем, зачастую, потерпевшие могут заблуждаться при даче показаний в силу ошибочного восприятия ситуации, психического состояния и т.д. В таком

случае, для получения в ходе допроса достоверной и полной информации о произошедшем, следователю необходимо знать устройство психологического механизма формирования показаний с учетом состояния пострадавшей.

Следующим следственным действием является осмотр места происшествия. Он является одним из важнейших первоначальных следственных действий по делам об изнасиловании. К участию в осмотре места происшествия помимо специалиста-криминалиста, следует привлекать судебного медицинского эксперта, который окажет следователю помощь в поиске, изъятии, упаковке следов биологического происхождения (крови, спермы и др.), в том числе и микрообъектов. В зависимости от того, где именно находится место происшествия (на открытой местности, в помещении и др.), выделяют различные особенности проведения этого следственного действия.

Если местом происшествия является жилое помещение, то при осмотре в протоколе, на схеме помещения, фототаблице необходимо отобразить характерные особенности в обстановке, которые могут свидетельствовать о борьбе потерпевшей с насильником (брошенные на пол предметы, сломанные вещи, разбитая посуда, разбросанное и порванное белье и т.п.) или ее отсутствии. Важно досконально осмотреть место, где происходил половой акт. С помощью специальной техники именно здесь необходимо найти волосы, следы крови, слюны и других выделений насильника и потерпевшей.

Если изнасилование совершено на местности, то необходимо сделать привязку к находящимся поблизости зданиям, дороге, тропе и т.п. Во всех случаях необходимо искать пятна крови, волосы, предметы одежды, иные следы нахождения преступника и потерпевшей на месте происшествия, следы борьбы. Все найденное изымается и упаковывается для дальнейшего исследования.

Как на открытой местности, так и в подвалах, сараях, на чердаках изымаются образцы почвы, растительности, различных веществ для последующего сравнительного исследования с аналогичными объектами, изъятыми с одежды, обуви, тела подозреваемого или потерпевшей, орудий преступления [1].

Если потерпевшая была изнасилована в транспортном средстве, то необходимо обратить внимание на обстоятельства, которые могут указывать на факт нахождения потерпевшей в нем: отобранные у нее мелкие предметы, например, предметы косметики, частицы почвы, растительности и т.д. Также обязательной фиксации подлежат особые признаки во внешнем виде машины и ее салоне (неисправности, повреждения сидений и т.д.), названные потерпевшей при допросе [2].

Освидетельствование пострадавшей проводится тогда, когда нет возможности незамедлительно назначить и провести судебно-медицинскую экспертизу, чтобы избежать утраты и уничтожения важнейших улик на теле.

Потерпевшую от изнасилования следует освидетельствовать в женской консультации, родильном доме, больнице или поликлинике с привлечением специалиста — врача-гинеколога. Если невозможно привлечь данного специалиста, в таком случае возможно привлечение врача иной специальности. В местностях, где врача найти достаточно затруднительно, в качестве специалиста можно привлечь фельдшера или фельдшера-акушера [3].

При осмотре верхней одежды, белья, колготок потерпевшей необходимо описывать повреждения в виде разрывов ткани, оторванных пуговиц, других элементов одежды, которые указывают на насильственный характер действий в отношении потерпевшей, признаки сопротивления. На это могут указывать также пятна крови, слюны насильника и др.

Специалистам при осмотре одежды и освидетельствовании потерпевшей следует обращать внимание на признаки инсценировки изнасилования: отсутствие следов насилия или несоответствие их показаниям потерпевшей, наличие следов, характерных для самоповреждения, и т.д.

В том случае, если в ходе освидетельствования производились фотографирование или видеозапись, то к протоколу необходимо приложить фототаблицу с негативами, диск в видео или иные носители информации.

Особенностью освидетельствования является то, что в независимости от его результатов потерпевшая в любом случае должна быть направлена на судебно-медицинскую экспертизу.

Рассматривая особенности допроса свидетелей, можно сказать о том, что помимо того, что у членов семьи, со-

седей, знакомых потерпевшей выясняют информацию о случившемся, у них так же узнают сведения о самой потерпевшей: ее моральный облик; в каких отношениях она находилась с лицом, которое, по ее заявлению, совершило изнасилование; что она рассказала свидетелям о случившемся; какой у нее был вид после изнасилования и т.п.

Очные ставки потерпевшей с другими допрошенными по делу лицами, в том числе и подозреваемого, производятся почти по каждому делу. Это производится в связи с тем, что нередко в их показаниях есть противоречия.

Допрос подозреваемого обычно производится сразу же после допроса пострадавшей, осмотра места происшествия, а также в случае его задержания.

Поведение подозреваемого на допросе может быть разным. Чаще всего при первом допросе подозреваемый отрицает факт полового сношения с потерпевшей, а если и признает его, то утверждает, что оно имело место по добровольному согласию. В отдельных случаях он утверждает, что находился с заявительницей длительное время в половой связи, а иногда вообще отрицает факт близкого знакомства с ней, а если не отрицает знакомства, то заявляет, что в указанное время находился в другом месте и с ней не встречался. Поэтому разумным будет для начала выяснить характер взаимоотношений между ними [4].

Как и у потерпевшей, при допросе знакомых и друзей подозреваемого выясняется: его моральный облик; рассказывал ли он об изнасиловании и о допросе у следователя; где он был в день, когда было совершено изнасилование потерпевшей; в какое время ушел из дома и когда вернулся обратно; в каком виде вернулся; что рассказывал по возвращению.

Особенностью обыска, в случае если подозреваемый знаком с потерпевшей, является возможная переписка между ними, их друзьями, общие фотографии, содержание которых может указывать на характер взаимоотношений между потерпевшей и насильником, на фотографии, которые укажут на местонахождение подозреваемого, если он скрылся от следствия, а также записи, видеозаписи, фотоснимки порнографического содержания.

Перед тем как произвести выемку вещей подозреваемого, необходимо выяснить в какой одежде и обуви он был на месте происшествия, не были ли эти вещи почищены. После этого производится выемка данных вещей, а также других предметов и документов, которые имеют значение для расследования по делу.

Как и потерпевшей подозреваемому проводят освидетельствование, для обнаружения на нем телесных повреждений, следов крови, волос пострадавшей и т.д. Освидетельствовать подозреваемого можно провести в медицинских учреждениях с привлечением в качестве специалиста врача-уролога или хирурга.

Нередко подозреваемый, осознавая значимость положительных результатов предъявления его для опознания, оказывают давление на потерпевшую, подвигая к изменению прежних показаний, которые укажут на его виновность.

Чтобы избежать такой ситуации, следователю необходимо перед опознанием побеседовать с потерпевшей, ее родственниками, близкими, знакомыми в неофициальной обстановке, для того чтобы выявить ее настроение. И в том случае, если им будут заметны колебания относительно привлечения насильника к от-

ветственности, ему следует выявить мотивы такого поведения потерпевшей (возможно ее шантажировали, ей угрожали др.) и морально и психологически подготовить ее, убедить в том, что она находится в безопасности. В некоторых случаях даже стоит отложить опознание на поздний срок.

Литература:

1. Криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп преступлений: учеб. пособие / В. Д. Зеленский [и др.] — Краснодар: КубГАУ, 2013. — 355 с. — С. 80.
2. Комиссаров В. И., Пономарева Л. В. Особенности расследования изнасилований: Учебно-методическое пособие. — Саратов: СГАП, 1998. — С. 33.
3. Збигнев Старович. Судебная сексология. — М.: Изд. «Юридическая литература», 1991. — С. 198.
4. Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. — Свердловск: СЮИ, 1973. — С. 96
5. Толоконников В. К. Алгоритм производства тактически обоснованного комплекса следственных действий по делам об изнасиловании // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2018. № 1 (22) С. 36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/algoritm-proizvodstva-takticheski-obosnovannogo-kompleksa-sledstvennyh-deystviy-po-delam-ob-iznasilovanii> (дата обращения: 20.06.2024).

Реализация уголовно-правовых норм об эксцессе исполнителя преступления в правоприменительной деятельности

Азарова Екатерина Петровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Верина Галина Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется вопрос реализации уголовно-правовых норм об эксцессе исполнителя в правоприменительной практике при уголовно-правовой оценке деяний соучастников. Проведенный анализ показал жизнеспособность различных форм проявления эксцесса исполнителя в зависимости от трансформации объективных и субъективных признаков преступления, влияющей на их квалификацию.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, исполнитель преступления, эксцесс исполнителя, уголовно-правовая оценка, правоприменительная практика.

Институт соучастия в преступлении представляет собой юридический механизм, обеспечивающий возможность правоприменителя осуществлять уголовно-правовую оценку совместно совершенных преступлений и преступлений, выходящих за очерченные соучастниками рамки.

В контексте института соучастия существует один из наиболее проблемных в правоприменительной практике и дискуссионных в науке уголовного права вопрос об эксцессе исполнителя.

Эксцесс исполнителя является сложнейшей правовой конструкцией, который характеризует ситуацию, когда соучастник, в данном случае исполнитель, действуя, превышает пределы задуманного умысла.

В статье 36 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) дается следующая дефиниция эксцесса исполнителя: «Эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося

умыслом других соучастников. За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат» [1].

Из процитированной уголовно-правовой нормы можно выделить два ключевых момента. Во-первых, эксцесс исполнителя представляет собой общественно опасное деяние, совершенное одним из соучастников преступления (в данном случае исполнителем), которое выходит за рамки умысла других участников. Другими словами, исполнителем преступления совершается деяние, которое не было согласовано с другими соучастниками. Во-вторых, за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат. Это означает, что если один из участников совершает деяние, которое не было согласовано с остальными и не входило в их единый умысел, то ответственность за него несет только сам исполнитель эксцесса.

Данные положения играют важнейшую роль для правильной уголовно-правовой оценки деятельности соучастников и исполнителя при допущении последним эксцесса.

Представляет несомненный исследовательский интерес судебная практика квалификации общественно опасных деяний при эксцессе исполнителя.

Так, М., П. и Г. предварительно договорились о незаконном проникновении в квартиру с целью кражи ценностей. П., который ранее работал в жилом комплексе дворником, имел доступ к замку двери. После того, как они попали в подъезд и проникли в квартиру, П. и Г. приступили к поиску ценностей, а М. остался в прихожей, чтобы следить за обстановкой. В процессе преступного деяния П. и Г. обнаружив ювелирные изделия, начали спорить о том, как их разделить, не заметив, как сработала сигнализация и в квартиру вбежал охранник. При попытке задержания П. нанес охраннику семь ударов ножом, которые оказались несовместимы с жизнью. Не зная о намерениях П., М. и Г. не имели умысла причинить вред жизни или здоровью кого-либо [2].

Таким образом, в приведенном из судебной практики примере имеет место эксцесс исполнителя, поскольку единый умысел соучастников заключался лишь в краже ценностей, следовательно, действия П., приведшие к смерти охранника, следует признать эксцессом исполнителя и квалифицировать как убийство по ст. 105 УК РФ. Отвечать за убийство (согласно ст. 36 УК РФ) должен только исполнитель, ибо его действия, направленные на лишение жизни, вышли за рамки единого умысла соучастников. Иные соучастники преступления подлежат уголовной ответственности только за кражу.

В срезе эксцесса исполнителя примечателен и такой пример из судебной практики: у А., Б. и З. был умысел ограбить отделение Альфа-Банка. Их первоначальным умыслом являлось проникновение в хранилище банка и похищение денежных средств, хранящихся там. При проникновении в отделение банка случилась неожиданная для преступной группы ситуация, когда Б. ранил ножом охранника, причинив ему по неосторожности смерть [3].

Таким образом, ситуация демонстрирует эксцесс исполнителя в виде изменения способа совершения преступления.

В плане квалификации содеянного показательное уголовное дело по обвинению с. в причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшей: учитывая обстоятельства дела, суд признал, что обвиняемый с. и его соучастник Г. планировали нанести тяжкий вред

здоровью потерпевшей П. С точки зрения уголовно-правовой оценки задуманное соответствует признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 111 УК РФ. Однако в ходе совершения преступления с. применил большую (по сравнению с задуманной) силу в отношении потерпевшей П., вследствие чего наступила по неосторожности ее смерть [4]. Таким образом, фактически совершенное с. свидетельствует о наличии в нем признаков преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Такая квалификация свидетельствует о допущении с. эксцесса исполнителя, за что и будет отвечать только он. При этом эксцесс исполнителя нашел проявление в форме вины, поскольку соучастниками (соисполнителями) было задумано умышленное преступление, а в жизни умысел одного из соисполнителей трансформировался в двойную форму вины (ст. 27 УК РФ).

Практика квалификации общественно опасных деяний при эксцессе исполнителя нуждается в законодательной конкретизации, поэтому следует поддержать предложение о дополнении ст. 36 УК РФ следующим положением: «В случае совершения эксцесса в виде преступления с квалифицирующими обстоятельствами исполнитель, допустивший эксцесс, несет ответственность за квалифицированный состав преступления, другие соучастники несут ответственность за соучастие в оконченном преступлении, охватываемом их умыслом» [5, с. 8].

В завершение анализа необходимо резюмировать следующие выводы: во-первых, в правоприменении эксцесс исполнителя находит проявление в разных формах в зависимости от особенностей трансформации объективных и субъективных признаков задуманных соучастниками преступлений в процессе их исполнения; во-вторых, при эксцессе возможно изменение способа совершения преступления, формы вины, причинение более тяжких последствий, которые не были задуманы или согласованы с другими участниками преступлений; в-третьих, эксцесс исполнителя может означать отсутствие причинной связи между действиями (бездействием) соучастников и результатом преступления.

Эксцесс исполнителя как уголовно-правовой феномен обеспечивает защиту прав и законных интересов соучастников преступления и предотвращает несправедливое и незаконное привлечение их к уголовной ответственности.

Анализ судебной практики наглядно показывает, как применяются нормы российского уголовного законодательства об эксцессе исполнителя в его различных проявлениях с точки зрения объективных и субъективных признаков преступления.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 12.06.2024 г. № 133-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2024. № 25, ст. 3397.
2. Приговор № 1-415/2023 от 30 октября 2023 г. по делу № 1-415/2023 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).

3. Приговор № 1–207/2023 от 30 октября 2023 г. по делу № 1–207/2023// URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).
4. Приговор № 1–400/2023 от 10 ноября 2023 г. по делу № 1–400/2023 URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).
5. Иванова Л. В. Уголовно-правовая характеристика эксцесса исполнителя: автореф. дис... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. 23 с.

Правовое регулирование наказания в виде штрафа

Анисимов Владимир Денисович, курсант

Научный руководитель: Морозов Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент,
подполковник внутренней службы

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк)

В данной статье рассматриваются ключевые аспекты правового регулирования наказания в виде штрафа в современной правовой системе. Автор анализирует историческое развитие института штрафов, сопоставляя различные правовые традиции и подходы к применению денежного взыскания в качестве меры наказания. Особое внимание уделяется нормативно-правовым актам, регулирующим назначение и исполнение штрафов, а также судебной практике, связанной с их применением. Исследуются вопросы пропорциональности штрафа тяжести совершенного правонарушения и доходам правонарушителя, а также механизмов контроля за уплатой штрафов и последствия неуплаты. В заключение статьи формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования системы штрафов, направленные на повышение её эффективности и справедливости.

Ключевые слова: контроль, уголовно-исполнительная система, законность, права человека, штраф.

Legal regulation of punishment in the form of a fine

This article examines the key aspects of the legal regulation of punishment in the form of a fine in the modern legal system. The author analyzes the historical development of the institution of fines, comparing various legal traditions and approaches to the use of monetary penalties as a measure of punishment. Special attention is paid to regulatory legal acts regulating the appointment and execution of fines, as well as judicial practice related to their application. The issues of proportionality of the fine to the severity of the offense and the offender's income, as well as mechanisms for controlling the payment of fines and the consequences of non-payment are investigated. In conclusion, the article formulates proposals to improve the legal regulation of the penalty system, aimed at increasing its effectiveness and fairness.

Keywords: control, penal system, legality, human rights, fine.

Введение

Наказание в виде штрафа является одной из наиболее распространённых мер ответственности за совершение правонарушений в современных правовых системах. Штрафы применяются как за административные, так и за уголовные правонарушения, играя важную роль в поддержании общественного порядка и правопорядка. В условиях развития рыночной экономики и усиления глобализационных процессов особое значение приобретает эффективное правовое регулирование этого вида наказания.

Целью данной статьи является комплексный анализ правового регулирования штрафов, выявление проблемных аспектов и разработка предложений по их совершенствованию. В ходе исследования будут рассмотрены

исторические предпосылки формирования института штрафов, международный опыт и специфика национального законодательства, регулирующего порядок назначения и исполнения денежных взысканий.

Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения справедливости и пропорциональности наказания, а также повышением эффективности правоприменительной практики. Недостаточное внимание к деталям правового регулирования штрафов может приводить к нарушениям прав граждан и снижению доверия к правосудию. В этой связи особое значение приобретает анализ судебной практики и действующего законодательства, направленный на выявление и устранение существующих недостатков.

Настоящая статья нацелена на обобщение накопленного опыта и формулировку конкретных рекомендаций

по улучшению системы правового регулирования наказания в виде штрафа, что, в конечном итоге, должно способствовать укреплению правопорядка и повышению уровня правосознания в обществе.

Основная часть

1. Историческое развитие института штрафов

Штрафы как вид наказания имеют древнюю историю, уходящую корнями в античные времена. В Древнем Риме и Греции денежные взыскания применялись в качестве компенсации за ущерб и нарушения общественного порядка. В средневековой Европе штрафы также играли важную роль в правовой системе, особенно в период становления буржуазных государств, когда денежные санкции стали важным инструментом в регулировании общественных отношений.

2. Правовое регулирование штрафов в международной практике

Международный опыт показывает разнообразие подходов к правовому регулированию штрафов. В странах англосаксонской правовой семьи, таких как США и Великобритания, штрафы широко применяются как за административные, так и за уголовные правонарушения. В континентальной Европе, включая Францию и Германию, штрафы также являются важной частью системы наказаний. Международные нормы, такие как рекомендации Совета Европы, подчеркивают необходимость пропорциональности и справедливости в применении штрафов, а также учет финансового положения нарушителя.

3. Национальное законодательство и практика

В России правовое регулирование штрафов закреплено в различных нормативно-правовых актах, включая Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) и Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ). Штрафы применяются в качестве основной и дополнительной меры наказания за различные правонарушения. Важное значение имеет пропорциональность штрафов тяжести правонарушения и финансовому положению нарушителя, что закреплено в статье 46 УК РФ.

Судебная практика показывает, что суды нередко сталкиваются с проблемами при назначении штрафов, особенно в части оценки имущественного положения правонарушителя. Это приводит к необходимости выработки единообразных подходов и стандартов, которые позволят обеспечить справедливость наказания и его исполнение.

Литература:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (сизм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 (дата обращения: 06.03.2024).

4. Проблемные аспекты правоприменительной практики

Основные проблемы, связанные с применением штрафов, включают:

— Неадекватность размера штрафа: В некоторых случаях назначенные штрафы могут быть слишком высокими или низкими по сравнению с тяжестью правонарушения и финансовым положением правонарушителя.

— Механизмы контроля и исполнения: Недостаточная эффективность механизмов контроля за уплатой штрафов приводит к уклонению правонарушителей от исполнения наказания.

— Социальные и экономические последствия: Штрафы могут оказывать негативное влияние на социальное положение граждан, особенно если они назначаются без учета материального положения.

5. Рекомендации по совершенствованию правового регулирования штрафов

Для повышения эффективности и справедливости системы штрафов предлагаются следующие меры:

— Усовершенствование нормативно-правовой базы: Внесение изменений в КоАП РФ и УК РФ, направленных на более точное определение критериев пропорциональности штрафов.

— Разработка методических рекомендаций для судов: Создание и внедрение единых методических рекомендаций для судей по оценке имущественного положения правонарушителя и назначению штрафов.

— Усиление контроля за исполнением штрафов: Введение более эффективных механизмов контроля за уплатой штрафов, включая использование современных технологий и информационных систем.

— Повышение правосознания граждан: Проведение информационно-просветительских кампаний, направленных на повышение правовой грамотности и понимания важности исполнения наказаний в виде штрафов.

Заключение

Эффективное правовое регулирование наказания в виде штрафа является важным элементом обеспечения правопорядка и справедливости в обществе. Комплексный анализ исторического развития, международного опыта и национальной практики позволяет выявить проблемные аспекты и предложить конкретные меры по их устранению. Совершенствование системы штрафов должно способствовать укреплению доверия к правосудию и повышению уровня правосознания граждан.

2. Федеральный закон от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ. «Об общественном контроле за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания» (в ред. Федерального закона от 01.07.2010 № 132-ФЗ) URL: <https://rg.ru/documents/2008/06/18/prava-cheloveka-dok> (дата обращения: 06.03.2024).
3. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года (от 29 апреля 2021 г. № 1138-р). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567> (дата обращения: 06.03.2024).
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Российская газета. № 149. 2016. 8 июля.
5. Баженов О. Н., Ильин И. С. Назначение наказания в виде штрафа (актуальность и необходимость проведения комплексного исследования) // Мир современной науки. 2012. № 3. С. 4–6.
6. Волкова Т. Н. Низкая эффективность штрафа в современной системе уголовных наказаний: критический взгляд на проблему // Уголовно-исполнительное право. 2008. № 5. С. 15–18.

Принципы статуса судей в Российской Федерации и в зарубежных странах

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор;
Кошелева Анна Леонидовна, студент магистратуры
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Исследование данной тематики способствует выявлению общих и отличительных черт в методах регулирования статуса судей, а также позволяет провести сравнение международных норм с нормами российского права. Рассмотрение принципов статуса судей в разнообразных юрисдикциях способствует осмыслению универсальных и специфических аспектов, которые определяются конституционными рамками и культурными традициями каждой отдельной страны. Такой анализ имеет ключевое значение для развития законодательных и практических подходов к утверждению и подержанию статуса судей, что актуально для современного правового пространства.

Ключевые слова: статус судей, принципы, Конституция, правовые системы, конституционно-правовой статус.

Principles of the status of judges in the Russian Federation and in foreign countries

Aronov Dmitry Vladimirovich, doctor of law sciences, professor;
Kosheleva Anna Leonidovna, student master's degree
Orel State University named after IS Turgenev

The study of these thematic agreements revealed general principles and distinctive features in the methods of regulating requirements, and also allows for a comparison of international norms with the norms of Russian rights. The consideration of adjudication in strict guidelines allows for the comprehension of universal and special aspects that are the cultural constitutional framework and cultural traditions of each division of the country. Such an analysis is of key importance for the development of legislative and practical approaches to presenting and making a judicial decision, which is relevant for the modern legal space.

Keywords: the status of judges, principles, Constitution, legal systems, constitutional and legal status.

Деятельность судей неразрывно связана с их общественным положением, или статусом, который определяется законодательными актами и закрепляется в их законном статусе. Основные аспекты статуса судьи включают в себя ряд основополагающих принципов: независимость, пожизненное назначение, неприкосновенность, несовместимость с другими должностями и процедуру назначения. Эти принципы уникальны тем, что они одновременно служат защите прав и исполнению обязанностей судьи в рамках любой юридической системы.

Независимость выделяет судей как отдельную категорию, гарантируя, что при принятии решений они не

подвергаются влиянию со стороны третьих лиц или организаций. Этот принцип подчеркивает разделение властей, отделяя судебную ветвь от исполнительной и законодательной. Принцип независимости обеспечивает справедливость в судопроизводстве, поскольку только судья, который действует беспристрастно и независимо, может основывать свои решения на законе и справедливости.

В соответствии с первой частью статьи 120 Конституции Российской Федерации, судьи обладают независимостью и руководствуются исключительно Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.

Основной гарантией их независимости является достаточный уровень материального обеспечения, что предотвращает возможность внешнего влияния на их решения. Эта гарантия реализуется во многих странах, включая Россию. Независимо от формы государственного управления, принцип независимости судей закреплён в конституциях большинства государств мира.

Уровень материального обеспечения судей играет важную роль в поддержании их независимости. Это не только обеспечивает судьям достойное существование, но и служит защитой от коррупции и внешнего давления, что критически важно для справедливого и не предвзятого правосудия. В России, как и во многих других странах, этот принцип подкрепляется не только конституционными положениями, но и системой заработной платы и льгот, предусмотренных для судей. Таким образом, материальное обеспечение выступает не просто как условие для комфортной жизни судей, но и как фундаментальный элемент, обеспечивающий независимость судебной системы и верховенство права.

Принцип независимости судей в Соединенных Штатах Америки является краеугольным камнем судебной системы и закреплён в Конституции. Он обеспечивает, что судьи могут принимать решения, основанные на законе и своем сознании, без страха вмешательства или влияния со стороны исполнительной или законодательной власти, а также без давления со стороны общественности или частных интересов.

Основные аспекты независимости судей в США:

1. Пожизненное назначение: Судьи федеральных судов, включая Верховный Суд, назначаются на пожизненный срок, что позволяет им принимать решения без опасений за свою карьеру.

2. Защита от внешнего давления: Судебная система США разработана таким образом, чтобы минимизировать политическое влияние на судей. Например, их зарплаты не могут быть уменьшены во время их службы.

3. Процесс импичмента: Судьи могут быть отстранены только через процесс импичмента, который требует значительного консенсуса в Конгрессе и используется только в случаях серьезных проступков.

4. Судебный активизм и сдержанность: В США существует дебат между судебным активизмом, когда судьи более склонны к интерпретации Конституции в контексте современных вопросов, и судебной сдержанностью, когда судьи придерживаются буквы закона и прецедентов.

Независимость судебной системы в США играет ключевую роль в поддержании равновесия между различными ветвями государственной власти и защите прав граждан. Пожизненное назначение судей, в сочетании с защитой от внешнего давления, позволяет им сфокусироваться на судопроизводстве, не уступая политическим или личным интересам. Тем не менее, такая система порождает обсуждения о судебном активизме и сдержанности, что отражает разнообразие подходов к толкованию Конституции. В общем, принцип независимости судей является осново-

полагающим для гарантии справедливого и беспристрастного правосудия в США.

Согласно Конституции РФ, судьи занимают свои должности на несменяемой основе. Они не могут быть переведены на другую должность или в другой суд без их согласия. Прекращение или приостановление полномочий судьи в России возможно только по основаниям и в порядке, предусмотренным федеральным законом.

Сегодня принцип несменяемости судей признан в законодательствах большинства стран. Однако, чтобы не допустить его абсолютизации, введены определенные ограничения, такие как сроки полномочий или возрастные пределы для занимаемых должностей.

В соответствии с законодательством РФ, срок службы судьи в федеральном суде не ограничен конкретным временным периодом. Тем не менее, это не означает бессрочное пребывание в должности, поскольку закон устанавливает максимальный возраст для исполнения судебных обязанностей — 70 лет.

Конституционные (уставные) суды субъектов функционируют в рамках судебной системы Российской Федерации и регламентируются законами большинства субъектов, которые также определяют возрастные ограничения для судей.

В Польше и Италии принцип статуса судей реализуется через систему правовых норм, которые обеспечивают независимость и несменяемость судей, а также через институциональные механизмы, направленные на защиту их прав и гарантий.

В Польше статус судей регулируется Конституцией и Законом о системе судебной власти. Судьи назначаются Президентом по представлению Национального совета судейства, который является независимым органом, состоящим из судей и других членов, избранных парламентом. Судьи в Польше не могут быть уволены или перемещены без их согласия, за исключением случаев, предусмотренных законом, и их независимость защищена от политического вмешательства.

В Италии статус судей определяется Конституцией и специальными законами, регулирующими судебную систему. Высший совет магистратуры (Consiglio Superiore della Magistratura), который в основном состоит из судей, избранных судьями, играет ключевую роль в назначении, продвижении и дисциплинарном контроле судей. Судьи в Италии пользуются несменяемостью, что означает, что они не могут быть уволены, переведены или подвергнуты снижению в должности без соблюдения строгих процедур, установленных законом.

Эти системы подчеркивают важность независимости судебной власти как фундаментального принципа, обеспечивающего справедливое и беспристрастное правосудие.

Анализируя представленные данные о статусе судей в Российской Федерации и зарубежных странах, можно сделать вывод, что несменяемость судей является фундаментальным принципом, обеспечивающим независи-

мость судебной власти. В России этот принцип реализуется через установление предельного возраста службы судей, в то время как в США и Италии — через пожизненное назначение и защиту от произвольного увольнения или перевода.

Такая система направлена на исключение внешнего влияния на судей и создание условий для беспристрастного и справедливого правосудия. Она отражает общепризнанные международные стандарты и практики, которые призваны укрепить доверие общества к судебной системе и её решениям. В целом, законодательные механизмы различных стран, несмотря на свои особенности, конвергируют в одной ключевой цели — гарантировать независимость судей для обеспечения правовой защиты и соблюдения прав и свобод граждан.

Анализируя конституционно-правовой статус судей в Российской Федерации и за рубежом, можно сделать вывод о фундаментальном сходстве конституционных положений. Российское законодательство детально разъясняет конституционные нормы, относящиеся к статусу

судьи. В России и многих других странах предъявляются строгие требования к претендентам на судебские должности, включая профессиональные навыки, высшее юридическое образование, опыт работы в юридической сфере, непреклонную мораль и чистосердечие.

Правовой статус судей включает в себя устойчивую систему прав и гарантий, которые поддерживают независимость судебной власти. Судебная функция, возложенная исключительно на суды, предполагает, что ключевую роль в этом процессе играет судья. Это подчеркивается в присяге, которую дают судьи, например, в Латвии: «Принимая на себя обязанности судьи, я осознаю возложенную на меня ответственность и клянусь быть верным и справедливым, служить Латвийской Республике, всегда искать истину и никогда не отступать от неё, судить строго по Конституции и законам Латвийской Республики»; и в России: «Торжественно клянусь выполнять свои обязанности честно и добросовестно, судить только по закону, быть беспристрастным и справедливым, как того требует мой долг и совесть судьи».

Литература:

1. Разумовская, И. Р. Судебная власть: зарубежный опыт и российская перспектива. Москва: Издательство Норма, 2019
2. Магерамов, Г. Ш. Судебная система зарубежных стран (указатель справочной литературы). Москва: ЮНИОН-Информ. 2017
3. Болдырев, А. Судебная реформа в зарубежных странах: опыт и перспективы. Современная правовая наука, 2(14), 2015 87–96.

Проблемы доказывания использования товарного знака с изменением его отдельных элементов в спорах о досрочном прекращении охраны товарного знака вследствие неиспользования

Ахунзянов Нафис Фанисович, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В статье автор исследует обстоятельства, на которые может сослаться правообладатель для подтверждения использования им товарного знака, в отношении которого третье лицо пытается преждевременно прекратить охрану.

Ключевые слова: товарный знак, неиспользование товарного знака, досрочное прекращение правовой охраны, использование с изменением его отдельных элементов.

В соответствии с п. 3 ст. 1486 ГК РФ бремя доказывания использования ложится на правообладателя товарного знака, в отношении которого запущен механизм по досрочному прекращению. Правообладатель в противовес такому требованию может выдвинуть ряд аргументов, которые позволят учесть его интересы.

Так правообладатель может обосновать, что товарный знак им используется, под использованием, исходя из грамматического толкования ст. 1486 ГК РФ, понимаются действия направленные исключительно на непосредственное введение в оборот того или иного товара марки-

рованного спорным обозначением или товарным знаком с изменением его отдельных элементов, не влияющим на его различительную способность.

Сослаться на то, что использование товарной марки осуществляется иным лицом по договору с правообладателем или под его контролем. Так как для целей ст. 1486 ГК РФ под использованием признаётся предоставление товарного знака на основании заключённого лицензионного договора в соответствии со статьёй 1489 ГК РФ, в том числе договора коммерческой концессии, то есть не обязательно чтобы обладатель обозначения использовал его сам

Обосновать, что неиспользование товарного знака произошло по независящим от правообладателя причинам. В соответствии с абз. 2 п. 3 ст. 1486 ГК РФ неиспользование обозначения по обстоятельствам, которые не входили в сферу контроля правообладателя, являются оправдывающими факторами (ограничения на импорт, забастовки, отсутствие спроса, проведение испытаний лекарств, получение лицензии на реализацию алкогольной продукции и др.).

Использование товарного знака с изменением его отдельных элементов. Кроме того, могут возникнуть сложности при доказывании использования товарного знака не только в том виде, в котором он зарегистрирован, но и с изменением его отдельных элементов, не меняющие суть товарного знака и не ограничивающие его защиту, предоставленную законом (п. 2 ст. 1486 ГК РФ). Сложность связана с возникающей неопределённостью по поводу того, остаётся ли обозначение отличающимся для рядовых потребителей. Ответ на данный вопрос должен дать суд по результатам соответствующего анализа используемого товарного знака [1].

Преобразование отдельных видов должно производиться в соответствии со степенью допустимых изменений [2]. Например, среди заметных различий в практике выделяются преобразования в форме словесных элементов, а также наличие, добавление или изменение изображений и компонентов, которые не защищены законом. Другими словами, это изменения, которые могут влиять на способность товарного знака выполнять индивидуализирующую функцию.

В деле N СИП-880/20204 [3] при исследовании факта использования правообладателем товарных знаков «МАКСИМУС» N566606 был проведён анализ можно ли признать использованием маркировку товаров в сопроводительных документах обозначением «MAXIMUS». Суд пришёл к выводу, что ключевым условием охраноспособности обозначения выступает применение только с та-

кими отличиями, которые не влияют на отличительные черты товарного знака, использование обозначения на ином языке меняет существо знака. Суд констатировал факт неиспользования товарной маркировки.

В практике встречается и противоположный подход к урегулированию подобного казуса, так, в деле N СИП-745/2021 [4] под применением обозначения «ГОРЬНЫЧ», в соответствии с решением суда первой инстанции, было признано использование товарного знака «ГОРЬНЫЧ» N217820, поскольку такая вариация не изменяла сути спорного товарного знака и не ограничивала его юридическую защиту. Суд утверждал, что словесный элемент «ГОРЬНЫЧ» отличается от исходного только транскрипцией. Кроме того, суд указал на наличие изобразительного компонента, представляющего собой известного сказочного персонажа, который дублирует семантический смысл словесного элемента. Тем не менее, в кассации Суд констатировал, что написание данного обозначения на латинице не может не изменять его восприятие.

В деле о досрочном прекращении регистрации товарного знака N444393 [5] отсутствовали доказательства реального использования знака. Ответчик использовал обозначение «BONITA» на своей продукции. Суд отметил, что в данной форме не были включены все словесные элементы, содержащиеся в товарном знаке («Дом, милый дом»), а также отличался изобразительный компонент в виде используемого шрифта и цветовой гаммы. В результате суд первой инстанции пришёл к выводу, что общее восприятие товарного знака изменяется, что означает изменение его сути.

Поэтому важным аспектом при анализе зарегистрированного товарного знака и его фактического использования является вопрос о том, как это обозначение воспринимается потребителями: оно остаётся неизменным или же претерпевает изменения. Варианты использования знака, которые влияют на его уникальность, будут рассматриваться как изменяющие его сущность [6].

Литература:

1. Зуйков С. А. Оценка использования измененных товарных знаков в делах о досрочном прекращении их правовой охраны // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2022. Вып. 4 (38).— С. 130. [2, 6 — С.130–131]
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. N10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [1]
3. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 31 июля 2019 г. N C01–629/2019 по делу N СИП-311/2018 [5]
4. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 06 декабря 2021 г. N C01–452/2021 по делу N СИП-880/2020. [3]
5. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 14 февраля 2022 г. N C01–2307/2021 по делу N СИП-745/2021. [4]

Исполнении наказаний в отношении несовершеннолетних: проблемы и перспективы

Быстрый Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет, представительство в г. Челябинске

В последние годы проблема преступности несовершеннолетних в России и не только приобрела особую важность и актуальность. Специалисты из разных областей: юристы, педагоги, психологи, социологи высказывают тревогу по поводу перспектив молодого поколения. Постоянно идет обсуждение необходимости создания ювенальной юстиции, ориентированной, в первую очередь, на оказание социальной поддержки и помощи молодым людям, имеющим проблемы с законом, а не только на применение репрессивных мер в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: мера наказания, юридическая ответственность, правовая система, пенитенциарная система, ювенальная юстиция.

Уголовная ответственность несовершеннолетних, особенности применения наказаний — дискуссионный вопрос на протяжении всего периода становления российского законодательства. Такой подход сложился вместе со «взрослением» общества, не сразу.

Проблема исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних является одной из наиболее сложных и спорных в области ювенальной юстиции. С одной стороны, наказание должно быть достаточным для предотвращения рецидива и обеспечения безопасности общества. С другой стороны, несовершеннолетние преступники отличаются от взрослых по своим психологическим и социальным характеристикам, что требует особого подхода к их наказанию и реабилитации. В данной статье рассматриваются ключевые проблемы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних, а также перспективы их решения.

Социально-психологические особенности несовершеннолетних преступников

Несовершеннолетние преступники находятся в критическом периоде развития личности, когда поведенческие и эмоциональные реакции еще не сформированы окончательно. Для подростков характерны:

- Импульсивность и недостаток самоконтроля.
- Повышенная внушаемость и подверженность влиянию окружения.
- Неустойчивость ценностных ориентаций и моральных установок.

Эти особенности обуславливают необходимость особого подхода к наказаниям, который бы не способствовал дальнейшей криминализации подростка, а наоборот, способствовал его исправлению и социальной адаптации.

Проблемы существующей системы исполнения наказаний

1. Отсутствие дифференцированного подхода
 - Часто несовершеннолетние преступники получают наказания, аналогичные тем, что применяются к взрослым, что не учитывает их возрастные и психологические особенности.

- Недостаток программ, направленных на индивидуальную работу с подростками, что приводит к низкой эффективности наказаний.

2. Недостаточная реабилитация и ресоциализация

- В большинстве случаев системы исполнения наказаний фокусируются на карательных мерах, а не на реабилитации.

- Ограниченное количество программ профессионального обучения и психологической помощи.

3. Негативное влияние тюремной среды

- Содержание несовершеннолетних в тюрьмах наряду с взрослыми преступниками способствует распространению криминальной субкультуры.

- Высокий риск насилия и других негативных воздействий.

4. Недостаток пост-реабилитационной поддержки

- После освобождения подростки часто остаются без поддержки, что приводит к рецидиву.

- Недостаточная работа с семьями и ближайшим окружением подростков.

Перспективы и рекомендации

1. Разработка индивидуализированных программ наказания

- Введение программ, учитывающих личностные и психологические особенности несовершеннолетних.

- Использование различных методов воздействия: консультирование, терапия, общественные работы.

2. Укрепление реабилитационной составляющей
- Разработка и внедрение программ профессионального обучения, культурного и спортивного развития.

- Акцент на психотерапевтическую помощь и работу с мотивацией подростков.

3. Создание специальных учреждений для несовершеннолетних

- Разделение несовершеннолетних преступников и взрослых в местах лишения свободы.

- Введение воспитательных колоний с акцентом на обучение и социальную адаптацию.

4. Развитие пост-реабилитационной поддержки

– Организация программ социальной адаптации после освобождения, включая помощь в трудоустройстве и продолжении образования.

– Работа с семьями для обеспечения поддержки и надзора за подростком.

5. Совершенствование правового регулирования

– Разработка и принятие законодательных актов, направленных на защиту прав несовершеннолетних в системе исполнения наказаний.

– Установление четких стандартов и процедур, обеспечивающих гуманное обращение с подростками.

Исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних требует особого подхода, учитывающего их возрастные и психологические особенности. Существующая система нуждается в реформировании, направленном на усиление реабилитационной составляющей, создание специализированных учреждений и развитие пост-реабилитационной поддержки. Эффективное исполнение наказаний должно способствовать не только исправлению подростков, но и их успешной интеграции в общество, что является залогом снижения уровня рецидивной преступности и общего уровня преступности среди молодежи.

Литература:

1. Уголовный Кодекс РФ. Общая часть [Текст]: кодекс от 13.06.1996 (с изм. от 13.06.2023) //Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] /компания «Консультант Плюс».— Посл. Обновление 10.06.2024
2. Уголовный кодекс РСФСР. 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153 (утратил силу) //Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / компания «Консультант Плюс».— Посл. Обновление 10.06.2024
3. Писаренко А. П., Силивестров А. Л. Снижение возрастного порога наступления уголовной ответственности у несовершеннолетних: «за» и «против» // Теория и практика современной юридической науки: тезисы научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей. 26 апреля 2013 года.— Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2013.— С. 234
4. Вакарина, Е. А. Дифференциация и индивидуализация наказания в истории российского уголовного права [Текст]// Вестник Краснодарского университета МВД России. Краснодар: ФГОУ ВПО Краснодар. ун-т МВД России, 2011, № 1. С. 31
5. Бусалаева, А. В. Понятие и цели уголовной ответственности несовершеннолетних / А. В. Бусалаева.— Текст: непосредственный // Молодой ученый.— 2022.— № 42 (437).— С. 70–72.— URL: <https://moluch.ru/archive/437/95606/>

Моральные и профессиональные качества как требования, предъявляемые к работникам органов прокуратуры

Бычкова Марина Сергеевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассмотрены моральные и профессиональные качества как требования, предъявляемые к работникам органов прокуратуры. Проведен комплексный междисциплинарный анализ профессиональных качеств работника прокуратуры, включающий правовые, аксиологические и психологические компоненты. На основе междисциплинарного подхода сформирована система профессиональных качеств работника органов прокуратуры, раскрыто содержание каждого ее элемента.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский работник, профессиональная этика, моральные качества, профессиональные качества.

В условиях построения правового государства необходима реализация эффективного механизма охраны и защиты прав человека как высшей конституционной ценности. Одним из основных институтов правоохраны в России выступает прокуратура. Трехвековая история прокуратуры демонстрирует незаменимый характер данного института в государственном управлении и правоохранительной деятельности. Такое положение над-

зорного сохранилось и сегодня. В докладе об итогах деятельности прокуратуры за 2023 г. и планах на 2024 г. Генеральный прокурор РФ И. Краснов отметил, что очередной значительный рост поступивших в органы прокуратуры жалоб, а их число составляет свыше 6 300 тыс., стал, в первую очередь, результатом всей проводимой работы по направлению рассмотрения обращений граждан [1]. Посредством мер прокурорского реагирования

достигаются реальные результаты, влияющие на полноту обеспечения прав человека.

Учитывая важное социальное назначение прокуратуры в современном правовом государстве, к прокурорским работникам предъявляются повышенные этические и профессиональные требования. Указанная тематика имеет междисциплинарный характер, поскольку объединяет как правовые, так и аксиологические и психологические аспекты формирования профессиональных качеств прокурорских работников.

Система профессиональных качеств прокурорского работника включает в себя различные элементы. Прежде всего, работник прокуратуры должен соответствовать всем требованиям, предъявляемым к нему согласно Федеральному закону от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». В частности, учитывается образование и квалификация, трудовой стаж, наличие судимости, состояние здоровья и др. При этом в ч. 1 ст. 40.1 Закона о прокуратуре отдельно говорится о «необходимых профессиональных и моральных качествах» гражданина в качестве требования, предъявляемого к лицам, назначаемым на должности прокуроров, но их содержание не раскрывается ни в указанной, ни в других статьях Закона.

Вообще в научном обороте, как правило, используется устойчивый термин «профессионально важные качества» (ПВК), относящийся к области изучения психологии [9]. В зависимости от конкретной профессии формируется система соответствующих ПВК, которая именуется психограммой. В науке система ПВК дифференцируется в зависимости от определенной, но достаточно широкой по содержанию сферы профессиональной деятельности. Поэтому ПВК работников прокуратуры исследуются, как правило, в структуре психограммы юриста. Считается, что юридическая профессия, независимо от конкретной области ее реализации (будь то прокуратура, адвокатура, судейский корпус и др.), характеризуется общими чертами. Так, по мнению И. В. Гайдамашко и К. А. Талашмановой, психограмма юриста состоит из: самосознания, нравственных качеств, компетентности, ценностных ориентаций [2]. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что в литературных источниках психограмма юриста представлена по-разному, а каждый ее элемент не имеет общепризнанного, бесспорного содержания. Такое положение обусловлено общими проблемами предмета и методов психологической науки, которые не всегда имеют объективное обоснование. Тем не менее, на наш взгляд, в теоретических и практических целях необходимо иметь общее представление об основных элементах ПВК прокурорского работника.

Первым из перечисленных выше элементов системы ПВК выступает самосознание. В психологии самосознание понимается как процесс, с помощью которого человек познает себя как другого и формирует отношение к самому себе [7]. В свою очередь, профессиональное самосознание определяется как социально специфическая форма самосознания человека, благодаря которой и в виде профессио-

нальной Я-концепции фиксируются итоги осознания человеком себя как субъекта деятельности и как личности на каждом из этапов профессионального становления [4]. В контексте изучения ПВК прокурорского работника самосознание предстает в виде личностного конструкта, раскрывающего осознание человеком себя как работника надзорного органа, имеющего важное социальное назначение.

Согласимся с мнением В. Е. Девятовой о том, что с профессиональным критерием оценки деловых качеств прокуроров неразрывно связана их мораль [3]. Поэтому в систему ПВК прокурорского работника также входят нравственные (моральные) качества. Нравственные требования, предъявляемые к работникам прокуратуры, в отличие от иных элементов ПВК, имеют формально определенное выражение, поскольку перечислены в Кодексе этики прокурорского работника (КЭПР), утвержденном Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 17 марта 2010 г. № 114. К таковым относятся, например, верность гражданскому и служебному долгу, добросовестность, высокий профессиональный уровень, беспристрастность, непредвзятость, принципиальность, корректность, соблюдение официального делового стиля и др. При этом нравственные качества прокурорского работника обладают не только чисто этическим содержанием, но и правовым. За нарушение положений КЭПР к прокурорскому работнику могут быть применены дисциплинарные взыскания, т.е. меры юридической ответственности.

Термин «компетентность» в психологической и педагогической литературе рассматривается как качественный показатель, указывающий на соответствие реального и необходимого в личности специалиста, на степень присвоения личностью содержания компетенций [5]. Таким образом, компетентность прокурорского работника выражается в освоении и обладании навыками, знаниями, умениями, опытом, способностями, имеющими значение для прокурорской деятельности. Именно поэтому одним из ключевых требований к работнику органов прокуратуры выступает наличие высшего юридического образования, в процессе получения которого и формируется основная доля компетентности будущего прокурорского работника.

Ценностные ориентации также являются одним из основных элементов системы ПВК прокурорского работника. Согласимся с мнением Т. С. Пухаревой, которая полагает, что значимые для личности ценности выступают определенными стимулами в профессиональной деятельности и задают вектор профессионального развития и самореализации [8].

Ценностные ориентации как элемент ПВК работника прокуратуры лежат в основе его нравственных качеств и являются понятием, находящимся на стыке аксиологии и психологии. Аксиологический аспект выражается в формировании системы социальных ценностей, актуальных для определенного исторического периода и конкретного общества, а также, в случае с изучением ПВК прокурорского работника, для профессии прокурорского работника.

Психологические же методы позволяют выявить ценностные ориентации личности в научных и практических целях. В современных психологических исследованиях наиболее распространенной является методика Шварца для изучения ценностей личности [6], так как на сегодняшний день, пожалуй, она учитывает наиболее широкий круг возможных аксиологических предпочтений личности (равенство, удовольствие, свобода, духовная жизнь, смысл жизни, вежливость, богатство и др.).

При этом ценностные ориентации работника прокуратуры определяются не только общими ценностями, служащими ориентиром для любого человека, но и конкретными, имеющими юридическое содержание. Так, в ст. 2 Конституции РФ высшей ценностью признаются права и свободы человека и гражданина. Кроме того, закон отражает ценности демократии, уважения прав личности, свободы, справедливости, равенства и равноправия, законности и т.д. Все указанные понятия, будучи правовыми, имеют ценностное наполнение. Поэтому перечисленные и другие смежные

правовые аксиологические ориентиры являются базовым элементом прокурорской деятельности и ценностным компонентом личности прокурорского работника.

Суммируя изложенное, можно констатировать, что профессиональные качества работника прокуратуры — это междисциплинарная категория, объединяющая правовую, аксиологическую и психологическую стороны. Система профессиональных качеств прокурорского работника включает: профессиональное самосознание (осознание себя как работника прокуратуры); моральные качества (верность гражданскому и служебному долгу, добросовестность, высокий профессиональный уровень, беспристрастность, непредвзятость, принципиальность, корректность и др.); компетентность (освоение и обладание навыками, знаниями, умениями, опытом, способностями, имеющими значение для прокурорской деятельности); ценностные ориентации (аксиологические ориентиры, раскрывающие ценностную направленность прокурорского работника).

Литература:

1. Доклад Генерального прокурора РФ об итогах работы органов прокуратуры за 2023 г. и задачах по укреплению законности и правопорядка на 2024 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=94022374> (дата обращения: 28.06.2024).
2. Гайдамашко И. В., Талашманова К. А. Модель профессионально важных качеств юриста // Педагогика и психология: вопросы теории и практики. 2020. № 3. С. 7.
3. Девятова В. Е. Главные критерии оценки профессиональных и личных качеств аттестуемых прокурорских работников РФ // Социальное управление. Электронное приложение к научно-практическому журналу «Правопорядок: история, теория, практика». 2022. Т. 4. № 1. С. 43.
4. Джанерьян С. Т. Психология профессионального самосознания: учебник. Ростов-на-Дону, 2008. С. 13.
5. Евтихов О. В. Формирование профессиональной компетентности курсантов в образовательной среде вуза правоохранительных органов: монография. М., 2024. С. 12.
6. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб, 2004. С. 9.
7. Кузьмина Т. И. Самосознание и личностный адаптационный потенциал при нормальном и нарушенном развитии: монография. М., 2023. С. 11.
8. Пухарева Т. С. Социально-психологические установки и ценности в контексте профессионального развития юристов // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1. С. 53.
9. Шадриков В. Д. Профессиональные способности: монография. М., 2020. С. 174.

Об основаниях привлечения к дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих

Власенко Ольга Андреевна, студент магистратуры;

Макаренко Геннадий Иванович, кандидат исторических наук, доцент

Севастопольский экономико-гуманитарный институт, филиал Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

В статье авторы исследуют общие основания привлечения к дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих как одного из важнейших институтов обеспечения законности и порядка в деятельности государственных органов.

Ключевые слова: ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих, основания привлечения, законность.

Одним из элементов обеспечения эффективности государственного управления и деятельности государственных органов является дисциплинарная практика в отношении государственных гражданских служащих. Она оказывает конструктивное влияние на их отношение к службе, воспитывает сознательность и, как результат, способствует реализации конституционных прав граждан. В конечном счете это приводит к обеспечению законности и правопорядка в данной сфере общественных отношений. Основные текущие вопросы дисциплинарной практики в отношении государственных служащих рассмотрены в ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1]. Однако, как показывает практика, законность не всегда соблюдается. Таким образом, вопрос об основаниях привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности имеет важное практическое значение, а его рассмотрение должно считаться актуальным.

Проблемные вопросы, регулирующие правовые основы привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности рассматривали в научных трудах многие авторы, в частности Г.Е. Латышева, О.А. Скачко, П.А. Фоякина, Е.В. Тарулина и другие. Однако, нормативная и исследовательская база по данной проблематике постоянно дополняется и совершенствуется.

Цель статьи — рассмотреть основания и возможные проблемные вопросы привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности.

ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» устанавливает основные обязанности государственных гражданских служащих. Перечислять их все в рамках настоящего материала не имеет смысла, но в качестве примера можно указать обязанности соблюдать федеральные законы; исполнять должностные обязанности; исполнять поручения соответствующих руководителей; соблюдать при исполнении должностных обязанностей права и законные интересы граждан и организаций; соблюдать служебный распорядок государственного органа и другие [1, ст. 15].

Из указанного перечня можно сделать заключение о том, что ответственность государственных служащих производна исключительно от их отношения к исполнению должностных обязанностей по роду службы [3, с. 69].

При этом законом установлены само понятие и необходимость служебной дисциплины на гражданской службе — обязательного для гражданских служащих соблюдения служебного распорядка государственного органа и должностного регламента, установленных законом, нормативными актами государственного органа и со служебным контрактом [1, ст. 56].

Привлечение к ответственности служащих нуждается в обязательном процессуальном оформлении, что именуется дисциплинарным производством. Дисциплинарное производство применительно к государственным служащим в юриспруденции считается видом администра-

тивно-юрисдикционного производства и относится к административному праву.

Нормативной основой данной процедуры являются положения того же Федерального закона от 27 июля 2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Кроме того, в соответствии с указанным ФЗ принято значительное количество подзаконных актов, которые применяются в каждом ведомстве с особенностями, вытекающими из специфики их работы и должностных обязанностей конкретных служащих. Например, особое место среди нормативных правовых актов, регламентирующих дисциплинарную ответственность сотрудников таможенных органов России, занимает Дисциплинарный устав таможенной службы, так как именно он имеет особый предмет регулирования, определяет сущность служебной дисциплины в таможенных органах, права и обязанности начальников таможенных органов, связанные с ее поддержанием, а также порядок применения поощрений и наложения дисциплинарных взысканий [2, с. 141].

Основанием возбуждения дисциплинарного производства является дисциплинарное правонарушение. Дисциплинарное правонарушение, совершенное государственным служащим, представляет собой «неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей». При этом право применить дисциплинарные взыскания дается исключительно представителю нанимателя (ст. 57 ФЗ «О государственной гражданской службе»), то есть только тому должностному лицу, которое уполномочено принимать на службу или увольнять с нее государственного служащего. Последнее существенно, поскольку не только составляет систему компетенции государственных служащих, но и защищает их от возможности произвола и/или превышения власти вышестоящими по должности лицами.

Началом дисциплинарного производства считается факт возбуждения дела о дисциплинарном проступке для выявления и фиксации имеющихся нарушения [5, с. 53].

Специалисты в качестве поводов для возбуждения дела о привлечении к дисциплинарной ответственности отмечают следующие:

- выявление факта правонарушения вышестоящим руководителем;
- ходатайство непосредственного руководителя виновного о совершении правонарушения руководителем, уполномоченным привлекать к дисциплинарной ответственности;
- жалобы граждан на нарушение их прав со стороны государственного служащего;
- результаты проверок, по результатам которых выявлены нарушения, имеющие характер дисциплинарного правонарушения;
- информация от иных государственных служащих о нарушениях служебной дисциплины;

- заявление служащего, совершившего дисциплинарный проступок;
- сообщения средств массовой информации о факте совершения государственным служащим дисциплинарного правонарушения;
- добровольное сообщение служащего о совершенном им дисциплинарном проступке;
- выявленные данные о конфликте интересов [4, с. 67].

Данный перечень нельзя полагать исчерпывающим, поскольку законодательство меняется и в нем могут появиться новые поводы. Однако, следует признать и тот факт, что наличие повода для дисциплинарного производства еще не означает неминуемого наказания государственного служащего, поскольку только соблюдение тре-

бований к процедуре служебной проверки, ее полнота и объективность, а также определение вины служащего могут привести к законному разрешению дела. Однако это уже не является предметом рассмотрения настоящей статьи.

Обобщая вышеизложенное, нужно отметить, что квалифицированное правовое понимание и толкование оснований привлечения к дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих является одним из важнейших элементов повседневной деятельности государственных органов. При этом важным фактором обеспечения законности в данном вопросе является его детальное нормативно-правовое регулирование, что влияет на эффективность работы как отдельных служащих, так и всего аппарата государственной власти.

Литература:

1. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79 — ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 22.04.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 августа 2004 г. — № 31. — Ст. 3215.
2. Латышева Г. Е. Основания применения дисциплинарной ответственности к государственным служащим / Студенческий вестник. — 2021. — № 21–3 (166). — с. 67–70.
3. Скачко О. А. Основания дисциплинарной ответственности государственных служащих Федеральной таможенной службы России / Наука и общество: взгляд молодых исследователей. Материалы Всероссийской научной конференции. — Абакан, 2021. — с. 141–142.
4. Степенко В. Е. Кирпач Д. И. Порядок привлечения к дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих / Наука и современное общество: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей международной научно-практической конференции. — Пенза, 2020. — Часть 2. — с. 66–68.
5. Фоякина П. А. Проблема определения основания привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности / Студенческий вестник. — 2024. — № 10–3 (296). — с. 53–54.

Электронная переписка с контрагентом: судебная практика

Волосунова Марина Николаевна, студент магистратуры;
Волосунов Денис Владимирович, студент магистратуры
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Форма договора

Сегодня электронные системы обмена сообщениями, такие как мессенджеры, плотно вошли в нашу жизнь. В быту, с использованием данных сервисов, пересылаются, обсуждаются и согласовываются данные из практически всех информационных сфер деятельности человека, и как следствие, данная тенденция не обошла стороной и сферу деловых отношений. На практике видно, что трудовые взаимоотношения также уходят в мессенджеры. Все чаще с использованием данных сервисов происходит согласование условий контрактов, заявок и прочего. Применение мессенджеров благодаря удобству, простоте использования облегчает коммуникацию и при ведении

бизнеса. На сегодняшний день можно выделить три способа согласования договоров:

Первый способ — это письменная форма, когда мы подписываем договор, как называется, живой подписью. Этот документ находит свое отражение на бумажном носителе, и все приложения и допсоглашения к договору также оформляются в письменном виде, в том числе заявки, переписка, и прочее.

Второй способ — это согласование договора и ведение взаимоотношений в рамках электронного документооборота. То есть существует только документ в электронном виде и на бумажном носителе, как правило, его не существует. Использовать его можно только посредством распечатки или отображения на средствах визуализации,

таких как монитор, проектор и т.д. Соответственно, электронный документ подписывается при помощи электронной подписи. Все сопутствующие документы также формируются, хранятся и подписываются (при необходимости) в рамках данной системы.

Третий способ — смешанная форма договора, когда сам договор подписывается на бумажном носителе, а все остальные документы, такие как допсоглашения, приложения, заявки согласовываются и подписываются сторонами, посредством мессенджеров, в том числе с использованием электронной почты.

Судебная практика

Использование мессенджеров при согласовании условий договора, дополнительных соглашений, заявок и т.д. не укладывается в рамки описанных в нормативных актах гражданско-правовых взаимоотношений. Однако судам все же приходится квалифицировать данные отношения. Так суд может признать такие действия в качестве обычая (п. 13 Постановления Пленума ВС РФ от 22.06.2021 N18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» (далее — Постановление N18) [4]. Под обычаем в данном случае понимается обычное поведение, а именно берется во внимание как долго стороны действуют данным образом. Например, достаточное длительное время ведут переписку посредством WhatsApp в рамках исполнения того или иного договора. В случае, если сторона предоставит данные сведения, подтверждая, что обычно они ведут переписку с контрагентом в рамках исполнения договора именно в таком формате, то суд будет признавать это в качестве надлежащего доказательства.

Также немаловажным и актуальным вопросом является направление претензии посредством мессенджера. Если сторона обычно ведет коммуникацию посредством этого сервиса или этой соцсети, то направление той или иной стороне каких-либо документов в мессенджере или в соцсетях, в том числе претензии, считается надлежащим направлением этих документов стороне. Поэтому в данном случае надо исходить из общей практики ведения бизнеса. Учитывая сложившуюся практику, в случае если контрагенты обычно ведут переписку посредством систем обмена электронными сообщениями, в случае направления одной стороны — другой претензии в электронном виде посредством той же системы обмена электронными сообщениями, то утверждение о том, что данный документ отправлен ненадлежащим образом на сегодняшний день будет звучать очень спорно.

Особенно это касается генеральных директоров, которые очень много и очень часто ведут какие-то диалоги посредством разных социальных сетей и прочего, обсуждают какие-то вещи в рамках заключения договора, идет какая-то переписка. И даже если в таком формате генеральному директору другой генеральный директор

направит претензию, она будет считаться надлежаще направленной стороне. Сказать, что я ее не видел, не получал, это вообще не мне, будет уже невозможно. И на этот счет уже есть сформированная судебная практика.

Необходимо также разделять, что является электронным документом, электронным образом документа и простой письменной формой. В данном случае простой письменной формой является документ на бумажном носителе, подписанный живой подписью. (ст. 160, 434 ГК РФ). Соответственно, электронным образом документа является скан-копия документа, которую обычно мы направляем посредством электронной почты, понимая, что данный документ есть в оригинале (абзац 4 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» (далее — Постановление N57) [5]. И электронный документ — это документ, существующий только в электронной виде, то есть он представлен в виде набора 0 и 1, хранится на электронном носителе информации и ознакомиться с ним можно только посредством специального программного обеспечения. Подписывается данный документ с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи. Таким образом у данного документа нет такого понятия как оригинал, присущий документам, составленным в простой письменной форме, любая копия подписанного документа может рассматриваться в качестве оригинала. Таким образом, всю переписку в системах обмена электронными сообщениями можно отнести к формату электронного документа, в котором информация в электронной форме признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью. Поскольку использование мессенджера при пересылке сообщений может рассматриваться как пересылка электронного документа, подписанного с применением неквалифицированной электронной подписи, что при определенных условиях может быть признано равнозначным пересылке документов на бумажном носителе, подписанных собственноручной подписью.

Использование систем обмена электронными сообщениями тесно связано с понятием простой электронной подписи. В общем виде под простой электронной подписью понимается электронная подпись, которая посредством использования кодов, паролей или иных средств подтверждает факт формирования электронной подписи определенным лицом. Ключевым в данном определении является понятие «определенное лицо». Поскольку аккаунты мессенджеров как правило регистрируются на определенном номере телефона, то практически всегда можно установить «определенное лицо» от имени которого ведется переписка. Стоит отметить, что данный номер телефона может быть зарегистрирован на конкретное физическое либо юридическое лицо, т.е. может быть зарегистрированы как на гражданина, на физическое лицо,

на юридическое лицо и на ИП (п. 6 ст. 44 Федерального закона от 07.07.2003 N126-ФЗ «О связи») [3]. Ведя переписку с определенного номера телефона в рамках того или иного мессенджера, сторона понимает, что она взаимодействует именно с вами. Но в каждом правиле существуют исключения и при ведении электронной переписки рекомендуется уточнять, с кем конкретно ведется данная переписка, и имеет ли данное лицо соответствующие полномочия на ведение данных переговоров.

Для признания юридической силы переписки в мессенджерах необходимо прежде всего понимать, что из данной переписки представляет возможным достоверно установить, что вы ведете коммуникацию или ведете общение с конкретным лицом, что стороны действуют от собственного имени или от имени компании.

Также важно, чтобы из переписки, которая ведется в мессенджере, было четко и понятно, о чем стороны договариваются, в рамках какого договора ведется общение или в рамках каких условий происходит исполнение или предмет, в отношении которого идет согласование. При этом сама переписка в мессенджере должна содержать существенные условия либо этой заявки, либо договора в целом (Постановление АС Поволжского округа от 30.09.2020 N Ф06-66233/2020) [6].

Рассмотрим другую ситуацию, когда есть у нас договор на бумажном носителе, но дальше переписка идет в мессенджерах, что наиболее часто сейчас встречается. В данном случае рекомендуется указать в договоре возможность ведения дальнейших переговоров по средствам систем обмена электронными сообщениями и четко прописать с указанием конкретных систем обмена электронными сообщениями, а также конкретных номеров телефонов сторон, от имени которых будет вестись дальнейшая переписка либо согласование, а также указать, что данная переписка имеет юридическую силу для обеих сторон и признается надлежащей (Постановление Седьмого ААС от 09.02.2022 N07АП-11074/2021) [7].

Переписка по электронной почте

Вопрос признания юридической силы переписки, ведущейся по электронной почте также является на сегодняшний день актуальным и важным. Однако в отличие от переписки, ведущейся в мессенджерах, вопрос признания юридической силы переписки по электронной почте имеет уже сложившуюся достаточно хорошую судебную практику. В отличие от мессенджеров переписку, ведущуюся с использованием электронной почте намного сложнее изменить или подчистить и в соответствии с этим, суды охотнее признают ее юридическую силу. Еще одним важным моментом является то, что как правило, электронная почта официально прикреплена к определенному юридическому лицу, опубликована на официальном сайте компании либо иным образом подтверждена как официальный реквизит компании и предназначена для взаимодействия, коммуникации. Таким

образом направленная корреспонденция с этой электронной почты является надлежащей, т.е. имеет юридическую силу (Постановление Десятого ААС от 27.08.2021 N10АП-14629/2021, Решение АС г. Москвы от 20.08.2021 по делу N А40-222305/20-19-1556) [8,9].

Если сторонами в договоре определен один адрес электронной почты, а переписку ведут они почему-то с другого, то для суда это будет определенный важный аспект, когда суд будет рассматривать буквальное толкование, что указано в договоре. Это следует учитывать, потому что часто бывает разночтение, когда стороны переписываются с разных электронных почт, а в договоре указана иная. Это важный момент при подготовке доказательств в рамках судебного заседания, поскольку использование в переписке адреса электронной почты, указанного в договоре, будет означать надлежащее исполнение стороной своих обязательств в рамках договора.

Рекомендации для ведения деловой переписки

Стоит обращать внимание не только на текст, пересылаемый в рамках переписки, но и на пересылаемые идограммы и смайлики, так называемые эмодзи. Поскольку суд может квалифицировать направленный смайлик «палец вверх» в ответ на предлагаемые условия о поставке товара как согласие с данными условиями (Постановление Пятнадцатого ААС от 29.06.2023 N15АП-8889/2023) [10]. Действительно, такое дело имело место быть, причем даже не одно. И судебная практика противоречивая. В одном случае она говорит, что да, действительно, данный жест считается согласованием условий, потому что дальше не было никакой переписки в части несогласия или каких-то уточняющих вопросов и т.д. То есть стороны дальше продолжили коммуникацию, и считается, что условия были согласованы надлежащим образом. Есть и другая позиция, что данный смайл-жест не является надлежащим подтверждением согласования тех или иных условий, которых стороны достигли (Постановление Второго ААС от 30.10.2023 N02АП-5712/2023) [11]. Считается, что это просто некое одобрение, но дальше должно было быть какое-то письменное подтверждение.

Необходимо помнить следующее: согласно статье 75 АПК РФ, переписка в мессенджере является прежде всего письменным доказательством [2]. Любая переписка в мессенджере должна быть нотариально заверена, если она представляется в суде в качестве доказательства. Более того, в некоторых случаях суд принимает в качестве косвенного доказательства скриншот переписки. Стоит отметить, что в настоящее время практически любой мессенджер позволяет скорректировать любое сообщение в переписке в рамках исполнения того или иного договора. В этой связи суд будет просить, какие-то дополнительные доказательства, подтверждающие намерения либо обязанности сторон, либо то, что стороны исполнили данные обязательства.

Также важно, чтобы помимо текста, который будет в переписке, всегда была видна дата и время отправления сообщения, в рамках какого договора или заявки происходит переписка, чтобы суду в дальнейшем было проще понять, о чем велась речь.

Таким образом, можно сделать вывод, что при ведении переписки в электронном виде, необходимо указывать корректные номера телефонов и адреса электронных почт, с которых стороны производят обмен информа-

цией, иначе в судебном заседании будет проблематично доказать юридическую силу данной переписки. Также желательно указывать мессенджеры, через которые планируется вести переписку, чтобы в дальнейшем не пришлось доказывать, кому принадлежит тот или иной телефонный номер, что лицо, ведущее переписку, было на то уполномочено и т.д. Данный подход позволит минимизировать риски в случае дальнейших судебных разбирательств.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N51-ФЗ ст. 160, ст. 434 (ред. от 11.03.2024)
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N95-ФЗ (ред. от 29.05.2024, с изм. от 20.06.2024) ст. 75
3. Федеральный закон от 07.07.2003 N126-ФЗ «О связи» (п. 6 ст. 44)
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» (п. 13)
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» (абз. 4, абз. 5 п. 1)
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30.09.2020 N Ф06-66233/2020 по делу N А49-10683/2019
7. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 09.02.2022 N07АП-11074/2021 по делу N А45-24923/2021
8. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 27.08.2021 N10АП-14629/2021 по делу N А41-85959/2020
9. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.08.2021 по делу N А40-222305/20-19-1556
10. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 N15АП-8889/2023 по делу N А32-36944/2022
11. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 30.10.2023 N02АП-5712/2023 по делу N А28-2634/2023

Правовое регулирование содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений

Вылекжанина Валерия Викторовна, курсант

Научный руководитель: Морозов Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент,
подполковник внутренней службы

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк)

В данной статье раскрывается нормативно-правовое закрепление содержания под стражей, а также актуальные проблемы регулирования содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Ключевые слова: заключение под стражу, правовой статус подозреваемых и обвиняемых, режим в местах содержания под стражей.

Значение применения заключения под стражу определяется наиболее эффективной мерой пресечения с точки зрения возможности достижения ее целей. Именно поэтому основной задачей правового регулирования содержания под стражей будет являться установление правового статуса подозреваемых и обвиняемых,

подсудимых и осужденных, т.е. объема их прав и обязанностей, законных интересов, создание необходимых гарантий и их реализации.

Основным правовым актом, регламентирующим порядок исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу является Федеральный закон от 15 июля 1995 г.

№103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», который регламентирует порядок и условия содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений; категории лиц, в отношении которых устанавливаются соответствующие условия и порядок; обеспечение гарантий прав и законных интересов лиц, содержащихся в следственных изоляторах и изоляторах временного содержания.

Содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых представляет собой социально значимую сферу деятельности государства. Поэтому она должна подчиняться основополагающим идеям, или принципам. В ст. 4 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей обвиняемых и подозреваемых» устанавливается, что содержание под стражей Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 №103-ФЗ, осуществляется в соответствии с принципами законности, равенства всех граждан перед законом, гуманизма, уважения человеческого достоинства в соответствии с Конституцией, принципами и нормами международного права, а также международными договорами Российской Федерации. Оно не должно сопровождаться пытками, иными действиями, имеющими целью причинение физических или нравственных страданий подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений.

Данный Федеральный закон показывает свою эффективность на практике, поскольку, будучи направленный на достижение задач уголовного правосудия он одновременно закрепляет прогрессивные идеи обеспечения прав человека при реализации государственного принуждения, каким является содержание под стражей обвиняемых и подозреваемых. Так же он определяет изоляцию от общества подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, подсудимых и осужденных, в отношении которых обвинительный приговор не вступил в законную силу; надзор за ними; правоограничения; правила внутреннего распорядка; раздельное содержание различных

категорий лиц, меры профилактического воздействия, применяемые к ним.

Следует иметь также в виду, что следственные изоляторы выполняют функции исправительного учреждения в отношении лиц, оставленных в этих учреждениях для хозяйственного обслуживания в соответствии со ст. 77 УИК РФ.

Большую часть в Федеральном законе № 103-ФЗ затрагиваются вопросы режима содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Хотелось отметить, что как такого понятия «режима содержания под стражей» не закреплено. Сравнивая режим в ИУ, то прежде всего режим выступает как средство исправления осужденных. Говоря о режиме в местах содержания под стражей оно уже не может выступать в качестве средства исправления т.к. правовой статус подозреваемого и обвиняемого является до решения суда невиновным и здесь понятие режим содержания под стражей уже будет выступать как средство недопущения возможности подозреваемому или обвиняемому скрыться от органов дознания, предварительного следствия или суда; продолжить заниматься преступной деятельностью; угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Тем самым хотелось отметить, что отсутствие определения как «режим содержания под стражей» не дает нам точно понять на, что именно он направлен и зачем он нужен в местах содержания под стражей.

Федеральный закон № 103-ФЗ до сих пор остается не урегулированным нормативно-правовым актом т.к. есть некоторые вопросы касающиеся порядка предоставления подозреваемым и обвиняемым телефонных переговоров.

Из всего сказанного, стоит отметить, что создание и закрепление отдельной главы, которая бы посвящалась «режиму содержания под стражей» имеет место быть. Тем самым она бы четко определяла для чего нужен режим в местах содержания под стражей и позволила бы избежать недопонимания самого понятия режим в местах содержания под стражей.

Литература:

1. Буторин Д.Е. Правовое регулирование режима содержания под стражей лиц в следственных изоляторах // Журнал Право и управление. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-rezhima-soderzhaniya-pod-strazhey-lits-v-sledstvennyh-izolyatorah>
2. Караваев И.В. Актуальные вопросы правового регулирования режима в следственных изоляторах // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-rezhima-v-sledstvennyh-izolyatorah/viewer>
3. Караваев И. В., Назарова Е. В. Новые нормы Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 11 (227). — С. 282–287.
4. Судницын А. Б., Воронов Д. А. Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Уголовный процесс. 2020. № 26. С. 12–15.
5. Печегин, Д. А. ПЗ1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: комментарий к новейшей действующей редакции / Д. А. Печегин. — Москва: Эксмо, 2023. — 480 с.

Проблемы определения тяжести вреда, причиненного здоровью человека

Гордеева Мария Романовна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Ежегодно в России совершается огромное количество преступлений против жизни и здоровья личности. Хотя, согласно статистике МВД России за январь — май 2024 года, число убийств и покушений на убийства сократилось на 16,4%, а фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — на 5,7% [1], преступления в данной сфере совершаются, а значит потребность следствия в судебно-медицинской экспертизе и услугах, предоставляемых судебными медицинскими экспертами вполне обоснована и актуальна, ведь только лицо, обладающее специальными познаниями в сфере медицины способно установить степень тяжести вреда здоровью потерпевшего и поспособствовать определению дальнейших правовых последствий в отношении лица, которым данный вред был причинен.

Здоровье является главным показателем психофизического состояния человека, который отражает уровень его приспособленности к окружающей среде, соответственно, под вредом здоровью понимают ухудшение состояния человека, усложняющие его адаптацию к окружающей среде. При чем в контексте совершенного преступления против здоровья человека вред здоровью связывается исключительно с внешним воздействием на организм человека, потому как состояния и патологии, вызванные естественными процессами старения или каким-либо заболеванием нельзя считать причинением вреда [2].

Правовой аспект причинения вреда и установления степени тяжести здоровью необходимо рассматривать в рамках норм Уголовного Кодекса РФ, Постановления Правительства Российской Федерации от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (далее — Правила) и Приказа Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (далее — Медицинские критерии, или МК).

В соответствии с Правилами «под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды» [3]. Судебный эксперт или лицо, имеющее право на проведение соответствующей экспертизы, согласно данным Правилам должен установить вред, причиненный здоровью человека, учитывая следующие аспекты: 1) степень тяжести здоровью (существует тяжкий вред, средней тяжести вред и легкий вред) на основании квалифицирующих признаков, перечень которых установлен Правилами в пункте 4; 2) медицинские

критерии, установленные Правительством РФ [3]. Сущность медицинских критериев заключается в том, что они характеризуют квалифицирующие признаки, которые определяют тяжесть вреда при производстве судебной медицинской экспертизы в рамках различных видов судопроизводства.

На основе общепринятых квалифицирующих признаков тяжести вреда здоровью были сформулированы уголовно-правовые нормы действующего Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ), а именно: ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»; ст. 115 «Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью» [4]. Представленные статьи УК РФ имеют исчерпывающий перечень указанных признаков и при этом не имеют отсылки на Правила и МК, что, в свою очередь ставит под вопрос значение юридической силы данного федерального закона, ведь Правила являются ведомственным актом, но в сравнении с УК РФ в большей степени влияют на результат расследования. При этом логика законодателя предельно ясна: для определения меры ответственности за причинённый вред уголовным законодательством предусмотрены степени тяжести причинённого вреда, а для их установления — квалифицирующие признаки и медицинские критерии, их характеризующие в отдельных ведомственных актах.

Согласно Правилам, квалифицирующими признаками в отношении тяжкого вреда здоровью являются «вред, опасный для жизни человека; потеря зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрата органом его функций; прерывание беременности; психическое расстройство; заболевание наркоманией либо токсикоманией; неизгладимое обезображивание лица; значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть; полная утрата профессиональной трудоспособности. В отношении вреда средней тяжести предусмотрены такие признаки, как длительное расстройство здоровья, а также значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть. В отношении же вреда легкой степени тяжести — кратковременное расстройство здоровья, а также незначительная стойкая утрата общей трудоспособности» [3].

Несмотря на, казалось бы, детализированный перечень квалифицирующих признаков и медицинских критериев в научных кругах бытуют разные мнения относительно целесообразности или недостатка некоторых из них. К примеру, П.П. Гриценко считает, что в рамках содержания пунктов 6.1.1–6.1.30 МК, описывающих телесные повреждения, создающие угрозу для жизни человека, неуместно включение ранение щитовидной

железы или перелом хряща гортани, трахеи [2]. Или, например, в работе Е. А. Шарповой содержится практический случай, который демонстрирует неполноту указанного перечня: так, оставшиеся после хирургического вмешательства зажимы в брюшной полости вызвали кишечную непроходимость, вследствие которой началось отмирание местных тканей (некроз). Данный диагноз в соответствии с МК оценивается как вред средней тяжести здоровью, однако, по мнению автора, является более опасным состоянием для жизни человека. Автором был сделан вывод о наличии коллизии между критериями МК и нормами УК РФ [2]. Внести ясность в волнующие экспертов вопросы призван Минздрав России, однако, как показала практика, в частности Письмо Минздрава от 8 ноября 2012 г. № 14–1/10/2–3598, подобные разъяснения вводят экспертов в еще большее заблуждение. В результате данное Письмо было отозвано в виду острой критики со стороны экспертного сообщества.

Стоит также затронуть вопрос нравственно-этического характера при изучении содержания медицинских критериев, в частности пункт 24 МК, который по воле эксперта может оправдать недобросовестных медиков, объясняющих, что смерть пациента связана исключительно с заболеванием пациента, а не с их собственным бездействием, что является, несомненно, острой проблемой как с точки зрения права, так и морали. В соответствии с данным пунктом «ухудшение состояния здоровья человека, вызванное характером и тяжестью травмы, трав-

ления, заболевания, поздними сроками начала лечения, его возрастом, сопутствующей патологией и др. причинами, не рассматривается как причинение вреда здоровью» [5]. По мнению Д. А. Деминой, данный пункт МК часто применяется экспертами ошибочно, причем еще неохотнее в экспертном заключении встречается пункт 25, который наоборот указывает на причастность медицинского персонала к ухудшению здоровья человека путем бездействия, неоказания ему надлежащей медицинской помощи. По мнению автора, есть множество случаев, при которых грамотный и своевременный подход к лечению может спасти жизнь пациента [6]. Соответственно, экспертами должны проводиться более тщательные проверки, в частности должны быть рассмотрены последствия неоказания своевременной медицинской помощи.

Таким образом, в рамках исследования были проанализированы правила определения степени тяжести вреда здоровью, в частности рассмотрены квалифицирующие признаки и медицинские критерии. Необходимо говорить о большой роли судебных экспертов при составлении экспертных заключений, которые в сущности определяют исход уголовного дела. Также при анализе научной литературы были выявлены недостатки регламентации Правил и медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью, выражающиеся в их неполноте, возможной неуместности, что препятствует составлению объективного экспертного заключения.

Литература:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — май 2024 года [Электронный ресурс].— Режим доступа: [https://xn — b1aew.xn — p1ai/reports/item/51988292/](https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/51988292/) (дата обращения: 25.06.2024).
2. Шарпова Е. А. О коллизиях правового регулирования определения степени тяжести вреда здоровью / Е. А. Шарпова // Наука и человек в новом мире: Сборник статей II Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 25 мая 2023 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2023. С. 72–77.
3. Постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/12155259/>.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (с изменениями и дополнениями) Приложение. Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/12162210/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
6. Демина Д. А. К вопросу о правовом регулировании определения степени тяжести вреда здоровью / Д. А. Демина, С. В. Кузнецов // Правда и Закон. 2019. № 2(8). С. 63–68.

Конституционная защита нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации

Дедоров Никита Дмитриевич, аспирант
Тверской государственной университет

В статье анализируется принятый 20.10.2022 Федеральный закон N402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» на предмет степени конституционной защищенности носителей нематериального этнокультурного достояния и хранителей нематериального этнокультурного достояния.

Ключевые слова: конституционные интересы граждан РФ, нематериальное этнокультурное достояние, традиции, культура, культурные ценности.

Россия — страна великой культуры, огромного культурного наследия, многовековых культурных традиций и неиссякаемого творческого потенциала. В силу своего географического положения, многонациональности, многоконфессиональности Россия развивалась и развивается как страна, объединяющая два мира — Восток и Запад. Исторический путь России определил ее культурное своеобразие, особенности национального менталитета, ценностные основы жизни российского общества. Накоплен уникальный исторический опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур — на этом естественным образом веками строилась российская государственность. [5]

В России в последние десятилетия происходят общественно-политические, экономические, культурные и территориальные преобразования. Культура играет фундаментальную роль в формировании общества и нации. В России богатое культурное наследие имеет огромное значение для идентичности народов, сплоченности общества и самоопределения граждан. Нематериальная культура, такая как традиции, обычаи, языки, религия, искусство, литература и музыка, является ключевым элементом укрепления культурного кода и единства Российской Федерации.

Термин «культурное наследие» впервые был упомянут в принятой на XVII сессии Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО, англ. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) Конвенции «Об охране всемирного культурного и природного наследия» [1].

Культура — неотъемлемая часть нашего общества и каждого человека, в связи с этим проблема правового регулирования отношений в данной сфере — одна из важнейших для России. В условиях современного мира становится очевидной необходимость сохранения культурного наследия России, при этом особое значение отводится институту культурных прав граждан. Сила России — в свободном развитии всех народов, в многообразии, гармонии культур, языков и традиций, во взаимном уважении, диалоге православных, мусульман, последователей иудаизма и буддизма [6].

20 октября 2022 года Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал Федеральный закон «О нема-

териальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [3]. Законом регулируются отношения в области выявления, изучения, использования, актуализации, сохранения и популяризации нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации, с целью реализации прав этнических общностей на сохранение своей культурно-национальной самобытности и реализации конституционного права каждого гражданина на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении культурного наследия.

В законе впервые дается определение понятий «нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации», «этническая общность Российской Федерации», «носители нематериального этнокультурного достояния», «хранители нематериального этнокультурного достояния» и «государственная политика в области нематериального этнокультурного достояния».

Нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации определяется как совокупность присутствующих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также восоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения.

Нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации является важнейшим элементом духовности этнических групп и играет ключевую роль в формировании культурного пространства современной России. На основе передачи из поколения в поколение традиционных знаний, навыков и умений не только закрепляется опыт практической деятельности человеческого сообщества, но и формируются этические идеалы, моральные принципы и нравственные установки.

Сохраняя до наших дней свое основополагающее значение, нематериальное этнокультурное достояние несет в себе важнейшие свойства и качества культурного развития, в котором находит выражение исторический путь этнических групп Российской Федерации, а также отражаются современные тенденции развития традиционной культуры. На территории Российской Федерации прожи-

вают представители более 190 национальностей и этнических групп, каждая из которых является носителем уникальных самобытных культурных традиций.

Право человека и гражданина на доступ к культурным ценностям получило юридическое закрепление в ст. 44 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям» [2]. Каждый обладает правом доступа к государственным фондам: музейным, архивным, библиотечным, другим собраниям в сфере культурной деятельности, на приобщение к культурным ценностям. Отнесение названного права к категории конституционных подчеркивает его фундаментальную важность и неразрывную связь с основными принципами и традиционными ценностями государства.

С правом на доступ к культурным ценностям приходит и обязанность защиты культурных ценностей от посягательств. За последние пятнадцать лет было зарегистрировано более 5 тысяч преступлений, связанных с хищением культурных ценностей. В основном хищения происходят из музеев, мест отправления религиозных культов, квартир и частных домовладений.

Из такого большого количества посягательств на культурные ценности можно сделать четкий вывод о том, что злоумышленники видят в этом большую материальную перспективу и выгоду, ведь материальные культурные ценности обладают характерным признаком — «осязаемость». В силу этого они легко находят своего покупателя на «черном рынке». Но что же касается объектов нематериального культурного наследия? Они практически неосязаемы и находятся в душах и сердцах поколений и имеют не меньшую значимость и ценность, чем объекты материальной культуры.

10 февраля 2022 года в Доме Российского исторического общества прошёл круглый стол, посвящённый Году культурного наследия народов России. В своём выступлении Председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин особо отметил, что материальное и духовное наследие почти невозможно рассматривать в отрыве друг от друга.

Статья 5 Федерального закона определяет объекты нематериального этнокультурного достояния, к которым относятся:

1) устное творчество, устные традиции и формы их выражения на русском языке, языках и диалектах народов Российской Федерации;

2) формы традиционного исполнительского искусства (словесного, вокального, инструментального, хореографического);

3) традиции, выраженные в обрядах, празднествах, обычаях, играх и других формах народной культуры;

4) знания, выраженные в объективной форме, технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладами жизни и традиционными ремеслами, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах,

и стилистике их воплощения, существующих на определенной территории;

5) иные объекты нематериального этнокультурного достояния.

В целях учета, сохранения, изучения, актуализации и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния создан Реестр объектов нематериального культурного наследия (государственной информационной системы «Федеральный государственный реестр объектов этнокультурного достояния Российской Федерации») (далее — Реестр), который с каждым днем пополняется все больше и больше.

172 объекта этнокультурного достояния Российской Федерации вошли в вышеупомянутый реестр. Центральный федеральный округ (далее ЦФО) занимает лидирующее положение среди других округов по объектам нематериального культурного наследия России (44 объекта).

Для чего создан Реестр? Исходя из цели, которая указана в законе, он создан для учета, сохранения, изучения, актуализации и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния.

Что же касается защиты объектов нематериального этнокультурного достояния? Принятие 20.10.2022 закона N402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» не дает нам в полной мере этой защищенности. Сохранение не есть защита. Законом не определен никакой механизм защиты объектов нематериального культурного наследия. Трудность заключается в том, что нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации неразрывно связана с человеком. Учения и навыки человека и есть нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации.

Таким образом нематериальное культурное наследие народов России вплетено в целый блок личных конституционных прав человека и гражданина. Право на жизнь является фундаментальным и неотъемлемым правом каждого человека. Оно обеспечивает основу для всех остальных прав и свобод, а также для развития личности и выражения ее культурной и духовной сущности. Нематериальное культурное наследие, будучи важным элементом культурного разнообразия народов России, является неотъемлемой частью человеческой жизни и самоидентификации.

Хранитель нематериальной культуры в обществе играет ключевую роль в сохранении и передаче традиций, обычаев, языка, искусства и других культурных ценностей следующим поколениям. Его деятельность направлена на сохранение ценностей и богатств культуры, что способствует укреплению общественной связи и солидарности.

К примеру, творческое наследие рожечника Красильщикова Сергея Осиповича из села Столипино Зубцовского района Тверской области неразрывно связано с его родословной династией. Для некоторых народов, проживающих на территории Российской Федерации, имеющих

объекты НКН, находящиеся на грани исчезновения или представляющие особую культурную и историческую ценность, роль защиты, передачи и популяризации своей культуры является весьма актуальной.

Таким образом, право на доступ к культурным ценностям касается каждого человека, каждого гражданина

Российской Федерации так же, как и обязанность защиты этого права и самих культурных ценностей. Вместе с этим роль защиты хранителей нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации выходит на первый план в осуществлении политики в области сохранения культурного кода народов России.

Литература:

1. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Принята 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 10.06.2024).
3. Федеральный закон от 20.10.2022 N402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429409/ (дата обращения 10.06.2024)
4. Указ Президента РФ от 24.12.2014 N808 (ред. от 25.01.2023) «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения 10.06.2024).
5. Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115> (дата обращения 10.04.2023).
6. Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию от 03.12.2015 // Парламентская газета. 2015. № 44 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542/page/1> (дата обращения 10.04.2023).

К вопросу о введении блокировки интернет-ресурсов как меры обеспечения производства в административно-деликтном процессе

Джалилов Машхурджон Максудович, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается вопрос о необходимости внесения изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части введения блокировки интернет-ресурсов в качестве меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Анализируются современные тенденции правоприменительной практики, свидетельствующие о целесообразности предоставления уполномоченным органам права временно ограничивать доступ к интернет-ресурсам, содержащим информацию, распространение которой запрещено законом, либо явившимся средством совершения административного правонарушения. Исследуются проблемы законодательного регулирования и процедурные аспекты применения данной меры. Уделяется внимание вопросам соблюдения баланса между обеспечением эффективного производства и защитой прав и свобод граждан. Предлагаются возможные подходы к формулированию соответствующей нормы в КоАП РФ.

Ключевые слова: административное правонарушение, меры обеспечения производства, блокировка интернет-ресурсов, противоправная информация, эффективность административного процесса, права и свободы граждан, совершенствование административного законодательства.

Перечень мер обеспечения, в целом, мало видоизменился со времени принятия первого Кодекса об административных правонарушениях РСФСР. В современных условиях представляется целесообразным пересмотреть данный перечень с учётом появлением новых вызовов с целью обеспечения защиты прав и законных интересов лиц, в отношении которых данные меры подлежат применению, а также в интересах более эффектив-

ного рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Учитывая активное распространение правонарушений в сети Интернет, необходимо предусмотреть возможность оперативного ограничения доступа к сайтам, страницам в социальных сетях и другим информационным ресурсам, используемым для совершения административных правонарушений. Данная мера позволит пресечь противо-

правную деятельность, предотвратить причинение вреда и собрать необходимые доказательства. Данная мера обеспечения может быть использована при пресечении информационно-административных правонарушений.

Считаем, целесообразным закрепить данную процедуру в КоАП РФ по блокировке соответствующих сайтов, размещенная информация на которых содержит предмет административного правонарушения.

В общем виде данная процедура должна осуществляться следующим образом. Должностное лицо, рассматривающее дело об административном правонарушении при выявлении на соответствующих интернет-порталах, информации, которая содержит предмет административного правонарушения должно вынести соответствующее решение о применении данной меры пресечения и направить его на исполнение органам Роскомнадзора.

Введение в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации меры обеспечения в виде блокировки доступа к информационным ресурсам, используемым для совершения административных правонарушений, представляется обоснованным и необходимым по ряду причин [1].

Во-первых, в современных условиях активного развития информационных технологий, сеть Интернет и социальные медиа все чаще становятся средой для совершения различных противоправных деяний, в том числе административных правонарушений. Размещение на сайтах или в социальных сетях материалов, пропагандирующих незаконную деятельность, организация через интернет-ресурсы противоправных мероприятий, распространение запрещенной законодательством Российской Федерации информации, в частности продажу запрещенных веществ и средств, оружия, распространение экстремистских материалов — все это требует оперативного реагирования и пресечения.

Под запрещенной к распространению информации (информацией, распространение которой запрещено законодательством Российской Федерации) следует понимать любую информацию, распространение которой прямо запрещено нормами уголовного закона под угрозой уголовной ответственности, нормами информационного законодательства, в том числе, федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», нормами Кодекса Российской Федерации об административной ответственности под угрозой наложения административного взыскания, нормами гражданского законодательства, законодательства о защите персональных данных, противодействию террористической деятельности, иными нормами федерального законодательства [2].

Во-вторых, блокировка доступа к таким информационным ресурсам позволит незамедлительно прекратить противоправные действия, предотвратить причинение вреда охраняемым законом общественным отношениям. Это особенно актуально в ситуациях, когда правонарушения могут повлечь массовые негативные последствия

(например, массовые беспорядки), распространение запрещенной информации (в том числе, по обороту запрещенных веществ и товаров), подстрекательство к совершению преступлений и т.д.

В-третьих, ограничение доступа к информационным ресурсам, используемым для совершения административных правонарушений, позволит должностным лицам, осуществляющим производство по делам, более эффективно фиксировать и документировать противоправную деятельность, собирать необходимые доказательства. Это существенно повысит качество и результативность административного производства.

Наконец, закрепление данной меры обеспечения в КоАП РФ будет способствовать приведению норм законодательства в соответствие с современными реалиями, когда значительная часть противоправных деяний совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Ее применение станет важным инструментом в борьбе с административными правонарушениями в цифровой среде [3].

Таким образом, введение в КоАП РФ меры по блокировке доступа к информационным ресурсам, используемым для совершения административных правонарушений, будет способствовать повышению эффективности производства по делам об административных правонарушениях, своевременному пресечению совершения административных правонарушений и обеспечению неотвратимости ответственности правонарушителей. Однако, следует учитывать, что при применении данной меры обеспечения не должны нарушаться законные права и интересы правообладателей и (или) владельцев соответствующих интернет-порталов (страниц, сайтов).

Выглядит целесообразным обеспечить их права следующим путем:

1) До принятия данной меры обеспечения правообладателю интернет-ресурса предписывается в трёхдневный срок удалить информацию, являющуюся предметом административного правонарушения в добровольном порядке.

2) Данная мера обеспечения используется исключительно в случаях если размещенная информация составляет предмет административного правонарушения, направлена на реализацию (оборот) запрещенных на территории Российской Федерации средств, веществ, в том числе оружия, призывает к экстремистской, террористической, иной незаконной деятельности, оскорбляет или унижает граждан либо определенную социальную группу общества.

3) Данная мера подлежит применению исключительно в рамках дела об административном правонарушении.

В частности, данная мера обеспечения может применяться в рамках рассмотрения административных правонарушений, предусмотренных:

1) статьей 5.12 КоАП РФ, распространение или размещение агитационных материалов с нарушением требований законодательства о выборах и референдумах;

2) статьей 5.53 КоАП РФ, незаконные действия по распространению информации, составляющей кредитную историю

3) статьей 13.37 КоАП РФ, распространение владельцем аудиовизуального сервиса информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалов, публично оправдывающих терроризм, или других материалов, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности,

4) статьей 20.3.2. КоАП РФ, публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации;

5) статьей 20.3.4 КоАП РФ, призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц;

6) статьей 20.29 КоАП РФ, производство и распространение экстремистских материалов;

7) иных правонарушений, предметом которых является незаконное распространение информации, нарушающих прав и интересы граждан, их объединений, организаций, государства.

Подытоживая, предлагаем дополнить КоАП РФ нормой в следующей редакции:

Блокировка интернет-ресурсов

1. Блокировка интернет-ресурса может применяться в качестве меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении в случаях, если имеются достаточные основания полагать, что данный ресурс содержит информацию, распространение которой запре-

щено законодательством Российской Федерации и является средством совершения административного правонарушения.

2. Решение о блокировке интернет-ресурса принимается судьей либо должностным лицом, уполномоченным рассматривать дело об административном правонарушении, в виде мотивированного определения (постановления).

3. В определении (постановлении) о блокировке интернет-ресурса должны быть указаны основания принятия данной меры, сведения, позволяющие идентифицировать ресурс (URL-адрес, IP-адрес и т.п.), а также срок, на который устанавливается блокировка.

4. Правообладатель и (или) владелец интернет-ресурса уведомляется о принятом в отношении его интернет-ресурса решении о блокировке в порядке предусмотренном Роскомнадзором. В трёхдневный срок с момента уведомления правообладателя и (или) владельца, данные лица вправе добровольно

5. Блокировка интернет-ресурса осуществляется органами Роскомнадзора, на основании вступившего в законную силу определения (постановления) суда или должностного лица по истечению трехдневного срока на добровольное удаление правообладателем (владельцем) интернет-ресурса запрещенной информации, указанной в определении (постановлении).

6. Срок блокировки интернет-ресурса не может превышать срока рассмотрения дела об административном правонарушении. По вступлении в законную силу постановления по делу об административном правонарушении блокировка ресурса должна быть немедленно прекращена, за исключением случаев, когда его содержание признано запрещенным к распространению на территории Российской Федерации.

Литература:

1. Шатохин С. А. Меры государственного противодействия распространению информации экстремистского характера в сети «Интернет» на примере блокировки интернет-мессенджера «Telegram» // Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-gosudarstvennogo-protivodeystviya-rasprostraneniyu-informatsii-ekstremistskogo-haraktera-v-seti-internet-na-primere-blokirovki> (дата обращения: 24.04.2024).
2. Соколов А. Ю. Правовое противодействие современным вызовам и угрозам информационной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-protivodeystvie-sovremennym-vyzovam-i-ugrozam-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 24.04.2024).
3. Кондрашев А. А. Основные тенденции ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети Интернет: российское законодательство и практика // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-ogranicheniya-konstitutsionnyh-prav-grazhdan-na-informatsiyu-v-seti-internet-rossiyskoe-zakonodatelstvo-i-praktika> (дата обращения: 24.04.2024).

Правовые проблемы, угрозы, вызовы, связанные с осуществлением государственного управления

Дроздов Данила Александрович, студент;

Жигалина Екатерина Сергеевна, студент;

Жидов Александр Андреевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье авторы анализируют правовые проблемы, связанные с осуществлением государственного управления. Также рассматривается вопрос относительно легитимности самих управленцев. Обращается внимание на юридическую технику, используемую в нормативно-правовых актах, регулирующих полномочия федеральных органов исполнительной власти.

Ключевые слова: правовые проблемы, государственное управление, легитимность власти.

Среди наиболее весомых проблем, связанных с осуществлением государственного управления, и лежащих в правовой плоскости, можно выделить проблему легитимности самих управленцев. Легитимность, равно как и легальность власти является правовой категорией.

Легитимность достаточно лаконично и точно, ссылаясь на труды выдающегося немецкого социолога и историка начала XX века Макса Вебера, определяет в первых же строках своей научной работы Р.Л. Иванов [1], говоря, что легитимность — это характеристика, определяющая признание власти населением страны. Данное определение в контексте нашего исследования видится недостаточно узконаправленным. Поэтому нам следует использовать понятие легитимности, применимо не только к власти в целом, но и к государственному управлению и тем, кто его осуществляет, в частности.

Подтверждение того, что степень легитимности государственных управленцев в современной России — существенная проблема правового толка, можно найти во множестве исследований, проведённых одной из крупнейших негосударственных статистических исследовательских организаций России — Левада-Центра.

Низкая легитимность, разумеется, является проблемой сама по себе, но также её можно рассматривать и как индикатор, свидетельствующий о неблагоприятной ситуации в государстве в целом. Иными словами, выстраивается чёткая закономерность: управленческие решения ответственных лиц становятся некомпетентными или неактуальными — государство в целом претерпевает кризис — одобрение и легитимность управленцев понижается, что сулит ещё большие проблемы.

Далее видится правильным перейти к следующей проблеме-вызову, которая стоит перед государственным управлением. Речь идёт о государственной службе, а именно, о правоохранительной службе. В изначальной редакции ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [2] от 2003 года правоохранительная служба упоминалась наряду с военной и государственной гражданской службой. Однако позднее законодатель изменил формулировку статьи 2 [3], в которой содержалось

упоминание правоохранительной службы, заменив это наименование на «иные виды службы».

Данное изменение, на наш взгляд, представляет собой проблему, а возможно, даже и угрозу государственному управлению. В.И. Майоров в связи с отсутствием нормативно-правового акта, регулирующего правоохранительную службу, а также отсутствием правоохранительной службы, как таковой, указывает на проблемный характер правового регулирования деятельности субъектов, обеспечивающих общественную безопасность [4]. Учёными отмечается, что масштабность задач, поставленных перед правоохранительными органами, неадекватна уровню их взаимодействия, в борьбе с правонарушениями недостаточно используются оперативные возможности правоохранительных структур и спецслужб [5] обращается внимание на несоответствие нормативной правовой базы, регулирующей взаимодействие рассматриваемых органов, современным потребностям общества, на незавершенность и низкую эффективность государственной стратегии организации взаимодействия правоохранительных органов [6].

Следует отметить, что множество учёных высказывались положительно о возможности создания в России правоохранительной службы, не забывая также о том, что это потребует существенных изменений как государственной структуры, так и правового поля [7]

Системный характер построения органов управления имеет крайне важное значение при определении видов государственной службы, поскольку предопределяет возможность и успешность ее правового регулирования, а также эффективность ее функционирования.

Наконец, ещё одной значимой проблемой государственного управления правового характера следует считать юридическую технику, используемую в нормативно-правовых актах, регулирующих полномочия федеральных органов исполнительной власти. Уточняя сказанное, следует отметить, что полномочия ряда федеральных органов исполнительной власти обозначены весьма расплывчато, что даёт большой разброс для применения усмотрения правоприменителя, а также в ряде случаев полномочия дублируют друг друга или даже пересека-

ются. Подобные уязвимости встречаются в таких актах, как указы Президента о федеральной службе войск национальной гвардии, о Федеральной службе судебных приставов, о Федеральной службе безопасности и ряде других.

Анализируя данные нормативно-правовые акты, можно вывести закономерность о том, что наибольшие проблемы

регулирования государственного управления возникают в аспекте регулирования силовых структур, обеспечивающих безопасность государства. Это создаёт значительную угрозу государственному управлению в целом, так как отсутствие абсолютной чёткости и стройности законодательства в этой сфере потенциально может повлечь последствия, фатальные для всего государства [8].

Литература:

1. Иванов Р. Л. Легитимность государственной власти // Вестник Омского университета. Серия «Право». — № 1 (30). — 2012. — С. 6.
2. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 13.07.2015 № 262-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Майоров В. И. О нормативно-правовом регулировании деятельности полиции // Полицейское право. — 2005. — № 1. — С. 40.
5. Моргунова Н. В., Овчинникова Т. А. Организация взаимодействия правоохранительных органов РФ и правоохранительных организаций зарубежных государств в сфере незаконного оборота наркотиков [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: http://www.rusnauka.com/30_NNM_2012/Pravo/2_119398.doc.htm (дата обращения: 29.06.2024)
6. Потапова С. А. Организация взаимодействия органов внутренних дел с другими правоохранительными органами по противодействию экономической преступности (по материалам Дальневосточного федерального округа): авто-реф. дис... канд. юрид. наук. — М., — 2010. — С. 5.
7. Заводичков Н. О проекте федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации» // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2006. — № 5. — С. 22–30.
8. Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев // Коммерсантъ. — 2007. — № 184 (3760).

Формы территориального государственного устройства

Дурнова Софья Юрьевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует различные формы территориального государственного устройства, выделяет их характерные особенности.

Ключевые слова: государственное устройство, территориальный принцип, власть.

Форма территориального государственного устройства представляет собой способ территориальной организации государственной власти. Он выражается в национально-государственном или административно-территориальном устройстве государства, то есть, связан с взаимоотношениями между частями государства и местными или центральными органами власти.

Как правило, государственная власть строится по территориальному принципу. Тем не менее, на формирование государства оказывают влияние разные факторы, в том числе такие как:

- тип государства;
- национальный состав населения;

- особенности исторических традиций;
- принятый экономический строй общества;
- территориальный размер.

По способу территориального устройства, государства можно разделить на простые и сложные. Следует проанализировать оба вида.

Так простое, унитарное государство — единое, централизованное государство, которое состоит из отдельных административно-территориальных единиц, которые полностью подчиняются центральным органам власти, то есть не обладают самостоятельными признаками государства. Следует выделить следующие признаки простого государства.

Во-первых, административные единицы не имеют политической самостоятельности, но обладают большими правами в области социальной и экономической, культурной сферы.

Во-вторых, имеется единая законодательная и налоговая система.

В зависимости от способа осуществления контроля унитарное государство можно подразделять на несколько ключевых видов:

- централизованные, в которых власть осуществляют представители из центра;
- децентрализованные, в которых органы местного самоуправления являются избранными;
- смешанные;
- региональные, состоящие из автономных образований со своими органами.

В свою очередь, сложные государства состоят из государственных образований, которые наделены определенной степенью государственного суверенитета.

Например, выделяются такие виды сложных государств, как:

- федерация;
- конфедерация;
- империя.

Стоит проанализировать каждый из этих видов.

Так, федерация есть объединение нескольких самостоятельных государств в единое целое. В законодательстве выделяются ключевые признаки Федерации:

- успешное функционирование законодательства субъектов федерации наравне с федеральным законодательством;
- двухканальная система налогов;
- наличие определенной самостоятельности у субъектов.

Исходя из принципа формирования субъектов, можно выделить несколько видов федерации:

- национально-государственная федерация, которая имеет особый состав населения, собственную культуру, быт, традиции и обычаи, религию;
- административно-территориальная федерация, построенная по территориальному принципу;
- смешанная федерация, которой присущи признаки и от первого, и от второго вида федерации.

Важно отметить, что федерации, созданные по территориальному принципу, оказались более жизнеспособными, чем федерации, созданные по национально-территориальному принципу.

Кроме того, в зависимости от юридической силы выделяются также договорные и конституционные федерации.

При этом под конфедерацией принято понимать межгосударственное объединение и юридический союз суве-

ренных государств, который создается для решения существующих политических, экономических и социальных задач. Она выступает в качестве переходной формы государства, которая в последующем может преобразоваться в федерацию или распаться на ряд унитарных государств. Конфедерации нередко выделяют в качестве третьей формы территориально-государственного устройства.

Если привести аналогию с федерацией можно увидеть следующие отличия:

- отсутствие суверенитета, а также отсутствие единого законодательства, единой денежной системы, единого гражданства;
- возможен добровольный выход из государства;
- совместное решение субъектами конфедерации общих вопросов, в целях разрешения которых они и объединились.

И наконец, империя — это государство, которое создано в результате завоевания чужих земель.

В отличие от других государств, «Политико-территориальная организация империи предполагает выделение правительствующего центра и периферийных образований, управляемых им всякий раз особым образом, т.е. по-разному, и потому неравноправных и по отношению к центру, и между собой» [1].

Таким образом, по территориальному устройству государства делятся на унитарные и федеративные.

Унитарное государство имеет единую конституцию, территорию, единое гражданство, у административно-территориальных единиц отсутствует самостоятельность.

Говоря о федерации, нельзя не согласиться с Бурбиной Ю.В., которая определяет федеративное государство как «единый, сложный организм» [2]. В своей работе Юлия Владимировна отмечает и особенности природы федеративного государства как «взаимоотношения целостного, но сложноорганизованного объединения и его составных частей. Федерализм предполагает не разрушение общегосударственного единства, а дифференциацию и сбалансированность государственной власти» [3].

При небольшом размере территории, высокой степени экономической и демографической однородности целесообразнее организация унитарного государства.

Таким образом, форма территориального государственного устройства выступает в качестве одно из важнейших элементов формы государства, которая определяет принципы осуществления государственной власти на её территории, а также внутреннее строение государства, определяет основы построения взаимоотношений между центром и его составными частями.

Литература:

1. Грачев, И. Н. Империя как государственная форма существования локальной цивилизации: политико-правовые признаки и понятие / И. Н. Грачев. — Текст: непосредственный // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. — 2021. — № 43(43).

2. Бурбина, Ю.В. Основные признаки современных федераций / Ю.В. Бурбина.— Текст: непосредственный // Бизнес в законе.— 2009.— № 1.— С. 63.
3. Чиркин, В.В. Модели современного федерализма: сравнительный анализ / В.В. Чиркин.— Текст: непосредственный // Советское государство и право.— 1994.— № 8–9.— С. 150.

Характеристика субъективной стороны преступлений в виде врачебной ошибки

Дурнова Софья Юрьевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует субъективную сторону преступлений, охватываемых понятием врачебной ошибки.

Ключевые слова: медицинский работник, субъективные критерии, врачебная ошибка, последствие, ответственность.

Важное место в общей структуре преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации занимают преступления против жизни и здоровья, среди которых особое значение придается их разновидностям, совершаемым медицинскими работниками. В связи с тем, что проблема борьбы с неосторожными преступлениями врачей в РФ стоит достаточно остро и с каждым годом приобретает все большую значимость, на законодательном уровне предусмотрена возможность привлечения их к уголовной ответственности.

Субъективная сторона преступления является обязательным элементом состава преступления, при отсутствии которого лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности. Данный элемент включает в себя обязательные и факультативные признаки. Его обязательным и ключевым признаком является вина, так как она присутствует в каждом составе преступления.

Уголовным законодательством, а именно ч. 1 ст. 24 УК РФ установлено, что «виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности» [1]. При этом, согласно ч. 2 данной статьи «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса» [1].

В преступлениях, охватываемых понятием врачебной ошибки, может быть лишь неосторожная форма вины, в связи с чем умышленные преступления именовать врачебными ошибками не представляется возможным [2]. Следовательно, медицинский работник подлежит уголовной ответственности за врачебную ошибку только тогда, когда в Особенной части УК РФ есть прямое указание на неосторожную форму вины по отношению к указанному в диспозиции той или иной статьи последствию.

Необходимо отметить, что согласно ч. 1 ст. 26 УК РФ вина в форме неосторожности делится на два вида: легкомыслие и небрежность.

Согласно ч. 2 ст. 26 УК РФ «преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных послед-

ствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий» [1]. Легкомыслие врача может выражаться, например, в безосновательном применении новых лекарственных препаратов или новых методов лечения [3]. Важно отметить, что при совершении преступления по неосторожности в форме легкомыслия у медицинского работника должен быть определенный расчет на предотвращение неблагоприятных последствий, которые могут наступить вследствие нарушения специальных профессиональных требований.

Согласно ч. 3 ст. 26 УК РФ преступление признается совершенным по небрежности, если лицо «не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия» [3]. Небрежность врача может проявляться в неполном обследовании или анамнезе, несоблюдении всех мер предосторожности, ошибочной замене лекарств, ошибке в дозировке лекарственных препаратов, а также оставлении посторонних предметов в организме при проведении операций и т. д. [3].

Говоря о неосторожности в форме небрежности, необходимо обратиться к её объективному и субъективному критериям. Под объективным критерием понимается та «мера предусмотрительности, присущая при данных обстоятельствах той группе людей, к которой принадлежит виновный, или же обязанность лица предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий при соблюдении обязательных для этого лица мер предосторожности» [4]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что данный критерий носит нормативный характер, то есть находит свое закрепление в правилах и нормах, которые являются обязательными для субъекта. Следовательно, относительно медицинской деятельности, нормативный характер данного критерия будет выражаться в тех или иных правилах, адресованных врачам, и в содержании профессиональных функций, которым медицинский работник должен следовать при осуществлении медицинской деятельности. Однако одного этого критерия

недостаточно для наступления уголовной ответственности, так как необходимо также доказать наличие субъективного критерия.

Под субъективным критерием понимается та «мера предусмотрительности, присущая конкретному лицу с его образованием, опытом, здоровьем или с его физиологическим состоянием в момент совершения преступления, то есть персональная способность лица в конкретной ситуации и с учетом индивидуальных качеств предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий» [4].

Необходимо отметить, что у медицинского работника такая персональная способность должна наличествовать ввиду его служебного положения. Врач, как лицо, обладающее специальным профессиональным образованием, занимающее определенную должность и имеющее опыт работы в конкретной сфере, должен обладать определенным набором навыков и знаний, чтобы исключить совершение неправильных действий, а в случае наступления негативных последствий — предотвратить тот или иной вред.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024)// СПС «КонсультантПлюс»
2. Галиев, Б. Б. Актуальные вопросы юридической оценки деяний, связанных с осуществлением медицинской деятельности // Международный журнал Актуальные проблемы медицины и биологии. — 2018. — № 2.
3. Чеботарева, Г. В. Проблемы уголовно-правовой оценки «врачебной ошибки» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. — 2019. — № Т. 5 (71). — С. 211.
4. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. В. В. Лукьянова, В. С. Прохорова, В. Ф. Щепелькова, перераб. И доп. — СПб: Издательство СПбГУ, 2013. — 205 с.

Понятие врачебной ошибки, ее основные отличительные признаки, виды врачебных ошибок в контексте данной группы преступлений

Дурнова Софья Юрьевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует основные подходы к пониманию врачебной ошибки. Анализирует различные виды врачебных ошибок и их отличительные признаки.

Ключевые слова: *врачебная ошибка, уголовная ответственность, медицинский работник, невиновное причинение вреда.*

Активное развитие науки и техники, имплементация инновационных биотехнологий в сферу охраны здоровья с целью совершенствования методов лечения, диагностики и предупреждения различных видов заболеваний обуславливает выделение медицинских работников как особо важных субъектов права, деятельность которых должна быть строго регламентирована, включая возможность привлечения их к ответственности за совершение деяний, которые причинили вред здоровью или повлекли

Кроме того, интеллектуальный момент небрежности заключается в том, что медицинский работник не предвидит наступления общественно опасных последствий своих действий, однако имеет обязанность и индивидуальную способность предвидеть такие последствия.

Таким образом, совершение медицинским работником преступного деяния, которое выражено в совершении врачебной ошибки, возможно лишь с неосторожной формой вины в виде легкомыслия либо небрежности. Также, исходя из содержания вышеуказанных критериев, в случае легкомыслия у врача должны быть собственные расчеты, с опорой на которые он надеется на предотвращение общественно опасных последствий. При совершении такого деяния по небрежности необходимо доказать наличие обязанности (объективный критерий) и возможности предвидеть неблагоприятные последствия и предотвратить их наступление (субъективный критерий). При этом оба критерия являются необходимыми, то есть без наличия одного из них неосторожность в форме небрежности будет отсутствовать.

смерть человека. Кроме того, это вызвано самой спецификой профессии врача, основной целью которой является сохранение жизни и здоровья человека, которые как наивысшие блага в демократических странах требуют особой защиты.

Несмотря на то, что термин «врачебная ошибка» был введен Н. И. Пироговым еще в девятнадцатом столетии, универсального и единого понятия ни в юридической, ни в медицинской науках до сих пор не существует.

На сегодняшний день имеется множество литературы, в которой затрагивается данная проблематика, однако вопрос об определении понятия врачебной ошибки остается открытым. В РФ среди ученых присутствуют споры относительно того, могут ли врачебные ошибки повлечь наступление юридической ответственности для врача или они являются невиновным добросовестным заблуждением и не влекут уголовной ответственности.

Так, в науке преобладает три различных подхода: первый основан на том, что все врачебные ошибки представляют собой невиновные добросовестные действия врача и, соответственно, не влекут уголовной ответственности; содержание второго заключается в двойственном понимании врачебной ошибки, то есть ошибки могут быть как невиновными, так и влекущими юридическую ответственность; третий же подход основан на том, что содержание всех врачебных ошибок носит противоправный характер [1]. А. А. Мохов и И. Н. Мохова под врачебной ошибкой также понимают «невиновное причинение вреда в связи с проведением диагностических, лечебных или профилактических мероприятий» [2], следовательно, врачебная ошибка, по их мнению, не является уголовно-наказуемым деянием.

Что касается второго подхода, то Н. М. Малейна утверждает, что врачебные ошибки могут быть как уголовно-наказуемыми, так и не преступными и не влекущими уголовной ответственности (невиновное причинение вреда) [3]. В уголовно-правовом понимании Н. М. Малейна предлагает выделять такие критерии противоправности как неосторожность, недостаточный опыт или незнание врача [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день единое понимание врачебной ошибки и её правового содержания отсутствует.

Уголовно-правовое содержание врачебной ошибки в РФ будет заключаться в качестве деяния, связанного с ненадлежащим исполнением своих профессиональных обязанностей. Для привлечения лица к уголовной ответственности по такому основанию требуется установить наличие обязательных для него требований, отсутствие которых свидетельствует и об отсутствии самого общественно опасного деяния.

Следовательно, для того чтобы действие медицинского работника подпадало под сферу действия уголовно-правовой нормы, связанной с врачебной ошибкой, им должны быть нарушены специальные профессиональные инструкции и требования.

Что касается видов врачебных ошибок, то в науке такие ошибки первоначально делят на две категории: ошибки, допущенные в силу объективных обстоятельств

и ошибки, возникшие по субъективным причинам, то есть совершенные виновно [4].

К объективным обстоятельствам, которые повлекли совершение врачебной ошибки, можно отнести позднее обращение пациента в медицинскую организацию; тяжесть патологии или вовсе ее неизлечимость; несовершенство метода исследований или лечения, отсутствие необходимой аппаратуры и т.д. Уголовная ответственность за деяние, повлекшее какой-либо вред здоровью пациента вследствие объективных причин, как правило, не наступает. Ошибки, допущенные в силу субъективных причин, то есть детерминированные человеческим фактором, наоборот, влекут привлечения лица к уголовной ответственности за их совершение. К таким детерминантам относят несвоевременное, недостаточное или неправильное предоставление медицинской помощи и т.д. [5].

А. А. Понкина относит к субъективным причинам также недостаточность критического мышления и аргументации врача, принятие им неверного решения ввиду недостатка профессионального опыта, недостатки профессиональных компетентностей врача для конкретной ситуации, а также усталость от перегрузки работой [1].

Кроме того, наряду с классическими видами врачебных ошибок, А. А. Понкина также выделяет ошибки «по инструментально-функциональному критерию: ошибка диагноза; ошибка действия; ошибка текущего состояния пациента; ошибка прогноза состояния пациента и ошибка оценки соразмерности дозы препарата и состояний и особенностей больного» [1, с. 42].

Таким образом, несмотря на отсутствие единого подхода к пониманию врачебной ошибки, привлечение медицинских работников к ответственности по уголовному законодательству РФ представляется возможным, когда такие ошибки совершены по субъективным причинам. Опираясь на приведенные понятия врачебной ошибки, можно сделать вывод о том, что врачебная ошибка — это такое виновное действие медицинского работника, которое совершено в силу субъективных причин, не соответствующее профессиональным инструкциям и требованиям, адресованных ему, повлекшее причинение вреда здоровью или смерть человека.

Несмотря на имеющуюся теоретическую базу и возможность привлечения медицинских работников к уголовной ответственности за совершение ими противоправных деяний, причинивших вред здоровью или жизни человека, необходима интенсификация исследований в данной сфере для унификации и упрощения процедуры юридической квалификации деяний для правоприменителя, поскольку на практике данный вопрос вызывает трудности и препятствует эффективной работе уголовно-правовых механизмов.

Литература:

1. Понкина, А. А. Сущность, виды и причины врачебных ошибок, и правовые средства редуцирования этой проблемы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2012. — № 5.

2. Бимбинов, А. А. Медицинские преступления: понятие и состояние // Юридический вестник ДГУ.— 2018.— № 4.— С. 137.
3. Чеботарева, Г. В. Проблемы уголовно-правовой оценки «врачебной ошибки // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки.— 2019.— № 1.
4. Рудых, С. Н. Правовые аспекты врачебной ошибки // Глаголь правосудия.— 2012.— № 1(3).
5. Воропаев, А. В., Исаев, Ю. С., Воропаева, И. В., Новоселов, В. П., Протасевич, А. А. Некоторые аспекты уголовной ответственности медицинских работников за причинение смерти по неосторожности при исполнении профессиональных обязанностей // Сиб. мед. журн. (Иркутск).— 2007.— № 3.

Соотношение врачебной ошибки и несчастного случая (невиновного причинения вреда)

Дурнова Софья Юрьевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автор выделяет основные критерии, на основе которых можно провести соотношение понятий несчастного случая и врачебной ошибки.

Ключевые слова: медицинский работник, последствие, врачебная ошибка, ответственность, невинное причинение вреда, несчастный случай.

В науке все медицинские действия, связанные с наступлением неблагоприятных последствий для жизни и здоровья пациента принято подразделять на те, которые влекут наступление уголовной ответственности (врачебные ошибки, совершенные по субъективным причинам) и те, виновность в которых отсутствует (несчастные случаи).

Ст. 28 УК РФ регламентирует вопрос невиновного причинения вреда. Так, деяние признается совершенным невиновно и не влечет уголовной ответственности, если лицо, совершившее его: «не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия); либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть» [1].

Согласно ч. 2 ст. 28 УК РФ деяние признается также совершенным невиновно, когда лицо «хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам» [1].

Однако с практической точки зрения разграничение уголовно-наказуемого деяния (врачебной ошибки) и несчастного случая порождает некоторые сложности при правовой оценке данных деяний.

Под невиновным причинением вреда в случае с медицинским работником будет считаться ситуация, когда в результате оказания медицинской помощи наступили неблагоприятные последствия, но они были связаны со случайными обстоятельствами, которые врач не мог и не должен был предвидеть [2].

Так, для того чтобы то или иное действие медицинского работника, повлекшее наступление негативных последствий для пациента, признавалось невиновным причинением вреда необходимо, чтобы причиной их возникновения выступали объективные факторы, например: атипичное течение заболевания; несовершенство применяемых методов исследования или отсутствие необходимой аппаратуры; а также действия самого пациента, например отказ от госпитализации или от прохождения обследования и т. д. [3].

Так, по мнению И. Ф. Огаркова, несчастные случаи представляют собой «неудачные исходы лечения, при которых создается объективная невозможность предвидеть последствия, при этом неудача не зависит от чьих-либо упущений или ошибок, а является следствием трудности случая» [4].

В данном случае подразумеваются такие случаи, когда врач действовал правомерно, в рамках установленных требований и в соответствии с принятыми способами лечения, однако не мог предвидеть и предотвратить неблагоприятные последствия в силу объективно складывающихся случайных обстоятельств.

Негативные последствия, которые наступают при таких случаях, являются следствием обстоятельств, которые сложились вне зависимости от воли врача, и он не мог на них повлиять. В таких случаях действия врача не образуют состава преступления и основания для привлечения его к уголовной ответственности отсутствуют. Следовательно, ключевым аспектом в случае невиновного причинения вреда является отсутствие вины (и интеллектуального, и волевого моментов) как психического отношения лица к совершаемому им деянию и наступившим последствиям, поскольку медицинский работник не

может предвидеть наступление неблагоприятных последствий в силу наличия объективных факторов, на которые человек не имеет возможности повлиять своими волевыми действиями.

Исходя из содержания данных двух понятий, можно выделить основные критерии, на основе которых можно проводить соотношение понятий несчастного случая и врачебной ошибки.

При несчастном случае негативные последствия для пациента не могут быть заранее предвидены медицинским работником даже при соблюдении всех инструкций и требований.

Следовательно, даже если врач соблюдал все предписания, но в силу непредвиденных обстоятельств наступили неблагоприятные последствия, то его деяние следует квалифицировать как несчастный случай в силу того, что отсутствует вина как необходимый элемент состава преступления.

Несчастный случай не зависит от действий или бездействия врача и возникает при случайных обстоятельствах, которые врач не имел возможности предвидеть и принять соответствующие меры для их предотвращения.

В случае врачебной ошибки, наоборот, опасные последствия действий или бездействия медицинского работника могли быть в полной мере им предвидены при соблюдении требований при проведении медицинских

процедур [5]. Исходя из этого, критерием разграничения будет элемент предвидения наступления общественно опасных последствий, так как при несчастном случае у медицинского работника объективно отсутствует возможность предвидеть неблагоприятные последствия ввиду стечения случайных обстоятельств, а при врачебной ошибке, наоборот, медицинский работник даже имеет обязанность предвидеть все возможные последствия, которая вытекает из специальных инструкций и профессиональных функций, однако в силу того, что он не соблюдает те или иные требования, он лишается возможности предвидеть такие последствия по своей вине.

Таким образом, если будет установлено, что негативные последствия наступили в результате объективных случайных обстоятельств, которые не могли быть предвидены медицинскими работниками, то медицинский работник не может быть привлечен к уголовной ответственности ввиду отсутствия вины.

Если же неблагоприятные последствия медицинского вмешательства были вызваны небрежными действиями врача, противоречащими специальным требованиям или профессиональным инструкциям, то в данном случае отсутствуют основания для признания такой ситуации несчастным случаем и лицо будет привлечено к ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ, охватываемой понятием врачебной ошибки.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024)// СПС «КонсультантПлюс»
2. Галиев, Б. Б. Актуальные вопросы юридической оценки деяний, связанных с осуществлением медицинской деятельности // Международный журнал Актуальные проблемы медицины и биологии. — 2018. — № 2.
3. Хавжокова, М. М., Хавжокова, З. Б., Бейтуганова, З. Х., Зумакулова, З. А. Невинные действия медицинских работников // Вопросы экономики и права. — 2017. — № 1. С. 40.
4. Шевчук, Е. П. «Врачебная ошибка» и «Несчастный случай» в обязательствах по возмещению вреда при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. — 2012. — № 2. — С. 90.
5. Чеботарева Г. В. Проблемы уголовно-правовой оценки «врачебной ошибки» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5 (71). № 1. — С. 210.

Взаимоотношения кредиторов и должников в жилищно-коммунальном хозяйстве

Евдокимова Полина Ильинична, студент магистратуры
Красноярский государственный аграрный университет

Данная статья рассматривает важную тему взаимоотношений между кредиторами и должниками в сфере ЖКХ. В современном обществе проблемы, связанные с задолженностями за коммунальные услуги, являются весьма актуальными и требуют комплексного подхода. В статье проанализированы правовые аспекты, регулирующие взаимоотношения кредиторов и должников в ЖКХ, включая применение законодательства, способы разрешения споров.

Ключевые слова: задолженность, жилищно-коммунальное хозяйство, кредитор, суд, мировое соглашение, управляющая организация.

Relations of creditors and debtors in housing and communal sectors

Evdokimova Polina Ilyinichn, student master's degree
Krasnoyarsk State Agrarian University

This article discusses the important topic of the relationship between creditors and debtors in the field of housing and communal services. In modern society, problems associated with debt for utility services are very relevant and require an integrated approach. The article analyzes the legal aspects governing relations between creditors and debtors in the field of housing and communal services, including the application of legislation and methods of resolving disputes.

Keywords: debt, housing and communal services.

Граждане обязаны вносить плату за жилые помещения и коммунальные услуги в полном объеме и в установленные сроки. Ответственность за неправильную оплату коммунальных услуг устанавливается в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сущность обязательственного отношения между гражданином и жилищно-коммунальной организацией заключается в возмездном оказании жилищно-коммунальных услуг надлежащего качества за плату. Таким образом, обязанность по оказанию услуги корреспондирует право на получение оплаты за ее исполнение.

Соответственно, потребитель коммунальной услуги несет обязанность по оплате, оказанной ему услуги. Невыполнение платежных обязательств ведет к образованию задолженности. В таких случаях, собственнику жилого помещения может быть предъявлен претензионный или судебный иск в соответствии с действующим законодательством. Разбирательство данного вопроса будет проводиться в судебных органах общей юрисдикции в рамках приказного или искового производства.

Таким образом, в сфере отношений, связанных с наличием задолженности за коммунальные платежи кредитором, изначально всегда выступает особый субъект — управляющая организация, товарищество собственников жилья, жилищный кооператив или другой специализированный потребительский кооператив, ресурсоснабжающая организация и региональный оператор по обращению с твердыми коммунальными отходами, которым должны быть уплачены деньги за жилье и коммунальные услуги. Отметим, что в отличие от многих других сфер, данные организации лишены возможности передавать право или требование на возврат просроченной задолженности по оплате жилья и коммунальных услуг третьим лицам, включая кредитные организации или лица, занимающиеся возвратом просроченной задолженности физических лиц (часть 18 статьи 155 Жилищного кодекса РФ).

Однако действующее жилищное законодательство не лишает ресурсоснабжающую организацию права привлекать третьих лиц для выполнения юридических и фактических действий по взысканию задолженности за оказанные коммунальные услуги, и не запрещает правовые механизмы, включая агентские договоры, направленные на сбор денежных средств, при которых ресурсоснабжа-

ющая организация остается в правоотношениях. Круг лиц, с которыми ресурсоснабжающая организация может заключать такие договоры, также не ограничен [1].

На стороне должника также могут встречаться разные ситуации, имеющие свои особенности. Так, если жилое помещение является объектом долевой собственности, то все сосособственники должны оплачивать жилье и коммунальные услуги в соответствии с их долей в собственности. Это требование определено в статье 249 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] и пунктом 5 части 2 статьи 153 Жилищного кодекса Российской Федерации [1].

Собственник жилого помещения, а также члены его семьи, которые являются дееспособными и ограниченно дееспособными, включая бывшего члена семьи, сохраняющего право использования жилого помещения, обязаны совместно нести ответственность за оплату коммунальных услуг. Однако, согласно части 3 статьи 31 и статье 153 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также пункта 29 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 № 22 [3], возможны исключения в случае заключения соглашения между сторонами.

Таким образом, возможно взыскание задолженности по коммунальным платежам с зарегистрированных лиц, которые не являются собственниками, в случае, если они являются дееспособными или ограниченными в дееспособности членами семьи собственника, согласно пункту 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 22 [3].

Следует отметить, что если недееспособный гражданин, находящийся под опекой, обязан оплатить коммунальные платежи, то данная обязанность лежит на его опекуне. Однако стоит учесть, что опекун не владеет имуществом подопечного, и наоборот, подопечный не имеет права собственности на имущество опекуна. Оплата коммунальных платежей осуществляется за счет имущества подопечного. Таким образом, взыскание задолженности по коммунальным платежам производится с подопечного, а опекун выступает в роли его законного представителя, согласно действующему законодательству (в соответствии с Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом от 24.04.2008 № 48-ФЗ).

В соответствии с правовыми нормами Российской Федерации, обязательный претензионный порядок не пред-

усмотрен для данной категории дел, поэтому кредитор имеет право обратиться сразу в суд, не прибегая к досудебному урегулированию спора.

Однако на практике направление претензии может помочь кредитору сократить временные и финансовые затраты, так как существует вероятность того, что должник, получив претензию, согласится удовлетворить ее и погасить задолженность. Это позволит избежать необходимости обращаться в суд, что в свою очередь может сэкономить время и ресурсы для обеих сторон.

Физическое лицо вправе получать информацию о наличии задолженности по оплате коммунальных услуг, таких как электроэнергия и водоснабжение, по различным каналам связи в соответствии с пунктом «е (3)» пункта 32 Правил номер 354 [4]. В качестве возможных способов уведомления могут быть использованы СМС-сообщение, телефонный звонок, сообщение электронной почты или информация, доступная в личном кабинете в системе государственного информационного реестра ЖКХ и аналогичных системах. Кроме того, практикуется выставление платежных документов, содержащих информацию о задолженности по оплате жилых помещений и коммунальных услуг, что облегчает процесс внесения соответствующей платы в соответствии с пунктом 2.1 статьи 155 Жилищного кодекса РФ.

В случае недостижения согласия в ходе досудебного урегулирования, отсутствия ответа на претензию или отказа кредитора от досудебного порядка, спор может быть передан сразу на рассмотрение в суд.

В отношении задолженности в размере до 500 000 рублей дело рассматривается в приказном порядке. Заявление подается мировому судье по месту жительства ответчика в соответствии с пунктами 1 части 1 статьи 23, статьями 24, 28, 1 частью 121 статьи и 1 частью 123 статьи ГПК РФ, а также пунктами 4–8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 22.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // Консультант Плюс: Законодательство.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Консультант Плюс: Законодательство.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» // Консультант Плюс: Судебная практика.
4. Письмо Минстроя России от 01.03.2021 № 7694-ОЛ/11 «О неустойке (штрафе, пени) в случае несвоевременной и (или) неполной оплаты коммунальных услуг» // Консультант Плюс: Законодательство.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Консультант Плюс: Законодательство.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Консультант Плюс: Законодательство.

К заявлению о вынесении судебного приказа прилагаются сведения об оплате государственной пошлиной в размере 50% от ставки, установленной для исковых заявлений, согласно части 2 статьи 123 ГПК РФ [5] и пунктам 1 и 2 пункта 1 статьи 333.19 НК РФ [6]. Если задолженность за коммунальные услуги превышает сумму в 500 000 рублей, или если должник выразил возражения по поводу судебного приказа в рамках приказного производства, то требуется обратиться в суд в исковом порядке в соответствии со статьей 129 и пунктом 1.1 части 1 статьи 135 ГПК РФ.

Законодатель предоставил сторонам такого спора разрешить дело путем заключения мирового соглашения. Для этого стороны должны подать в суд заявления об утверждении мирового соглашения и приложить его проект либо условия такого соглашения заносятся в протокол судебного заседания, который подписывается стороной или обеими сторонами (ч. 1 ст. 173 ГПК РФ). Суд выносит определение о прекращении производства по делу (ч. 3 ст. 173 ГПК РФ).

Если должник после вынесения судебного приказа, решения о взыскании задолженности или утверждения судом мирового соглашения, в котором оговорена обязанность по погашению задолженности, продолжает уклоняться от уплаты, то взыскание суммы задолженности производится в принудительном порядке.

Исполнительное производство по данной категории споров возбуждается и реализуется по общим правилам.

Таким образом соблюдение договорных обязательств по расчетам соответствуют духу рыночных отношений нормам права. Данные действия ведут к стабилизации экономики и социального благополучия. При осуществлении публичными образованиями политики в отношении энергоснабжения необходимо помимо баланса интересов субъектов этого рынка исходить из интересов общества в целом.

Криминалистическая характеристика преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий

Ермоленко Юлия Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор рассматривает криминалистическую характеристику преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, исследует ее элементы. Проведенный анализ преступлений данного вида с учетом современных тенденций технологического прогресса позволяет выделить их специфику, основные черты и особенности.

Ключевые слова: киберпреступность, криминалистическая характеристика, преступление, информационно-коммуникационные технологии.

21 век знаменуется новым витком развития информационной эры. Технический прогресс стал обыденным для общества, а темпы его развития неуловимы для человеческого сознания, ведь с каждым днем происходит стремительное усовершенствование всех доступных нам сфер жизнедеятельности. Несмотря на все положительные аспекты информатизации, выражающиеся в удобстве и относительной безопасности использования информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ), развивается и обратная сторона технического прогресса, а именно рост компьютерной преступности, именуемой киберпреступностью. В связи с чем актуальность исследования очевидна: при расследовании преступлений данного рода необходимо осознавать их техническую сложность, реализацию непосредственно в виртуальном пространстве, что говорит о преимущественном положении преступника, заключающемся в его возможности успешно скрываться и не нести риск быть обнаруженным. В виду такого перевеса в пользу недобросовестных пользователей ИКТ следствием при расследовании киберпреступлений должны тщательно анализироваться возможные модели поведения киберпреступника, учитываться его опыт, способности к ответным действиям защитного характера в отношении правоохранительных органов с целью затруднить расследование, отвести от себя подозрения, скрыться. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере ИКТ призвана внести ясность при ознакомлении с особенностями личности киберпреступника, а также, способами совершения данных преступлений.

Для дальнейшего исследования целесообразно разрешить вопрос использования тематической терминологии, в частности необходимо дать понятие термину киберпреступность, разграничить между собой преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием ИКТ. Итак, понятие киберпреступности в отечественном законодательстве отсутствует, однако в науке имеются различные подходы к ее определению. В ходе анализа российской и зарубежной литературы мы приходим к выводу, что под киберпреступностью стоит понимать «любое преступление, совер-

шенное с помощью информационных технологий, либо в информационном пространстве» [1], где под информационными технологиями понимаются как технические средства (персональные компьютеры, ноутбуки, смартфоны), так и сама информация и ее носители, а под информационным пространством подразумеваются информационно-телекоммуникационные сети (например, всемирно известная ИТС Интернет) [1]. Разграничивая виды киберпреступлений, необходимо сказать о разном подходе законодателя к их оформлению. Если преступлениям в сфере компьютерной информации посвящена целая глава 28 УК РФ, то преступления, совершаемые с использованием ИКТ «разбросаны» по всему уголовному закону с учетом родовых и видовых характеристик объекта преступления.

При характеристике преступлений в сфере компьютерной информации, еще раз стоит обратить внимание на их обособленность от других видов киберпреступлений. Так, глава 28 УК РФ содержит составы описывающие общественно опасные деяния, посягающие на «компьютерную информацию, содержащуюся на одиночном устройстве или составляющей информационной системы» [2]. Данные преступления совершаются против обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности компьютерной информации, сохранности средств, используемых для ее обработки. Из чего логически вытекает вывод, что основополагающая характеристика общественно опасных деяний данного вида складывается из предмета преступного посягательства, а не способа их совершения. К особенностям криминалистической характеристики данного вида преступлений следует отнести продвинутость навыков лица, совершающего преступление (это могут быть фриеры, кибертеррористы, крэкеры, вирусмэйкеры или вредоносчики, фишеры или фишингеры, кардеры, бот-мастера) [3], а также инструмент ему способствующий, например, «вредоносное программное обеспечение, серверы-анонимайзеры, программы криптопреобразования, ботнеты, бэкдоры и другие» [2]. Совершать такие преступления под силу, как правило, лицам, обладающим специальными познаниями в области информатики и программирования, использующим методы

неправомерного доступа. Именно данная группа лиц создает наибольшее количество проблем в расследовании, так как благодаря имеющимся навыкам и изобретательности киберпреступники умело избегают следов совершенного преступления: часто изменяют IP-адреса технических средств, с которых совершались кибератаки, массово рассылают вредоносное ПО, фишинговые ссылки, активируют троянские программы, хакерские утилиты и вирусы. Самым опасным в данной группе преступников выделяют кибертеррористов, основной целью которых является подрыв и дестабилизация объектов национальной безопасности (например, государственной организации и критической инфраструктуры) [4]. При этом преступление может быть совершено в любой точке мира, что значительно затрудняет оперативно-розыскные мероприятия.

Самым обширным видом преступлений в сфере ИКТ являются преступления, совершаемые с использованием ИКТ, которые, в отличие от предыдущей группы, характеризуются способом и инструментом совершения преступного деяния. Как правило, основой для таких преступлений выступает ИТС Интернет. Противоправные действия могут совершаться через электронный банкинг, транзакции, блокчейн, социальные сети, мессенджеры, онлайн-платформы по продаже товаров и т.д. Ярким примером использования киберпространства является крупнейшая интернет-платформа по продаже наркотических средств и психотропных веществ «Нудга», ликвидированная в 2022 году. Таким образом, перечень преступлений, совершаемых с использованием ИКТ разнообразен: начиная от мошенничества и заканчивая незаконным оборотом оружия, наркотиками, доведением до самоубийства. Интересным является факт того, что ресурсы киберпространства не являются предметом преступного посягательства, ведь та же самая контрабанда может реализовываться без использования ИКТ [2].

Говоря о личности преступника, совершающего преступления с использованием ИКТ, необходимо отметить частое отсутствие профессиональных навыков

и специальных познаний в сфере информатики, технологий и программирования. Это не значит, что среди преступников данной категории не встречается профессионалов, имеющих навыки в данной сфере, однако таких меньшинство. Классическое мошенничество по типу «инфоцыганства» не требует использования сложного технического и программного обеспечения. Как правило, в обход мошенника прочно входит ИТС Интернет в паре с устройством, поддерживающим сеть. При этом требуются минимальные знания по использованию ПК, базовых приложений и ресурсов ИТС [5]. Другим примером преступления с использованием ИКТ может выступить бесконтактная кража, при которой терминал с расстояния в несколько десятков сантиметров считывает информацию с банковской карты потерпевшего и списывает средства. В местах большого скопления людей мошенник может прислонить бесконтактный считыватель или POS-терминал к карманам одежды, стенкам сумок и без сопротивления завершить задуманное [6]. По раскрываемости данных преступлений также остаются вопросы, так как огромную роль играют место и время их совершения. Логично предположить, что большое скопление людей дает больший шанс мошеннику безнаказанно осуществить бесконтактную кражу и скрыть следы преступления в отличие от публичного заявления в интернет-пространстве об оказании «несуществующих» услуг.

Таким образом, анализ криминалистической характеристики преступлений в сфере ИКТ позволяет определить наиболее распространенные способы совершения подобных преступлений, разработать соответствующую тактику следственных действий. При расследовании необходимо учитывать профессиональные качества лица, а также способ и место совершения преступления. Представляется, что преступления в сфере компьютерной информации являются технологически сложными в виду использования соответствующего программного обеспечения и иных ресурсов, которые не могут быть применимы без наличия специальных знаний.

Литература:

1. Буз С. И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // ЮП. 2019. № 4 (91).
2. Каримов А. М. Преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: сравнительно-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 1 (51).
3. Киселев А. С., Горбунова К. А. Особенности криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации // Актуальные проблемы государства и права. 2023. № 27.
4. Винкерт В. В., Клочкова А. Л. Понятие и особенности киберпреступлений // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. № 5.
5. Мондохонов А. Н. Криминализация «преступной деятельности» в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Законность. 2020. № 6. С. 38–43.
6. Рябинина Т. К., Ряполова Я. П., Чистилина Д. О. Актуальные проблемы выявления и расследования дистанционных хищений с банковского счета // Вестник БелОУИ МВД России. 2023. № 4.

Сущность ответственности за нарушение финансового законодательства

Жигалина Екатерина Сергеевна, студент;

Серякова Лада Дмитриевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье авторы анализируют сущность ответственности за нарушение финансового законодательства. Также рассматривается вопрос относительно того, является ли финансовая ответственность самостоятельным видом юридической ответственности, понятия, признаки и основания финансовой ответственности.

Ключевые слова: финансовая ответственность, юридическая ответственность, финансовое правонарушение.

Юридическая ответственность — это комплекс мер, применяемых государственными органами или иными уполномоченными структурами, направленных на обеспечение соблюдения законодательства гражданами, юридическими лицами и публичными образованиями. Она включает в себя меры наказания за нарушение закона, а также меры по восстановлению нарушенных прав и интересов.

В юридической литературе принято выделять публично-правовую и частноправовую ответственность, которые можно разграничить по следующим критериям:

1. Специфика предмета правового регулирования;
2. Методы правового воздействия;
3. Соотношение прав и обязанностей сторон;
4. Затрагиваемый интерес;
5. Методы принуждения;
6. Реализуются в определенной процессуальной норме;
7. Нормативно правовая регламентация отношений [1].

Виды ответственности за нарушение финансового законодательства разнообразны и зависят от специфики совершенного правонарушения и его результатов. Они могут включать гражданскую, административную, уголовную или дисциплинарную ответственность.

Публично-правовая ответственность носит преимущественно охранительный характер, применяемые в ее рамках санкции направлены главным образом на сохранение и поддержание правоотношений, определенной правовой системой общества [2].

Уголовные, административные и иные публично-правовые санкции применяются в отношении субъектов, нарушивших нормы — предписания или запреты, без внимания имущественных последствий их нарушения [3]. Охранительная направленность публично-правовой ответственности осуществляется путем применения или угрозы применения государством в отношении нарушителя предусмотренных законом санкций, выражающихся для нарушителя в ограничении или даже лишении отдельных прав и свобод. Данная ответственность осуществляется путем непосредственного государственного участия в применении определенных законом мер юридической ответственности.

В отличие от публично-правовой, частноправовая ответственность носит преимущественно компенсационный характер и ориентирована на возмещение имуще-

ственного вреда пострадавшему [4]. Она характеризуется тем, что предусматривает необходимость обеспечения выполнения обязанности, исходящей из обязательств, которые могут возникнуть не только из закона как при публично-правовой ответственности, но и из договора причинения вреда и иных оснований, указанных в ГК РФ.

К характерным признакам отношений частноправовой ответственности можно отнести и тот факт, что государство не является их непосредственной стороной и равно положение сторон. Государство в данном случае, выступает как третья сторона — независимый арбитр, который призван урегулировать ситуацию в случаях, когда стороны не могут самостоятельно их урегулировать [5].

Касаемо различных видов юридической ответственности за нарушения финансового законодательства, был сделан вывод, что, например, ответственность за налоговые правонарушения (подвид финансово-правовой ответственности) — это, безусловно, публично-правовая ответственность, она имеет такие признаки частноправовой ответственности, как имущественный и компенсаторный характер. Те же правила соблюдаются и при рассмотрении вопроса об ответственности за совершение и бюджетных правонарушений, правонарушений в сфере валютного регулирования.

Таким образом, ответственность за нарушение финансового законодательства в целом является публично-правовой и реализуется в целях сохранения устойчивости установленного порядка, но имеет элементы частноправовой ответственности, выражающиеся в ее компенсационном характере, в целях восстановить положение, которое существовало до совершения правонарушения.

Ответственность за нарушение финансового законодательства предусматривает определенные санкции. Это может быть штраф, административное или уголовное наказание, лишение права занимать определенные должности, конфискация имущества или другие меры, предусмотренные законом. Выбор конкретной меры зависит от тяжести нарушения и обстоятельств дела.

Понятия и признаки ответственности за нарушение финансового законодательства играют важную роль в обеспечении законности и защите интересов общества. Они позволяют предотвратить финансовые преступления и нарушения, а также привлекать виновных к ответственности. Признаки, характерные для ответственности за нарушение финансового законодательства, являются универ-

сальными для всех видов ответственности, но содержание этих признаков различается в зависимости от специфики различных отношений, регулируемых различными отраслями права. Учитывая специфику финансового законодательства, можно дать следующее определение финансовой ответственности: это отдельный вид юридической ответственности, который налагается государством и включает в себя несколько видов ответственности. Эти виды ответственности регулируются такими подотраслями финансового права, как бюджетное и налоговое законодательство, а также институты валютного регулирования [6].

Основанием юридической ответственности являются обстоятельства, при которых к лицу, совершившему преступление или правонарушение, могут быть применены меры государственного принуждения, выражающиеся в правовых санкциях. Если хотя бы одного из таких обстоятельств нет, уголовная, материальная или иная ответственность не может наступить. Для установления юридической ответственности необходимо наличие оснований, которые могут быть объективными и субъективными, фактическими и юридическими.

Под реальными основаниями понимаются реальные действия или бездействие, которые характеризуются наличием различных признаков, определяющих состав правонарушения. Лицо может быть привлечено к ответственности только тогда, когда в его действиях присутствуют все элементы этого состава.

Основаниями для возникновения юридической ответственности за нарушение финансового законодательства служат совершение правонарушения, вина правонарушителя и подтверждение его противоправных действий судебным решением. Касательно оснований наступления юридической ответственности за нарушения финансового законодательства надо относить общие основания наступления юридической ответственности, являющиеся универсальными:

1. Фактическое основание, которое включает в себя правонарушение как юридический факт, общественная опасность или вредность которого объективна и доказана с соблюдением процессуального порядка;

2. Материальное основание — норму права, предусматривающую ответственность за определенный вид противоправных деяний, к примеру глава 16 НК РФ устанавливает перечень видов налоговых правонарушений и ответственность за их совершение;

3. Процессуальное основание — акт правоприменения постановление о наложении административного взыскания, например, постановление инспектора Федеральной налоговой службы, в котором вид и мера юридической ответственности индивидуализируется и конкретизируется;

4. Психологическое основание — объективно установленная вина и осознание правонарушителем причинения вреда другим лицам [7].

В настоящее время отсутствует единый акт, который устанавливал бы нормативные положения, относящиеся ко всем подвидам финансово-правовой ответственности, что является ее особенностью. Поэтому характеристика финансово-правовой ответственности требует рассмотрения составляющих ее содержание подвидов.

Налоговая ответственность регламентируется Налоговым кодексом Российской Федерации и базируется на пункте 2 статьи 1 и пункте 1 статьи 108 этого кодекса. Она предусматривает порядок привлечения к финансово-правовой ответственности за нарушения в бухгалтерской и налоговой сферах, который может определяться только данным кодексом. Важно заметить, что законодательная регламентация других видов ответственности не существует. Обычно порядок их применения определяется подзаконными актами.

Также примером основания за нарушение финансового законодательства является бюджетная ответственность, которая регулируется главой 28 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Нарушение бюджетного законодательства включает в себя несоблюдение или неправильное выполнение установленного порядка составления и рассмотрения проектов бюджетов, утверждения, исполнения и контроля за исполнением бюджетов в бюджетной системе Российской Федерации. Это включает в себя нецелевое использование бюджетных средств, их перечисление, неполное или несвоевременное перечисление получателям и прочие действия, перечисленные в статье 283 Бюджетного кодекса РФ.

Ввиду вышеизложенного, нельзя исходить только из общих, универсальных оснований ответственности и применять их к любому правонарушению финансового законодательства, так как данная отрасль включает в себя различные по своему предмету и методу регулирования подотрасли права, исходя из чего необходимо обязательно учитывать их специфику при определении оснований наступления юридической ответственности.

Изучив данную тему, мы пришли к выводу, что финансовая ответственность является эффективной мерой защиты финансовых отношений и играет самостоятельную роль наряду с другими методами защиты субъективных прав и превентивными мерами, которые обеспечивают эффективность механизма финансово-правового регулирования. Финансово-правовая ответственность представляет собой один из видов государственного принуждения, включая предупреждение, пресечение и восстановление нарушенных прав в финансовой сфере. Она имеет свою особую правовую природу и важное самостоятельное значение в финансовых правоотношениях.

Литература:

1. Чернова Э. Р. К вопросу о юридической ответственности в публичном и частном праве // Право и государство: теория и практика. 2019. № 7 С. — 175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-yuridicheskoy-otvetstvennosti-v-publichnom-i-chastnom-prave> (дата обращения: 25.06.2024).

2. Финансовое право. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. Финансовое право. Учебно-методический комплекс. Ответственный редактор — доктор юридических наук, профессор Н. И. Химичева. Издательство Юридическое издательство Норма, 2019. С. — 61. УДК 347.73 (470) (075.8) Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и всех, кто интересуется проблемами финансового права. ISBN5–89123–873-X.
3. Горлова Е. Н. Сущность, цели и функции юридической ответственности за нарушение финансового законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81). С. — 134–135. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-tseli-i-funksii-yuridicheskoy-otvetstvennosti-za-narushenie-finansovogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 26.06.2024)
4. Горлова Е. Н. Правовая природа финансово-правовой ответственности и ее соотношение с другими видами юридической ответственности / Е. Н. Горлова // Вестник университетам имени О. Е. Кутафина. — 2017. — № 8. — С. — 28.
5. Шубников Ю. Б., Андреева И. В. Публично-правовая и частноправовая (гражданско-правовая) ответственность: родовые и видовые признаки // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 134–137
6. Янишевская Я. А. Финансово-правовая ответственность // Инновации и инвестиции. 2016. № 1. С. — 119–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovo-pravovaya-otvetstvennost> (дата обращения: 27.06.2024).
7. Урванцев А. Д. Основания возникновения юридической ответственности, ее эффективность // Экономика и социум. 2022. № 5–2 С. — 92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-vozniknoveniya-yuridicheskoy-otvetstvennosti-ee-effektivnost> (дата обращения: 27.06.2024).

Расследование ятрогенных преступлений: проблемные аспекты

Жигулёва Анастасия Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Эртель Людмила Александровна, доктор медицинских наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует проблематику расследования ятрогенных преступлений и привлечения специальных субъектов к уголовной ответственности за совершение ятрогенных преступлений.

Ключевые слова: ятрогения, судебно-медицинская экспертиза, преступление.

Ятрогения как понятие впервые было использовано психиатром из Германии, Освальдом Бумке в 1925 и характеризовалось как «причинение вреда пациенту неосторожным, непродуманным, бестактным словом врача». Данное понятие в основном использовалось для обозначения социального взаимодействия между врачами-психиатрами и пациентами. В дальнейшем, произошло разграничение понятий врачебной, медицинской и психотерапевтической ятрогении. Так называемая «отрицательная психотерапия», или «психотерапевтическая ятрогения» гораздо менее вероятна, из-за постоянной практики посещения дестабилизирующих психотерапевтов других психотерапевтов, для исключения переноса профессиональных прорезиваний на межличностные отношения. Одним из корректных вариантов является понятие, которое дается Институтом судебных экспертиз и криминалистики, а именно «медико-правовой термин, обозначающий деяния медицинского работника, повлекшее смерть или вред здоровью пациента» [1].

Разбирая более подробно критерии ятрогенных преступлений можно охарактеризовать следующим образом:

— наличие субъекта уголовно наказуемого деяния, а именно лица, имеющего юридический статус медицинского работника.

— связь деяния с профессиональной деятельностью субъекта, а именно нарушение правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи.

Проблематика критерия наличия специального субъекта, а именно имеющего юридический статус медицинского работника, выражается в отсутствие прямого и полного статусного описания медицинского работника, так как несмотря на наличие большого количества нормативно-правовых актов, регулирующих медицинскую деятельность, четких критериев закрепляющих юридический статус медицинского работника до сих пор нет.

Так же учеными до сих пор обсуждается проблема, что потерпевшие по ятрогенным преступлениям не могут доказать факт совершения противоправного деяния медицинскими работниками против них. Для доказательства факта совершения противоправного деяния в ходе расследования Следственный Комитет РФ запрашивает медицинскую документацию по месту обращения потерпевшего либо производит следственные действия, а именно выемку медицинской документации в медицинском учреждении. Медицинской документацией является медицинская карта пациента, в которой можно проследить всю отчетность по проведенным процедурам, а так же результаты анализов. В современном обществе часто

встречаются электронные системы учета или же электронные медицинские карты, с ограниченным доступом, для сохранения конституционного права на медицинскую тайну. Но так же часто на практике можно встретить практику ведения бумажных медицинских карт пациента, при этом бумажные носители более подвергнуты опасности искажения или исправления. Так же часто могут отсутствовать части результатов анализов, по причине долговременности их выполнения. Таким образом в руках следствия оказываются доказательства не имеющие своей полноты, а именно отсутствие части результатов анализов или заключений врача. Тем самым недостаточность доказательств по ятрогенным преступлениям чаще всего вынуждает следствие вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, за недостаточностью доказательств, прямо указывающих на совершение противоправных действий медицинских работников, а следовательно в действиях медицинских работников не усматривается состава или наличие деяния.

Спорным моментом при расследовании преступлений по причинению смерти или вреда здоровью пациента либо создание угрозы наступлению таких последствий, является то, что проблематика так же пересекается с невозможностью получения полной доказательной базы органами следствия. Так же одним из важнейших аспектов является проверка качества оказываемых медицинских услуг. Для полноты проверки следствие обращается к судебно-медицинской экспертизе, а так же инициирует служебные проверки качества оказываемой помощи и действий врача через Министерство Здравоохранения. На основании ст. 19 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [2] постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы выносит лицо, производящее дознание, следователь или судья, либо по постановлению суда, где действиями специального субъекта, а именно медицинского работника, дается всесторонняя профессиональная оценка. После проведения всех проверочных мероприятий на руках у следствия имеются достаточные доказательства виновности или невиновности медицинских работников при оказании медицинских услуг пациенту. Зачастую возникает так же проблематика установления прямой причинно-следственной связи между действиями медицинских работников в отношении пациента и возникших неблагоприятных последствий оказания медицинской помощи.

Это обуславливается недостаточностью научно-практических возможностей отечественной медицины, вопросом своевременного обращения потерпевшего за медицинской помощью, тяжестью патологий или ее неизлечимостью, а так же материально-технической обеспеченностью медицинского учреждения.

При расследовании преступлений по признакам, предусмотренным ч. 2 ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности» существует важное отличие от остальных, а именно по данной статье предусмотрен срок давности привлечения к уголовной ответственности, два года с мо-

мента совершения преступления. Лица, имеющие юридический статус медицинского работника, могут понести наказание по ч. 2 ст. 109-й из-за неполной диагностики, что будет квалифицировано как ненадлежащее исполнение обязанностей.

При рассмотрении преступлений, содержащих в себе признаки ч. 2 ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности в следствии ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», стоит обратиться к статистике. За 2023 год по ч. 2 ст. 118 УК РФ было осуждено 40 человек, при этом оправданно было всего 4 человека. Наиболее частые квалификации медицинских работников, привлеченных к ответственности по ч. 2 ст. 118, это: акушер-гинеколог, анестезиолог-реаниматолог, хирург. Так, непосредственно объектом преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ, является здоровье человека, как совокупность его социально, психологического и физического благополучия.

Отдельного внимания заслуживает разбор квалификации по ч. 4 ст. 122 УК РФ «Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Понятие «ВИЧ-инфекция» раскрываются в ФЗ от 30.03.1995 N38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации вызываемого вирусом иммунодефицита человека» [3] и гласит что ВИЧ-инфекция — хроническое заболевание, вызываемое вирусом иммунодефицита человека. Преступление считается оконченным с момента наступления последствий в виде реального заражения другого лица ВИЧ-инфекцией. В приведенном случае субъектом преступления может быть только лицо, имеющее юридический статус медицинского работника, которое профессионально связано с инфицированными или больными ВИЧ-инфекцией. Это может быть связано с халатностью хранения инфицированного биологического материала в медицинском учреждении, с нарушениями при проведении процедуры забора, хранения и переливания крови, а также отсутствия достаточной процедуры кварцевания при использовании медицинского оборудования.

Немаловажное значения также имеют преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 статьи 124 УК РФ — не оказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного, либо если оно повлекло по неосторожности смерть больного либо причинение тяжкого вреда его здоровью;

Проблематика данной квалификации преступлений заключается в условии бездействия лица, имеющего юридический статус медицинского работника. Т. е. не производит осмотр, не приступает к госпитализации пациента в тяжелом состоянии и т.д.

Основным инструментом при расследовании преступлений, как ранее упоминалось, является экспертиза медицинских документов, в том числе, диагнозов врачей и результатов анализов. Немаловажным фактором при

производстве экспертиз является активность самого эксперта. Как упоминает А. И. Бастрыкин, эксперт «не должен рассматривать производство экспертизы как автономную деятельность, оторванную от расследования». [4]. Проявлением заинтересованности и активности эксперта, может являться ходатайство о предоставлении дополнительных материалов, присутствие эксперта при экспериментах и других следственных действиях.

Подводя итог, можно озвучить следующие проблемы при расследовании ятрогенных преступлений:

— нет единого перечня критериев в законодательстве, которые определяли бы юридический статус медицинского работника.

Литература:

1. Архипова А. А. Ятрогенные преступления в уголовном праве РФ / А. А. Архипова, Ю. О. Хованских. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 19 (414). — С. 230–232. — URL: <https://moluch.ru/archive/414/91285/> (дата обращения: 02.06.2024).
2. ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. — Текст: электронный // Гарант: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/12123142/95ef042b11da42ac166eedeb998f688/> (дата обращения: 04.06.2024).
3. Бастрыкин А. И. Криминалистика / А. И. Бастрыкин. — 2 том. — Санкт-Петербург: Наука, 2023. — 486 с. — Текст: непосредственный.

— проблематика разграничения действия и бездействия медицинских работников, а следовательно вынесение обвинения по разным статьям УК.

— отсутствие современных электронных баз в медицинских учреждениях, с ограниченным доступом, для корректного ведения медицинской документации и снижения случаев утери или подделки медицинских документов.

— большое количество постановлений о СМЭ и малое количество специалистов, которое могут произвести данный вид экспертизы, что влияет на сроки подготовки экспертизы, а следовательно и на сроки принятия решений по материалам проверки.

Правовое регулирование института наследственного фонда в России и за рубежом

Зорин Юрий Викторович, студент магистратуры

Научный руководитель: Фольгерова Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Вятский государственный университет (г. Киров)

Исследуя правовые отношения, урегулированные нормами наследственного права, важно учитывать, что вопросам универсального правопреемства на любой стадии развития общества отведено важнейшее значение. Актуальность указанного вопроса обусловлена постоянной модернизацией и оптимизацией наследственного законодательства, детерминированных активным развитием общественных отношений. К числу последних новаций в наследственном праве следует отнести такие институты, как совместное завещание, совершенное лицами, имеющими статус супругов, договор, именуемый наследственным, а также тема исследования настоящей статьи — наследственный фонд.

Институт наследственного фонда для нашего государства относится к категории молодых институтов. В период СССР институт наследственного фонда на законодательном уровне закреплён не был, он появился в отечественной правовой действительности лишь в 2018 году, нормотворец преследовал цель увеличить завещательные возможности субъектов наследственных правоотношений. Из содержания ч. 1 ст. 1116 ГК РФ следует, что к категории наследников в силу завещания от-

носится также наследственный фонд, который создается на основании волеизъявления субъекта, имеющего статус наследодателя, отраженного в его завещании [2]. На законодательном уровне установлены требования, которым должен отвечать учреждаемый наследственный фонд, а также порядок управления им (ст. 123.20–8 ГК РФ и др. ст. ГК РФ) [1].

В мировой практике наибольшей популярностью пользуется фонд имени А. Нобеля, учрежденный после его смерти. Именно из данного фонда финансируются выплаты, именуемые нобелевскими премиями. Из содержания завещания А. Нобеля следует, что каждый год нобелевские премии должны выплачиваться исследователям и ученым, являющимся победителями в одной из пяти номинаций (естественные и гуманитарные науки). Аналогия указанного фонда в настоящее время предусмотрена и отечественным законодательством.

В отечественной правовой действительности рассматриваемый институт частично был заимствован из зарубежной практики. Крашенинников П. В., в свою очередь, указывает, что отечественный вариант наследственного фонда по своей юридической природе наибольшее сход-

ство имеет с трастом, урегулированным нормами американского и английского законодательства [3].

В ряде зарубежных государств институт наследственного фонда существует уже длительное время и показывает свою эффективность (американское, английское, французское, немецкое законодательство, где основная задача рассматриваемого института состоит в защите бизнес-структур и интересов имущественного характера лиц, отнесенных к категории наследников умершего субъекта). В частности, немецкое законодательство предусматривает возможность учреждения наследственных фондов не только после того, как лицо, имеющее статус наследодателя, ушло из жизни, но и тогда, когда наследодатель относится к категории живых граждан. Немецкий законодатель определяет задачу учреждения наследственных фондов, которая состоит в обеспечении сохранности имеющегося на балансе фонда имущества и защите интересов имущественного характера субъекта, имеющего статус учредителя такого фонда. Американское законодательство также допускает учреждение наследственных фондов при жизни лица, имеющего статус наследодателя. Отечественное законодательство, в свою очередь, допускает учреждение наследственных фондов только после того, как лицо, имеющее статус наследодателя, ушло из жизни.

Представляет интерес то обстоятельство, что изначально законопроект о введении в отечественную правовую действительность института наследственного фонда предусматривал введение наследственных фондов в двух вариантах: прижизненном и посмертном. Между тем, в окончательной форме был принят законопроект, по которому предусмотрено функционирование на территории нашего государства только посмертных наследственных фондов. Однако, важно отметить, что законодатель явно недооценил преимущества создания в России прижизненных наследственных фондов.

К числу указанных преимуществ следует отнести то, что фонды, имеющие статус прижизненных, впоследствии превращаются в фонды, именуемые наследственными, они характеризуются большей эффективностью в связи с тем, что субъект, имеющий статус наследодателя, сам устанавливает основные направления его деятельности, локальные положения, определяющие его развитие, своим непосредственным участием определяет основы управления в таком фонде. Также наследодатель получит возможность оценить правильность и эффективность введенной им управленческой политики, с тем чтобы получить максимальные показатели прибыльности от своего фонда.

Также следует отметить такое преимущество, как непосредственное участие наследодателя в назначении управляющих органов в фонде. Будучи заинтересованным в эффективности функционирования своего фонда, наследодатель будет стараться укомплектовать его управляющий состав грамотными и квалифицированными кадрами. Хотя законодатель и не воспринял идею создания в России прижизненных наследственных фондов, сле-

дует отметить тот факт, что в 2022 году в отечественной правовой действительности появился институт личного фонда, который имеет много сходств по своей юридической природе с прижизненными наследственными фондами. Между тем, основным критерием отграничения указанных институтов выступает то, что личный фонд не может преобразоваться в наследственный фонд после того, как его учредитель умрет. Исходя из этого, при наступлении такого юридического факта, как смерть учредителя, юридическая конструкция личного фонда не претерпит никаких изменений.

Думается, на законодательном уровне целесообразно предусмотреть возможность передачи личному фонду наследственной массы для включения ее в процесс управления в случае смерти владельца такого фонда. Для этого необходимо внести соответствующие изменения п. 1 ст. 123.20–4 ГК РФ и закрепить положение о том, что личный фонд, учрежденный его владельцем, может преобразоваться в наследственный фонд при наступлении такого юридического факта, как смерть его учредителя, в связи с чем такой фонд получает статус наследника имущества наследодателя на основании оформленного в установленном порядке завещания. Для достижения более эффективных показателей деятельности такого фонда в будущем у его учредителя будет возможность своими силами выстроить его работу таким образом, чтобы и после смерти учредителя он продолжал приносить прибыль. В качестве базиса можно использовать модель П.В. Крашенинникова, предложенную им в законопроекте за № 499538–7 «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3].

Законодательство Швейцарии более детально регламентирует рассматриваемый гражданско-правовой институт, определяя в качестве задачи учреждения наследственных фондов обеспечение реализации наследственных прав лицами, имеющими статус наследников. Иными словами, швейцарский законодатель преследует цель обеспечить защиту не бизнес-структур, а наследников, в первую очередь, что свидетельствует о социальной направленности наследственного законодательства Швейцарии [4, с. 28].

Кроме того, некоторые зарубежные правовые порядки предусматривают положения о том, что имущество, входящее в состав наследственного фонда, в том числе деньги, может быть направлено только на цели социального или культурного характера, включая благотворительность. Следует отметить, что в большинстве зарубежных правовых порядков именно благотворительные цели выступают основополагающей задачей учреждения наследственных фондов. Среди наследственных фондов, получивших всемирную известность, следует отметить такие фонды, как «Wellcome Trust», Фонд Р. Боша, Фонд Форда и др.

В Республике Армения, например, принят отдельный закон «О фондах», из положений которого следует, что фонды, в том числе те, которые учреждаются на основании завещания, создаются для достижения задач, пред-

ставляющих пользу для общества. Между тем, данным законом детальным образом не регламентированы отношения, возникающие в процессе функционирования в государстве именно наследственных фондов.

Отечественное законодательство такое ограничение в части распоряжения имуществом наследственного фонда не содержит, что говорит о том, что отечественное гражданское законодательство имеет диспозитивный характер. Между тем, такая диспозитивность в указанном вопросе выступает причиной многочисленных дискуссий относительно понимания юридической природы наследственных фондов в России [7, с. 142].

Следует отметить, что немецкое законодательство устанавливает высокие налоговые ставки в отношении имущества, полученного по наследству (иногда это составляет половину от его стоимости). Посредством фонда наследники сводят к минимуму необходимые траты в связи с принятием наследства. Поступившее в фонд наследственное имущество освобождено от требований, которые могут поступить от лиц, имеющих статус кредиторов и обязательных наследников. Иными словами, в Германии учреждение фонда выступает своего рода финансовой манипуляцией в некотором роде. Согласно же отечественному законодательству, поступившее в фонд наследственное имущество не освобождено от требований вышеуказанных лиц.

В государствах, которые относятся к правовой системе общего права, наследственные фонды носят название трастов, а в государствах, которые относятся к континентальной правовой системе, куда включено и наше государство, такие фонды именуются специальными. В европейских государствах так называемые специальные фонды имеют статус юридических лиц, которые выступают независимыми субъектами правовых отношений, урегулированных нормами гражданского права, субъектами разного рода договоров и иных сделок, выполняют самостоятельно возложенные на них обязанности и претерпевают определенные меры юридической ответственности.

Что касается трастов, то они по законодательству стран, относящихся к правовой системе общего права, не являются самостоятельными юридическими лицами, от их имени в гражданско-правовые отношения вступает субъект, имеющий статус доверительного управляющего. В ряде иностранных государств на законодательном уровне не закреплена дефиниция траста, не принят нормативно-правовой акт, устанавливающий юридическую природу траста. Между тем, на международном уровне действует Гагская конвенция о праве, применимом к трастам (1985 г.), положения которой для регламентации трастовых отношений внутри страны, в частности, используются в таком государстве, как Швейцария [6, с. 692].

Также специальные фонды, функционирующие в странах Европы, становятся корпорацией только после того, как успешно пройдут обязательную регистрационную процедуру. Указанное правило нашло отражение и в отечественной правовой действительности, наслед-

ственный фонд в обязательном порядке должен быть зарегистрирован. Трасты по законодательству стран, относящихся к правовой системе общего права, не подлежат обязательной государственной регистрации. Наследственный траст может быть учрежден и функционировать на конфиденциальной основе. Специальные фонды и наследственные трасты также разграничиваются друг от друга содержанием правового статуса субъектов, имеющих статус бенефициаров. Бенефициары специальных фондов, по общему правилу, имеют ограниченный объем правомочий (в частности, сведения о работе специального фонда не находятся для них в открытой доступности). Объем прав бенефициаров в наследственных трастах более широкий (в частности, такие субъекты имеют неограниченный доступ к сведениям о деятельности наследственного траста, они вправе требовать от попечителей через суд выполнения конкретных действий) [5, с. 80].

Российский нормотворец, внедряя в отечественную правовую действительность институт наследственных фондов, позаимствовал ряд положений, но далеко не все, из зарубежных правовых порядков. Так, в российском законодательстве не предусмотрено требование о минимальном размере уставного капитала наследственного фонда, в отличие от ряда зарубежных стран. Так, немецкий законодатель данный размер установил в 50 000 евро, швейцарский — 44 000 евро [8, с. 172].

Между тем, введение положения в части требования о минимальном размере уставного капитала наследственного фонда в некоторых случаях представляется целесообразным, например, когда умерший наследодатель имел статус индивидуального предпринимателя, который по нормам действующего гражданского законодательства несет ответственность в пределах всего имущества, находящегося у него в собственности. Между тем, если на законодательном уровне будет предусмотрено требование о минимальном размере уставного капитала наследственного фонда, то такой фонд будет нести ответственность в пределах только того имущества, которое находится у него на балансе. Также целесообразность введения положения в части требования о минимальном размере уставного капитала наследственного фонда детерминирована тем, что в отсутствие такого требования поступившего в фонд имущества может не хватить для его результативной работы, а значит, возложенные на такой фонд задачи не будут реализованы. Российским законодательством предусмотрено, что в наследственный фонд категорически запрещено вносить пожертвования. Такой запрет негативным образом отражается на эффективности деятельности наследственных фондов в части получения максимально возможной имущественной выгоды.

В отечественном законодательстве не отражены задачи учреждения наследственных фондов, что создает вопросы в части установления пределов распоряжения имуществом таких фондов. Представляется, что здесь целесообразно обратиться к зарубежному опыту. Например,

швейцарское законодательство, которое в качестве задачи учреждения наследственных фондов определяет обеспечение реализации наследственных прав лицами, имеющими статус наследников. Указанное положение будет более детальным образом регламентировать юридическую природу наследственных фондов и позволит получить дальнейшее развитие рассматриваемого института применительно к отечественной правовой действительности.

Итак, изучение зарубежного законодательства в части регламентации наследственных фондов (трастов) показало, что в отличие от отечественного законодательства, зарубежные правовые порядки более детальным образом ре-

гламентируют процесс учреждения и функционирования таких фондов, что сводит к минимуму вопросы, возникающие у правоприменителей. В частности, особое внимание уделено регламентации таких вопросов, как управление фондом, контрольно-надзорная деятельность за работой фондов. Важно отметить, что отечественный законодатель явно недооценил преимущества создания в России прижизненных наследственных фондов. Поэтому автором данной статьи предлагается на законодательном уровне предусмотреть возможность передачи личного фонду наследственной массы для включения ее в процесс управления в случае смерти владельца такого фонда.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
3. Паспорт проекта Федерального закона № 499538-7 «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (о личных фондах)» (внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ П. В. Крашенинниковым, И. В. Белых, М. В. Емельяновым, А. М. Макаровым, Ю. П. Синельниковым, членами Совета Федерации ФС РФ А. А. Клишасом, С. Ю. Фабричным) (снят с рассмотрения) // СПС «Консультант-Плюс».
4. Крикоров, В. А. Наследственный фонд: проблемы и перспективы правового регулирования / В. А. Крикоров // Право и экономика. — 2021. — № 5. — С. 28–32.
5. Леонов, Н. С. Наследственный фонд как новелла российского гражданского права / Н. С. Леонов // Тенденции развития науки и образования. — 2022. — № 90–2. — С. 80–82.
6. Михайлов, Ф. Н. Историко-правовой анализ развития института наследственного фонда / Ф. Н. Михайлов // E-Scio. — 2023. — № 5(80). — С. 692–701.
7. Тимербулатова, Е. Д. Конструкция наследственного фонда в России и Германии / Е. Д. Тимербулатова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 7. — С. 140–164.
8. Черкашина, Н. В. Наследственный фонд — институт гражданского права / Н. В. Черкашина // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 1(217). — С. 172–173.

Проблемы определения понятия «объект преступления» в современном уголовном праве

Иванова Алла Александровна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: объект преступления, преступление, традиционный подход, Российская Федерация, преступное деяние, отношение, теория.

В течение нескольких десятков лет российскими учеными-правоведами углубленно изучаются теории объекта преступления, которые рассматривают его с различных сторон, таких как благо, ценность или общественные отношения.

Необходимо отметить, что в уголовном праве такая категория как объект преступления играет важную и осно-

вополагающую роль, определяя социальные отношения, которые защищаются уголовным законом от преступных посягательств. Такое определение данного понятия является одним из приоритетных в классификации преступлений, и именно такой подход положен в основу законодательной классификации преступлений в Особой части Уголовного Кодекса Российской Федерации [1].

Что же касается иных подходов к определению объекта преступления, то их существует огромное количество, так как «объект преступления» — многогранная уголовно-правовая категория, имеющая различные аспекты, например, философский, социальный и юридический [2]. Начать необходимо с традиционного подхода, который утвердился в советском уголовном праве после Октябрьской революции.

С точки зрения традиционного подхода объект преступления рассматривается как общественное отношение, охраняемое уголовным законом [3]. Такие отношения очень разнообразны и включают в себя различные аспекты человеческой жизни, начиная от прав и свобод личности, заканчивая порядком управления государством, безопасностью мира и человечества. Если рассматривать современное российское уголовное право, то в нем особое внимание уделяется, в первую очередь, защите прав и интересов личности, собственности, общественной безопасности и здоровья населения. Подобной точки зрения придерживались такие советские и российские ученые-юристы и ученые-правоведы как Борис Сергеевич Никифоров, Владимир Николаевич Кудрявцев, Николай Иосифович Коржанский и другие.

Исходя из вышесказанного и рассматривая примеры из российской юридической практики, можно сделать вывод о том, что объектом преступления может быть не только права и свободы личности или отношения собственности, но и более широкий круг общественных отношений, таких как общественный порядок, общественная безопасность, порядок осуществления государственной власти, а также безопасность человечества.

Также необходимо отметить, что имеет место и такая точка зрения, относительно которой объект преступления — это охраняемый уголовным законом жизненный интерес, правовое благо, ценность. Эта теория была создана еще в конце двадцатого века на стыке социологической и классической школ уголовного права. Вопросы, которые затрагиваются данной теорией, продолжительное время занимают центральное место как у зарубежных, так и у российских ученых-юристов.

Так, немецкий юрист Франц фон Лист определял объект преступления как защищаемый правом жизненный интерес. Подобного мнения придерживался и известный русский учёный Николай Степанович Таганцев, который относил к преступлению «деяние, посягающее на такой охраняемый нормою интерес жизни, который в данной стране, в данное время признается столь существенным, что государство в виду недостаточности других мер угрожает посягавшему на него наказанием» [4].

Далее стоит обратить внимание на современные подходы к определению понятия «объект преступления», которые возникли в эпоху цифровизации в конце 90-х годов двадцатого века. Современные теории объекта преступления позволяют расширить, дополнить понимание этого понятия. С точки зрения современных теорий необходимо переосмыслить и модернизировать данную категорию уголовного права, так как в существующих реалиях совре-

менные цифровые технологии и возникшие на их основе социальные связи развиваются и усложняются с невероятной скоростью, проникают в новые сферы общественной жизни и часто используются людьми в своей деятельности.

Одной из ключевых концепций современных теорий является признание одним из видов объекта преступления информационных отношений, что опять же связано с внедрением информационных технологий в жизнь человека. Также немаловажным является вопрос о защите экологических прав и свобод, которая должна обеспечиваться как внутри страны, так и в международном пространстве, поскольку на современном этапе развития экологическая безопасность приобрела практически первостепенную значимость для всего человечества.

Таким образом, современные теории указывают на необходимость изменения современного уголовного законодательства путем приведения их в соответствие с современными условиями человеческой жизни. Такое изменение необходимо для более эффективной защиты всех аспектов общественных отношений.

Необходимо отметить, что данные теории объекта преступления находят отражение как в российском законодательстве и российской практике, так и в законодательстве и практике многих стран. Например, вопросы компьютерной безопасности и защиты пользовательских данных становятся все более актуальными в современном мире, и многие государства вводят новые статьи в свои уголовные кодексы, направленные на борьбу с преступлениями против компьютерной безопасности.

Также и в Российской Федерации уголовное законодательство постепенно адаптируется к современным реалиям. Так в современный Уголовный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу 1 января 1997 года, была введена Глава 28 под названием «Преступления в сфере компьютерной информации», которая содержала нормы, направленные на защиту информационной безопасности, включая борьбу с незаконным доступом к компьютерной информации, её изменением или уничтожением.

В России данная точка зрения поддерживается Крыловым Владимиром Вадимовичем, профессором кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Так, в своей работе «Информационные компьютерные преступления» Крылов Владимир Вадимович приходит к выводу о том, что информация и информационные отношения стали новым объектом преступления, поскольку получили свою уголовно-правовую защиту в новом Уголовном кодексе Российской Федерации 1997 года [5].

Как уже было отмечено ранее, экологические преступления тоже не остаются без внимания. Поскольку в наши дни происходят глобальные изменения климата, постоянное загрязнение окружающей среды отходами от производства и жизнедеятельности, а также ухудшение экологической обстановки в целом, то многие страны стали ужесточать наказания за преступления против окружающей среды, постепенно вводя новые статьи, касающиеся,

например, загрязнения атмосферы, вод, морской среды, незаконной вырубке лесов, порчи земли, незаконной охоты и так далее.

Исходя из этого, можно сказать, что теоретические положения, которыми оперируют современные теории, могут быть применены на практике для решения актуальных проблем современного этапа развития общества.

Если сравнивать традиционный подход к определению понятия «Объект преступления» и современный, то можно сказать, что с точки зрения первого, объект преступления — это охраняемые законом социальные отношения, такие как жизнь, здоровье, собственность. Такая позиция в целом продолжает оставаться актуальной и находит свое отражение во многих современных учебниках. С точки зрения современного подхода необходимо расширение, обновление и дополнение традиционного подхода включением в объект преступления информационных, экономических и экологических отношений, чтобы отразить современные жизненные реалии, которые требуют гибкости и изменчивости уголовного права с целью обеспечить защиту всех сфер общественной жизни.

Таким образом, одной из основных проблем современного уголовного права является необходимость постоян-

ного обновления законодательства с целью включения новых видов преступлений, связанных с информационной безопасностью, экологической безопасностью, экономикой и, соответственно, расширения понятия «Объект преступления».

Ещё одной немаловажной проблемой является то, что один и тот же объект преступного деяния может подвергаться самым различным видам посягательства и нередко бывает признаком множества разнородных преступлений, поэтому решающее практическое значение для уголовно-правовой квалификации преступного деяния и для отграничения его от смежных преступных деяний имеют признаки и свойства объекта преступления, которые также должны подвергаться тщательному изучению и исследованию.

Указанные особенности данной уголовно-правовой категории — объекта преступления — указывают на то, что его установление и правильное определение, в том числе в конкретном преступном деянии, является главной практической задачей для всех правоохранительных органов, суда и законодателя, и служит необходимой предпосылкой правильного применения уголовно-правовой нормы.

Литература:

1. Уголовное право. Общая часть. В 2 т. /И. А. Подройкина и др.-М.: Издательство Юрайт, 2016–248 с.
2. Зателепин О. К. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. 2003. № 1.
3. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: 1980.— 248 с.
4. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1 / Н. С. Таганцев.— Москва: Издательство Юрайт, 2019.— 414 с.
5. Крылов В. В. Информационные компьютерные преступления: Учебное и практическое пособие.— М.: Инфра — М — Норма, 1997.— 66 с.

Основные аспекты разграничения объекта и предмета преступления

Иванова Алла Александровна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: объект преступления, предмет преступления, преступление, уголовный, международное сотрудничество, преступное деяние, уголовное законодательство.

В современном уголовном праве точное определение объекта и предмета преступления имеет решающее значение для правильной квалификации деяния и выбора наказания. Но в современном мире, в эпоху цифровизации, когда общество и технологии развиваются с невероятной скоростью, возникают новые вызовы и проблемы, связанные с разграничением понятий «предмет» и «объект преступления».

Понятия объекта и предмета преступления занимают центральное место в уголовном праве, поскольку они определяют, какие общественные отношения и интересы подлежат защите уголовным законодательством.

Как уже было отмечено ранее, с развитием технологий и глобализацией общественных отношений, традиционные понятия объекта и предмета преступления подвергаются изменению. Новые формы преступлений, такие как киберпреступность, экологические преступления и преступления против интеллектуальной собственности, требуют переосмысления и адаптации этих понятий. Кроме того, международное сотрудничество в области борьбы с преступностью ставит перед уголовным правом задачу согласования понятий объекта и предмета преступления на международном уровне.

Таким образом, разграничение между объектом и предметом преступления становится всё более сложной

задачей, требующей глубокого понимания изменений в обществе и технологиях, а также гибкости и адаптивности уголовного законодательства.

Проблема разграничения объекта и предмета преступления является одной из ключевых в уголовном праве. Несмотря на кажущуюся очевидность, на практике возникают сложности, связанные с толкованием этих понятий, поэтому необходимо разобраться, что представляет собой объект преступления и что представляет собой предмет преступления.

Традиционно под объектом преступления понимаются общественные отношения, которые охраняются уголовным законом и нарушаются преступлением. В свою очередь, предмет преступления — это материальные или нематериальные блага, через незаконное посягательство на которые или через незаконное обращение с которыми объекту преступления причиняется вред [1]. Так, если совершается угон автомобиля, то объектом преступления будут являться отношения собственности, а предметом преступления непосредственно сам автомобиль.

В отличие от объекта преступления, который является обязательным элементом каждого состава преступления, предмет преступления является элементом факультативным [2]. Здесь необходимо уточнить, что если предмет преступления прямо указан в уголовно-правовой норме или очевидно подразумевается, то для данного состава преступления он становится обязательным элементом. Например, для любого хищения предмет преступления является обязательным — это будет имущество, для взяточничества — это взятка, для фальшивомонетничества — это поддельные деньги или ценные бумаги, и многих других преступлений. В таких случаях предмет преступления имеет большое значение для квалификации деяния, поскольку если отсутствует предмет, то и нет данного состава преступления.

Также стоит сказать, что в отличие от объекта преступления, которому в результате совершения преступного деяния вред причиняется всегда, предмет может оставаться неизменным, просто видоизменяться, а иногда даже и улучшать свои качества.

И в дополнение, предмет преступления стоит отличать от орудий и средств совершения преступного деяния — факультативного элемента объективной стороны преступления. Предмет, как уже было отмечено ранее, это то, что подвергается преступному воздействию для нанесения вреда объекту посягательства. В свою очередь, орудия и средства совершения преступления — это то, при помощи чего само преступление непосредственно совершается. Здесь необходимо уточнить, что одна и та же вещь может выступать в одних случаях в качестве предмета преступления, а в других случаях в качестве орудия или средства совершения преступления. Например, оружие будет являться предметом преступления при его хищении и орудием совершения преступления при нанесении им ранения потерпевшему [3].

Далее после определения понятий «объект преступления» и «предмет преступления» и нахождения их раз-

личий необходимо выявить основные проблемы их разграничений.

Во-первых, это множественность объектов преступления. Современное уголовное право охраняет широкий спектр общественных отношений, что создаёт трудности в их классификации. Например, преступление может одновременно нарушать общественные отношения в сфере экономики и безопасности личности. В таких случаях возникает вопрос о приоритете объектов, что влияет на квалификацию преступления и выбор наказания.

Во-вторых, это сложности определения предмета преступления. Предмет преступления часто ассоциируется с материальным объектом, но в эпоху цифровизации всё чаще предметом становятся данные или информационные системы. Это вызывает затруднения при квалификации, так как традиционные подходы не всегда применимы к новым видам преступлений.

И, в-третьих, это те юридические последствия, которые возникают при неправильном их разграничении. Неправильное разграничение может привести к ошибкам в квалификации, что, в свою очередь, ведёт к неправомерному назначению наказания. Это подрывает принципы справедливости и законности в уголовном праве.

Для того чтобы преодолеть все эти трудности при разграничении объекта и предмета преступления необходимо, во-первых, уточнить законодательные определения, чтобы они отражали современные реалии. Для этого нужно пересмотреть определения, категории и отдельные нормы, чтобы они соответствовали текущему состоянию технологий и общественных процессов.

Во-вторых, разработать единую методологию квалификации преступлений, которая будет учитывать множественность объектов и сложность определения предмета. Это поможет правоприменителям точно определять, какие общественные отношения нарушены и каков предмет преступного посягательства.

В-третьих, усилить роль судебной практики, чтобы обеспечить единообразное применение закона. Прецеденты и решения судов могут служить ориентиром для правоприменения и помогать в решении спорных вопросов.

И, в-четвертых, важно развивать международное сотрудничество в области уголовного права. Это включает в себя согласование законодательств, обмен опытом и информацией, а также совместную разработку новых подходов к борьбе с преступностью.

Таким образом, решение проблемы разграничения объекта и предмета преступления требует совместных усилий законодателей, правоприменителей, судебной системы и международного сообщества. Только комплексный подход позволит уголовному праву адекватно реагировать на вызовы современности и обеспечивать защиту общественных отношений.

И как уже было отмечено, точное разграничение объекта и предмета преступления критично для уголовного права, так как от этого зависит правильная квали-

фикация деяний и справедливость наказания. Это также влияет на восприятие законности и справедливости в об-

ществе и именно поэтому необходимо четко разграничить данные понятия.

Литература:

1. Шеслер А. В. Состав преступления: монография. Новокузнецк, 2016. С. 35.
2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 1. Общая часть / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 73.
3. Степанова К. В. Информация как средство совершения преступления против собственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 174–177.

К вопросу о привлечении к бюджетно-правовой ответственности за нарушения бюджетного законодательства

Калижникова Светлана Эдиевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор исследует вопросы привлечения к бюджетно-правовой ответственности за нарушение бюджетного законодательства.

Ключевые слова: бюджетное законодательство, ответственность, Бюджетный кодекс Российской Федерации.

Вопрос охраны бюджета Российской Федерации из года в год стоит на приоритетном месте, не только в связи с тем, что в указанной сфере совершается достаточное количество правонарушений и преступлений, но и потому, что эффективное управление государством, а также стабильность его финансовой системы во многом определяется способностью обеспечить, а в некоторых случаях императивно принудить участников бюджетных правоотношений, соблюдать предписания действующего законодательства. В связи с указанным законодателем и органами исполнительной власти разрабатывается и применяется большой комплекс мер, направленных на осуществление контроля за расходованием бюджетных ассигнований по его целевому назначению.

Совершение правонарушений в сфере бюджетного законодательства в зависимости от характера и степени общественной опасности влекут за собой применение мер государственного принуждения, к коим относятся: уголовная, административная и гражданско-правовая ответственности, в том числе и к бюджетно-правовой.

Прежде чем перейти к некоторым аспектам привлечения к бюджетно-правовой ответственности за совершение правонарушения в сфере бюджетного законодательства, необходимо дать определение термину «бюджетное правонарушение».

Анализируя действующее законодательство, необходимо обратиться к Бюджетному кодексу Российской Федерации, а именно к ст. 306.1 БК РФ. В указанной статье, законодателем как раз дается определение рассматриваемого понятия, из которого следует, что под бюджетным правонарушением признаётся противоправное виновное

деяние, выразившееся в ненадлежащем исполнении участником бюджетного правоотношения обязанностей, предусмотренных нормами бюджетного законодательства. [1]

В свою же очередь, привлечение субъекта бюджетных правоотношений к бюджетно-правовой ответственности означает применение к участнику бюджетного процесса за совершенное им нарушение норм бюджетного законодательства бюджетных мер принуждения.

Бюджетное правонарушение состоит из 4 элементов, к которым относятся: субъект, объект, субъективная сторона, объективная сторона.

Справедливо будет заметить тот факт, что законодатель не оставляет открытым вопрос о том, кто будет являться субъектом бюджетного правонарушения, а дает его четкий перечень, закрепляя его в ст. 306.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Исходя из положений, закреплённых в названной выше статье, субъектами бюджетного правонарушения являются:

- высший исполнительный орган субъекта Российской Федерации — местная администрация;
- финансовый орган — орган управления государственным внебюджетным фондом;
- главный администратор бюджетных средств;
- администратор бюджетных средств;
- государственный (муниципальный) заказчик.

Субъективной стороной бюджетного нарушения является вина, которая может быть выражена как в форме умысла, так и в форме неосторожности.

Объектами нарушения бюджетного законодательства выступают бюджетная система, бюджетный процесс

Российской Федерации и перераспределение бюджетных средств между бюджетами разного уровня.

Объективной стороной нарушения бюджетного законодательства является совершение противоправных действий (бездействий) субъектами бюджетных правоотношений.

Законодателем кроме четкого перечня субъектов бюджетного правонарушения, дан такой же строгий список составов бюджетных правонарушений, к которому относятся:

- нецелевое использование бюджетных средств (статья 306.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации);
- невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита (статья 306.5 Бюджетного кодекса Российской Федерации);
- неперечисление либо несвоевременное перечисление платы за пользование бюджетным кредитом (статья 306.6 Бюджетного кодекса Российской Федерации);
- нарушение условий предоставления бюджетного кредита (статья 306.7 Бюджетного кодекса Российской Федерации).

Санкции, которые применяются за бюджетные нарушения именуются бюджетными мерами принуждения. Пунктом 2 статьи 306.2 Бюджетного кодекса РФ предусмотрены следующие бюджетные меры принуждения:

- взыскание средств, предоставленных из одного бюджета другому;
- взыскание платы за пользование средствами, предоставленными из одного бюджета другому;
- взыскание пеней за несвоевременный возврат средств бюджета;
- приостановление (сокращение) предоставления МБТ (за исключением субвенций).

При этом законодатель указывает, что наряду с бюджетными мерами принуждения могут применяться и иные меры ответственности.

Литература:

1. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N145-ФЗ (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.06.2024) // Информационно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/doc>. (дата обращения 05.06.2024).
2. Послание Президента РФ Федеральному собранию на 2015 год от 04.12.2014 г. РГ № 278 от 05.12.2014.
3. Ефремов Р. с. К вопросу о пределах криминализации отдельных общественно опасных посягательств на бюджетные правоотношения // Пенитенциарная наука. 2010. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-predelah-kriminalizatsii-otdelnyh-obschestvenno> (дата обращения 05.06.2024).
4. Лисенкова Н. А. Нецелевое расходование бюджетных средств // Проблемы науки. 2018. № 2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/netselevoe-ras> (дата обращения 05.06.2024).
5. Российская газета «Путину доложили о расходовании бюджетных средств» // URL: <https://rg.ru/2020/08/19/putinu-dolozhili-o-necelovom-ispolzovanii-biudzhethnyh-sredstv.html> (дата обращения 05.06.2024).

Возвращаясь к бюджетным правонарушениям, необходимо отметить, что чаще всего совершается такое бюджетное правонарушение как нецелевое расходование бюджетных средств, предусмотренное ст. 306.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, о чем заявил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в своем Послании Федеральному собранию. Кроме того, В.В. Путин, считает, что нецелевое использование бюджетных средств в некоторых отраслях — это «прямой удар по национальной безопасности». [2]

Указанные слова Президента Российской Федерации подтверждаются цифрами, опубликованными на официальных порталах. Так, согласно статистическим данным за 2004–2008 года нецелевое расходование бюджетных средств составило 13 321, 5 млн руб. [3], за 2016 год из-за нецелевого расходования бюджетных средств бюджет страны потерял 19 млрд рублей. [4]

Вместе с тем, председатель Счетной палаты Российской Федерации

А.Л. Кудрин в своем докладе президенту Российской Федерации Путину В.В. о результатах работы Счетной палаты за 2020 год указал, что нецелевое использование бюджетных средств, нарушение бухгалтерского учета составило около 50 млрд рублей. [5]

Таким образом, бюджет Российской Федерации — часть бюджетной системы России, которая предназначена для обеспечения задач и функций государства. Важность корректного и целевого распределения и расходования бюджетных средств, поступивших в бюджет страны, сложно преувеличить, в связи с чем комплекс мер, которые принимаются законодателем и применяются органами исполнительной власти в части соблюдения норм бюджетного законодательства как нельзя актуален и никогда себя не исчерпает, а лишь будет совершенствоваться дабы снизить уровень совершаемых правонарушений в указанной сфере.

Возможность приобретения собственниками зданий и сооружений земельных участков

Кащеева Анастасия Евгеньевна, студент
Кемеровский государственный университет

В статье автор рассматривает возможность приобретения собственниками зданий и сооружений земельных участков, расположенных под ними.

Ключевые слова: земельный участок, собственность, принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ним объектов.

Возможность приобретения собственниками зданий и сооружений расположенных под ними земельных участков исходит из принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому последние следуют судьбе земельных участков.

Указанный принцип нашёл своё отражение в гражданском и земельном законодательстве. Исходя из п. 2 ст. 271 ГК, а также п. 1 ст. 35 ЗК РФ следует, что лицо, к которому переходит право собственности на здание или сооружение, находящееся на чужом земельном участке, приобретает право на использование соответствующей части земельного участка, занятой зданием или сооружением, а также необходимой для использования этих объектов. Причем «право на использование» переходит на тех же условиях и в том же объёме, что были у прошлого собственника объекта недвижимости, расположенного на земельном участке. Кроме того, руководствуясь ст. 35 ЗК РФ, собственник здания или сооружения имеет преимущественное право покупки земельного участка под данными объектами недвижимости, осуществляемое в порядке, характерном для продажи доли в праве общей собственности и предусмотренном в ГК РФ. То есть в случае возникновения у собственника земельного участка желания по его продаже, он должен известить об этом собственника расположенного на участке здания, указав сведения о цене и других условиях продажи.

При этом п. 4 ст. 35 ЗК РФ и ст. 273 ГК РФ устанавливают правило, согласно которому к приобретателю здания или сооружения переходит право собственности на земельный участок, на котором расположены указанные объекты недвижимости, в том случае если и участок, и расположенная на нём недвижимость принадлежали отчуждателю. И наоборот: отчуждение земельного участка без находящегося на нём здания или сооружения не допускается, при условии, что оба объекта принадлежат одному лицу. Стоит отметить, что ст. 273 ГК РФ ранее допускалась возможность по усмотрению сторон определить в договоре, на каком праве будет переходить земельный участок к получателю (даже если у отчуждающего лица данный участок находился в собственности), однако Федеральным законом от 26 июня 2007 г. № 118 данный вариант был исключён, и в указанную норму были внесены изменения, которые действуют на сегодняшний момент [6].

Однако такое правило не всегда будет работать, исключения возможны в том случае, если:

— Отчуждается часть здания или сооружения, которая не может быть выделена в натуре. В то же время судебной практикой выработан подход, согласно которому при отчуждении помещений в здании земельный участок поступает в долевую собственность продавца и покупателя, при этом момент государственной регистрации перехода к покупателю права собственности на здание или сооружение является также моментом возникновения у него права собственности на долю в праве на земельный участок [10]. Отчуждение принадлежащих одному лицу долей в праве собственности на здание или сооружение и земельный участок по отдельности невозможно;

— Отчуждается часть здания или сооружения, расположенного на участке, изъятом из оборота. Однако если участок ограничен в обороте, и законодательство разрешает его предоставление в частную собственность, то возможно только совместное отчуждение участка и расположенной на нём недвижимости;

— Отчуждается сооружение, расположенное на участке на условиях сервитута, публичного сервитута;

— Отчуждается объект культурного наследия посредством его продажи на конкурсе либо на аукционе. При этом предмет аукциона должен находиться в собственности субъекта Российской Федерации — города федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга или Севастополя.

Некоторые вопросы возникают относительно того, передаётся в собственность часть земельного участка, занятая зданием или сооружением и необходимая для их использования, или весь земельный участок, на котором располагаются такие объекты недвижимости. По мнению Р.С. Бевзенко, точка зрения о возникновении права собственности только на часть участка ошибочна для ситуации, когда у собственника-отчуждателя имеется право собственности и на здание, и на участок и была характерна для ранее действующего законодательства. В настоящий момент в п. 1 ст. 35 ЗК РФ, в котором говорится о приобретении прав на часть земельного участка, содержится положение, относящееся к аренде и ограниченными вещными правам, в то время как п. 4 этой же статьи не содержит такого же условия для ситуаций, в которых и здание, и земельный участок находятся в собственности одного лица. Исходя из этого, в случае перехода права собственности

на здание (земельный участок под которым принадлежит отчуждателю на праве аренды), новый собственник будет арендовать лишь часть значительного по площади земельного участка. В случае с ограниченными вещными правами на земельный участок собственник постройки должен будет произвести раздел участка, выделив часть, которая перейдёт к приобретателю [1]. С данной точкой зрения можно согласиться.

Следует помнить, что являются ничтожными сделки, воля сторон в которых направлена на отчуждение здания, строения или сооружения без земельного участка, равно как и отчуждение земельного участка без располагающихся на нём зданий, строений или сооружений [9].

Однако необходимо ли прямо прописывать в договоре, на основании которого осуществляется переход права собственности на постройку, соответствующее условие о переходе права собственности на земельный участок или же участок передаётся автоматически? Судебная практика, судя по всему, исходит из автоматического перехода права собственности. Так, в Определении ВС РФ от 21 июня 2022 г. № 304-ЭС22–2566 рассматривалось дело, в котором продажу помещения в здании осуществили одному лицу, а чуть позже продали иному лицу долю в праве собственности на земельный участок, которая, если следовать букве закона, должна была достаться первому покупателю. В конечном счёте ВС РФ пришёл к выводу о том, что в случае отсутствия в договоре купли-продажи специального указания на тот факт, что вместе с постройкой к покупателю переходит и доля в праве общей собственности на земельный участок, то применяются положения ст. 273 ГК РФ, 552 ГК РФ и ст. 35 ЗК РФ, исходя из которых следует, что покупателю одновременно с передачей права собственности на здание или сооружение передаётся также право собственности на земельный участок [13].

В упомянутом выше определении суд также указал следующее: право собственности на долю в земельном участке возникает у покупателя помещения в силу закона с момента государственной регистрации перехода к нему права собственности на помещение в здании, и, соответственно, право собственности на эту долю у продавца прекращается.

При этом п. 1 ст. 57 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» предусматривает, что при государственной регистрации перехода прав на здание или сооружение одновременно на основании заявления осуществляется государственная регистрация перехода прав на земельный участок под ними. Следовательно, сторонам нужно будет обратиться с заявлением о переходе прав на земельный участок, предоставив в подтверждение договор, а потому лучше излагать в нём волеизъявление и в отношении земельного участка, и в отношении постройки на нём.

Всё перечисленное выше характерно для множества сделок (купля-продажа, меня дарение и др.), однако исключение сделано для получения имущества путём его наследования, поскольку завещатель вправе сделать от-

дельные распоряжения в отношении земельного участка и расположенного на нём здания, строения или сооружения [8]. Данное исключение видится необоснованным, поскольку им полностью игнорируется принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ним объектов. Кроме того, это потенциально может привести к ситуации, в результате которой здание или сооружение будет наследоваться по завещанию, а земельный участок по закону, в результате чего у имущества будут разные собственники.

Помимо прочего, принцип единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов присутствует и при приватизации имущества: Федеральный закон «О приватизации государственного или муниципального имущества» в п. 1 ст. 28 устанавливает положение о необходимости отчуждения земельного участка в случае приватизации находящихся на нём строений.

Земельное законодательство также устанавливает возможность приобрести из муниципальной или государственной собственности земельный участок, находящийся под зданием или сооружением. Данный вопрос регулируется главой V.1 ЗК РФ, а именно ст. 39.20 ЗК РФ. Так, подобное предоставление происходит без проведения торгов. Как отмечается в статье, граждане и юридические лица имеют исключительное право на приобретение участка, который находится под постройкой, принадлежащей им. Исключение из этого правила, опять же, предусмотрено для правообладателей, сооружения которых размещены на земельном участке на основании сервитута или публичного сервитута, а также правообладателей нестационарных торговых объектов, рекламных конструкций.

Однако при применении ст. 39.20 ЗК РФ стоит учитывать, что возведение на публичном земельном участке только объекта вспомогательного использования не влечёт возникновения у его собственника права на приобретение в собственность такого участка. Это обуславливается тем, что выкуп земельного участка в соответствии с указанной статьёй продиктован необходимостью обслуживания здания или сооружения, расположенного на нём, в то время как объекты вспомогательного использования принадлежат к сооружениям пониженного уровня ответственности, не требуют получения разрешительной документации на их строительство и выполняют обслуживающую функцию к основному объекту [11].

Для собственников зданий, расположенных на земельных участках, принадлежащих гражданам на праве пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования, также предусмотрена возможность осуществить регистрацию права собственности. Для этого необходимо, чтобы земельный участок был выдан гражданину или его правопреемнику до 25 октября 2001 года, то есть до даты введения в действие ЗК РФ [4]. Упрощённый порядок в данном случае объясняется тем, что ранее действовавшее законодательство не предусматривало частной собственности на земельные участки.

Практика ВС РФ по указанным случаям допускает предоставление земельного участка даже тогда, когда расположенный на нём жилой объект находится в непригодном для проживания состоянии. Так, в одном из рассмотренных дел ВС РФ указал, что сильно пострадавший в пожаре дом не свидетельствует об отсутствии у лица основания для приобретения права собственности на земельный участок, поскольку право собственности на дом подтверждается сведениями из ЕГРН, что уже явля-

ется достаточным основанием, в то время как нахождение дома в непригодном для проживания состоянии не говорит о том, что он прекратил существовать [12].

Таким образом, приобретение земельного участка в собственность собственниками зданий и сооружений связано с закреплённым в законодательстве принципом единства судьбы земельного участка и прочно связанного с ним объекта. Такая практика направлена на сосредоточение в одних руках прав на участок и на постройку.

Литература:

1. Бевзенко, Р.С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нем / Р.С. Бевзенко // Вестник гражданского права. — 2020. — № 2. — С. 1–62.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 14.02.2024, с изм. от 11.06.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
4. Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — ст. 4148.
5. Федеральный закон от 21.12.2001 N178-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 4. — ст. 251.
6. Федеральный закон от 26.06.2007 № 118-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в части приведения их в соответствие с Земельным кодексом Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 27. — ст. 3213.
7. Федеральный закон от 13.07.2015 N218-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 29 (часть I). — ст. 4344.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного суда РФ. — 2012. — № 7.
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» // Вестник ВАС РФ. — 2005. — № 5.
10. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 1.
11. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N1 (2022)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2022. — № 7.
12. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023) // Бюллетень Верховного суда РФ. — 2023. — № 10.
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.06.2022 № 304-ЭС22–2566 по делу № А46–23123/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Фактическое изъятие земельных участков из частной собственности

Кашеева Анастасия Евгеньевна, студент
Кемеровский государственный университет

В статье автор рассматривает ситуации, в которых земельный участок изымается в обход установленной законодательством процедуры изъятия участков для государственных или муниципальных нужд.

Ключевые слова: фактическое изъятие, земельный участок, изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд.

Прекращение права собственности на землю ввиду изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд занимает особое положение, поскольку оно является не только основанием прекра-

щения права, но и самостоятельным государственным институтом, а также входящей в сферу охраны и использования земель функцией государственного управления.

Часть 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации упоминает, что принудительное отчуждение имущества для государственных или муниципальных нужд допускается лишь при условии предварительного и равноценного возмещения. Из этого следует, что лишение права собственности является экстраординарной мерой, которая применяется не из-за совершения собственником противоправных действий, а в ситуации, когда публичный интерес превалирует над частным.

Позиция о том, что земельный участок для государственных или муниципальных нужд может изыматься только в исключительных случаях для достижения общественно-полезных целей, реализация которых невозможна без вмешательства органов государственной власти или органов местного самоуправления, была высказана Верховным судом РФ (далее ВС РФ) и закреплена в Обзоре судебной практики № 1 от 13 апреля 2016 года. В рассматриваемом деле суд пришёл к выводу, что сам по себе договор развития застроенной территории (ныне положение о нём в Градостроительном кодексе отсутствует, ввиду появления комплексного развития территорий) не является основанием для изъятия земельных участков. Кроме того, генеральный план не содержал сведений о планируемом размещении на указанном земельном участке объектов муниципального значения. Суд также обратил внимание, что планируемое к постройке здание перейдёт в собственность компании-застройщика, то есть станет частной собственностью. Исходя из этого, ВС РФ не счёл необходимым изъятие земельного участка, поскольку не усмотрел в данном случае наличия публичных нужд [6].

Помимо наличия определённых оснований, изъятие земельного участка имеет порядок, закреплённый в главе VII.1 ЗК РФ. Такая процедура может быть начата с направления уполномоченным органом ходатайства об изъятии земельного участка (в том случае если изъятие осуществляется на основании ходатайства организации, которая, например, является недропользователем). Далее идёт выявление правообладателей земельных участков, в случае если в ЕГРН нет сведений о зарегистрированных правах на участок. Позже принимается решение об изъятии земельных участков, такое решение действует в течение трех лет со дня его принятия. В дальнейшем подготавливается и заключается соглашение с правообладателем земельного участка. После выплаты возмещения за земельный участок возможен переход права собственности и государственная регистрация прекращения права частной собственности.

Однако в действительности имеет место быть так называемое фактическое изъятие, при котором, несмотря на отсутствие решения об изъятии или нарушении процедуры изъятия участка, экспроприация фактически происходит. В результате таких действий собственник по сути лишается возможности владеть своим участком (или его частью), и, более того, не получает за это никакого возмещения. Как отмечает Пельвицкая Е. П., фактическое

изъятие чаще всего происходит для целей строительства дорог регионального или местного значения, водоснабжения населенных пунктов, прокладки линий электропередач [2].

При этом защитить свои права в указанной ситуации собственнику земельного участка может быть крайне затруднительно. Как указывает Краснова И. О., применение способа защиты, связанного с восстановлением положения, существовавшего до нарушения права и пресечением действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (ввиду самовольного занятия участка), в том числе путём требования о сносе самовольной постройки, не принимается судами [1].

Данная позиция действительно находит своё подтверждение в судебной практике. Так, Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в Постановлении от 3 августа 2017 г. № Ф02-3399/2017, соотнеся «частный интерес по сохранению имущества и публичный интерес по обеспечению безопасности передвижения в отдалённые районы», согласился с выводами судов нижестоящих инстанций об избрании истцом, просившим осуществить снос самовольной постройки (автодороги общего пользования), несоразмерного способа защиты [3].

В судебной практике встречаются и иные требования, заявленные лицами, чьё право было нарушено. Например, в одном из споров, который не был передан для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ, истцом были заявлены требования о взыскании неосновательного обогащения, установлении пользования земельным участком на условиях договора аренды и обязанности ответчика (муниципального образования) заключить договор аренды. Однако доводы истца были отклонены, а ВС РФ разъяснил собственнику возможность обратиться за взысканием убытков, причинённых фактическим изъятием [11].

В ином деле, дошедшем до рассмотрения ВС РФ, территория земельного участка, принадлежавшего собственникам, фактически была занята кладбищем, что делало участок непригодным для использования (тем более что спорный земельный участок относился к категории земель сельскохозяйственного назначения). Собственниками было заявлено требование о взыскании стоимости земельного участка. ВС РФ, разрешая дело, отметил, что суду апелляционной инстанции (который отказал в удовлетворении требований истцов) следовало разрешить вопрос о том, какого рода возмещение в данной ситуации полагается собственникам, а также указал, что отсутствие решения органов местного самоуправления об изъятии земельного участка и несоблюдение процедуры изъятия само по себе не лишает правообладателя такого участка права на возмещение убытков, причинённых фактическим лишением имущества [8].

Таким образом, судебная практика исходит из того, что в случае фактического изъятия собственник земельного участка может рассчитывать на возмещение убытков, причинённых лишением имущества.

Данная позиция также находит своё подтверждение в различных Обзорах судебной практики [5, 7].

С одной стороны, такая позиция видится справедливой, поскольку даёт собственнику возможность компенсировать имеющиеся у него убытки. Кроме того, иные способы, например, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, не всегда могут быть осуществимы, особенно если земельный участок к пригодному состоянию будет вернуть практически невозможно, как это может быть в случае с затоплением участка или размещением кладбища на его части.

С другой стороны, в составе убытков не всегда возмещается стоимость фактически изъятого участка (или его части), что также негативно сказывается на положении собственника, поскольку, проводясь процедура экспроприации надлежащим образом, он в любом случае имел бы право на возмещение, в размер которого, помимо убытков, входит и компенсация рыночной стоимости участка.

Однако даже в тех случаях, когда изначально истцами заявлены требования о взыскании убытков, доказать их бывает весьма затруднительно.

Например, в рассмотренном ВС РФ деле суд апелляционной инстанции признал злоупотреблением правом, направленным на создание условий по обращению в суд для взыскания убытков, действия истцов по разделу площади земельного участка, в результате которых фактически изъятый участок земли оказался отделён. Между тем, ВС РФ с указанными выводами не согласился, обратил внимание на то, что данные меры были предприняты истцами с целью обособления части участка, которая стала непригодной для использования ввиду нахождения на ней дорожной сети. ВС РФ заключил, что выводы судов апелляционной и кассационной инстанции об отсутствии оснований для удовлетворения требований истцов о воз-

мещении убытков, причиненных им в результате фактического изъятия для муниципальных нужд принадлежащего им земельного участка, нельзя признать правильными [9].

В ином деле часть участка собственника была фактически изъята ввиду реконструкции автодороги. В результате указанных действий собственнику участка стало необходимо произвести реконструкцию расположенных на участке АЗС и осуществить перенос топливораздаточных колонок, расходы, возникшие вследствие совершения данных действий, он просил взыскать в качестве убытков. В то же время суды нижестоящих инстанций сделали вывод о том, что представленная истцом проектно-сметная документация с расчетом затрат не является надлежащим доказательством необходимости реконструкции АЗС и, несмотря на отсутствие аргументированных возражений со стороны ответчика, посчитали, что истцу следовало ходатайствовать о назначении судебной экспертизы. ВС РФ в своём Определении встал на сторону истца и указал, что у судов не было оснований для отказа предпринимателю в иске со ссылкой на недоказанность того, что предъявленные им к взысканию расходы на реконструкцию АЗС не находятся в причинно-следственной связи с действиями ответчиков, а также на недоказанность размера предъявленных к взысканию убытков [10].

Таким образом, несмотря на то что наиболее благосклонно судебная практика относится к такому способу защиты нарушенного ненадлежащим порядком экспроприации права, как возмещение убытков, в действительности доказать их возникновение и причинно-следственную связь с фактическим изъятием бывает довольно сложно. Это ставит в затруднительное положение собственника, который уже пострадал от ненадлежащего порядка изъятия, а также вынужден теперь нести затраты, вследствие необходимости отстаивать свои права в суде.

Литература:

1. Краснова, И. О. Квалификация публичных интересов при разрешении судами споров об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд / И. О. Краснова // Экологическое право. — 2020. — № 2. — С. 14–19.
2. Пельвицкая, Е. П. К вопросу об отдельных правомочиях собственника при фактическом изъятии (фактическом занятии) земельного участка для государственных или муниципальных нужд / Е. П. Пельвицкая // Бизнес, менеджмент и право. — 2018. — № 1. — С. 80–84.
3. Конституция Российской Федерации (принята Всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе Общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. 04.07.2020. № 0001202007040001. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 14.02.2024, с изм. от 11.06.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
5. «Обзор судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.12.2015) // Бюллетень Верховного суда РФ. — 2016. — № 4.
6. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // Бюллетень Верховного суда РФ. — 2016. — № 11.
7. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // Бюллетень Верховного суда РФ. — 2021. — № 7.

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2021 № 4-КГ21-25-К1 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2021 № 18-КГ21-6-К4 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.11.2020 № 302-ЭС20-6718 по делу № А69-303/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2022 № 306-ЭС21-29501 по делу № А65-11839/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03.08.2017 № Ф02-3399/2017 по делу № А69-3802/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Предоставление земельных участков гражданам, имеющим трёх и более детей, в собственность бесплатно

Кашеева Анастасия Евгеньевна, студент
Кемеровский государственный университет

В статье рассматриваются особенности предоставления земельных участков гражданам, имеющим трёх и более детей.

Ключевые слова: предоставление земельных участков, земельный участок, предоставление земельных участков бесплатно.

Как правило, земельные участки в Российской Федерации предоставляются за плату, однако законодательство также предусматривает возможность получения земельных участков для отдельных категорий граждан бесплатно.

Основания предоставления земельных участков в собственность бесплатно содержатся, в частности, в ст. 39.5 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ), их можно подразделить на несколько групп. Первая группа — предоставление земельного участка в связи с его нахождением во владении (пользовании) лица. Так, религиозная организация может приобрести участок, находящийся у неё на праве постоянного (бессрочного) пользования и предоставленный ей для сельскохозяйственного производства. Вторая группа — предоставление участков в целях развития определённых территорий. Например, предоставление земельного участка не более одного гектара, находящегося на территории Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ или расположенного в Арктической зоне РФ (в соответствии с Федеральным законом № 119) [5]. Третья группа — предоставление земельных участков определённым категориям граждан. К таким лицам также относятся граждане, имеющие трёх и более детей.

Относительно предоставления земельных участков гражданам, имеющим трёх и более детей, п. 6 ст. 39.5 ЗК РФ, установлена возможность для органов государственной власти субъектов Российской Федерации предусмотреть требования такого рода, как постановка граждан, желающих получить участок, на учёт в качестве нуждающихся в жилых помещениях. Также может быть

предусмотрено предоставление данной категории граждан иных мер социальной поддержки (при их согласии) по обеспечению жилыми помещениями взамен предоставления им земельного участка в собственность бесплатно.

Кроме того, порядок и условия предоставления также определяются органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Например, Закон Кемеровской области — Кузбасса «О регулировании отдельных вопросов в сфере земельных правоотношений» устанавливает дополнительные условия к пп. 6 ст. 39.5 ЗК РФ, и указывает в качестве таковых возрастные ограничения для детей (по общему правилу до 18 лет, в случае обучения в общеобразовательных организациях — до 18 лет включительно, а в случае обучения в организациях высшего образования по очной форме обучения устанавливается крайний возраст в 23 года), а также срок проживания в Кемеровской области не менее трех лет на дату подачи заявления о предоставлении участка. Кроме того, претенденты должны состоять на учете в качестве лиц, имеющих право на бесплатное предоставление земельных участков в собственность. Стоит отметить, предоставление участка по этому основанию осуществляется однократно.

Законом Томской области от 09.07.2015 «О земельных отношениях в Томской области» также регулируются вопросы предоставления земельных участков гражданам, имеющим трёх и более детей. Условия в нём несколько отличаются в зависимости от целей предоставления участка, так, получить в собственность землю для индивидуального жилищного строительства могут гра-

ждане, которые состоят на учёте в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, при этом такое требование отсутствует в случае предоставления земельного участка в целях огородничества. Кроме того, взамен предоставления земельного участка в собственность бесплатно, граждане имеют право получить единовременную денежную выплату в сумме не более трёхсот тысяч рублей.

Следует отметить, что при предоставлении земельных участков следует учитывать особенности их оборота. Так, Верховный суд РФ в одном из своих Обзоров обратил внимание, что отсутствие возможности формирования земельного участка, в том числе для индивидуального жилищного строительства, в границах муниципального образования может быть обусловлено особенностями развития поселения и его статусом [9]. В рассматриваемом деле судом было отмечено, что положения п. 6 ст. 39.5 ЗК РФ не отменяют особенностей оборота земельных участков, в то время как в закрытом административно-территориальном образовании, в котором проживало лицо, установлен в силу закона особый режим использования земель: участки в нём ограничены в обороте. Это и обусловило невозможность сформировать участок.

В настоящее время существуют определённые проблемы с предоставлением земельных участков в собственность бесплатно, основные из которых связаны с отсутствием на таких участках необходимой инфраструктуры или же с расположением в местах, непригодных для проживания.

На данный момент в отношении граждан, имеющих трёх и более детей, действует Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 9 сентября 2013 года № 327, положения которого носят рекомендательный характер и направлены на единообразие нормативного правового регулирования в этой сфере среди субъектов РФ. Данный приказ содержит критерии, которым должен соответствовать участок, предоставляемый данной группе граждан, среди них: транспортная доступность; удовлетворительная экологическая обстановка; обеспеченность участков объектами инфраструктуры, наличие сроков строительства объектов инфраструктуры [8].

Не все субъекты РФ, однако, стремятся включить данное положение в соответствующие законы, равно как и не везде указанные требования соблюдаются даже при

наличии в законе таковых. Впрочем, суды обычно обязывают обеспечить необходимой инфраструктурой земельные участки. Так, Приморским краевым судом было принято апелляционное определение от 25 января 2018 г. по делу № 33А-761/2018, в соответствии с которым бездействие администрации Арсеньевского городского округа по обеспечению инфраструктурой (электроснабжением, водоснабжением, водоотведением, автомобильной дорогой местного значения) земельного участка было признано незаконным. Судебная коллегия разъяснила, что формирование земельного участка и его предоставление заявителям не свидетельствуют об отсутствии у администрации обязанности обеспечить земельный участок инфраструктурой [11].

Высказывал свою позицию по данному вопросу и Конституционный Суд Российской Федерации. Например, в Определении от 31 января 2023 года № 200 суд вновь указал на недопустимость возложения на граждан, имеющих трёх и более детей, затрат по инфраструктурному оснащению предоставленных земельных участков, коль скоро предоставление многодетным семьям участков в собственность бесплатно является мерой социальной поддержки населения, направленной на защиту лиц «находящихся потенциально в наиболее уязвимом социальном положении и нуждающихся в особой заботе со стороны государства и общества» [10]. Было обращено внимание и на то, что такая обязанность лежит на органах публичной власти.

По мнению В.И. Баловневой, Е.А. Иванова план по освоению предоставляемого земельного участка, который должен включать мероприятия по строительству всей необходимой инфраструктуры, а также разработан и утверждён ещё до предоставления земельного участка [1]. Указанная позиция видится обоснованной, однако нельзя не согласиться с В.В. Литвиновым, М.А. Буранковым, которые, обращая внимание на превышение потребности над возможностями бюджетов, говорят о необходимости введения разумных сроков для осуществления инфраструктурного обеспечения [2].

Таким образом, в случае предоставления земельных участков для граждан, имеющих трёх и более детей, особые требования предъявляются не только к категории лиц, но и к самим участкам, поскольку возможность его получения является также мерой социальной поддержки многодетных семей.

Литература:

1. Баловнева, В. И. Реализация прав граждан на бесплатное предоставление земельных участков / В. И. Баловнева, Е. А. Иванов. // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации.* — 2018. — С. 161–164.
2. Литвинова, В.В., Буранкова, М. А. Анализ региональных практик обеспечения жильем молодых семей и предложения по их совершенствованию / В.В. Литвинова, М.А. Буранкова // *Актуальные проблемы российского права.* — 2021. — № 13 (133). — С. 109–117.
3. Тоточенко, Д.А. Предоставление земельных участков отдельным категориям граждан в собственность бесплатно / Д.А. Тоточенко // *Нотариус.* — 2019. — № 8. — С. 41–43.

4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 14.02.2024, с изм. от 11.06.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
5. Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 18. — ст. 2495.
6. Закон Кемеровской области — Кузбасса от 29 декабря 2015 года № 135-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов в сфере земельных отношений» (с изменениями на 3 ноября 2022 года) // приложение «Официально» к газете «Кузбасс». — 2016. — № 2.
7. Закон Томской области от 09.07.2015 № 100-ОЗ «О земельных отношениях в Томской области» // Официальный интернет-портал «Электронная Администрация Томской области» (www.tomsk.gov.ru) — 2015.
8. Приказ Минрегиона России от 09 сентября 2013 № 372 «Об утверждении методических рекомендаций субъектам Российской Федерации по порядку и случаям бесплатного предоставления земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей» // СПС «КонсультантПлюс».
9. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017) // Бюллетень Верховного суда РФ. — 2018. — № 11.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 № 200-О // СПС «КонсультантПлюс».
11. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 25.01.2018 г. по делу № 33А-761/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Злоупотребление процессуальными правами в истории судебного процесса России

Клоненгер Антонина Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Бабушкина Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Ключевые слова: злоупотребление, гражданский процесс, суд, истец, ответчик, встречный иск, заочное решение, недобросовестное заявление, судебная защита, судебное разбирательство, способ злоупотребления.

В современной России каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, так гласит статья 46 Конституции РФ, эта же позиция изложена в статье 32 Всеобщей декларации прав человека. Вместе с тем, реализация данного права имеет противоположный аспект — злоупотребление процессуальным правом на защиту.

Исследования на данную тематику имеются, но представлены в ограниченном количестве, несмотря на то что данный вопрос имеет существенное значение не только в качестве получения фундаментальных знаний о данном явлении, но имеет существенное влияние на судебную практику, следовательно, и на реализацию положений о гарантии судебной защиты прав и свобод человека.

Для того чтобы системно понять любое явление, необходимо осознать его причины, а также изучить историю его возникновения и развития. Это позволяет рассматривать явление в широком контексте, выявляя его взаимосвязи с другими процессами и событиями, и таким образом, получать более полное представление о его природе.

При анализе источников, посвященных злоупотреблению процессуальными правами, установлено отсутствие либо же представление данной информации в крайне лако-

ничном изложении. Основополагающими исследователями в данной области юриспруденции в прошлом, по мнению ряда специалистов, исследующих данную тему в истории новой России, к которым в частности относится Юдин А. В., Грель Я. В., Аболонин В. О., Жуков А. А., Вершинин А. П., Болловнев М. А., Гальперин М. Л. и др., являются в первую очередь такие авторы, как Попов Б. В., Боровиковский А. Л., Бугаевский А. А., Гедда А. Н., Розин Н. Н., Васьковский Е. В., Красовский А. А., Яблочков Т. М., Гурвич М. А., Юдельсон К. С., Чечина Н. А. и др.

Вместе с тем, авторы, исследующие проблематику процессуальных правонарушений, единогласно приходят к выводу, что в указанный период вопрос злоупотребления процессуальными правами не рассматривался как самостоятельная единица, а скорее носил характер отдельных статей или даже параграфов учебников гражданского процесса. В связи с данными обстоятельствами, целесообразным является исследование данного вопроса в рамках исторического контекста возникновения злоупотребления процессуальными правами.

В первую очередь стоит отметить, что на сегодняшний день отсутствует легальное определение понятия «злоупотребление процессуальными правами», но все же не-

которое стремление к формированию единого понятия в юридической литературе имеется.

Жуков А. А. в работе «Правовые средства воздействия суда на процессуальное поведение сторон в гражданском судопроизводстве» [1] приводит и систематизирует обратную, негативную сторону права на защиту свобод и прав человека, а именно характеризует как «гражданские процессуальные нарушения» (Чечина Н. А., Новиков А. Г., Бутнев В. В. и др.), «воспрепятствование осуществлению правосудия» (Приходько А. И.), «злоупотребление гражданскими процессуальными правами (Юдин А. В.), »неуважение к суду« (Гальперин М. В.), »правовые аномалии» (Алексеев С. С., Нохрин Д. Г.) и другое.

При анализе источников, прямо либо косвенно посвященных злоупотреблением процессуальными правами, как современные авторы, так и авторы прошлого столетия выявляют одни и те же тенденции и способы, что лишний раз подчеркивает, что данная проблема имеется, она актуальна, необходимость ее решения существенно повлияет на отправление правосудия.

На дворе 1913 год, совсем скоро в мире произойдет множество событий, которые повлияют на ход мировой истории настолько глобально, что мир перестанет быть прежним, в это же время в Петрограде выходят первые выпуски журнала «Вестник гражданского права», к сотрудничеству с которым будут привлечены видные цивилисты, процессуалисты и специалисты в области права. В январе 1914 года Красовским А. А. написана статья, рассматривающая главные недостатки процессуального законодательства начала XX века, автор пишет о превращении недобросовестными сторонами закона из благородных начал защиты права в орудие злоупотребления; кроме того, рассуждает о медлительности и ненужном формализме, непроизводительными затратами времени со стороны судебных учреждений [2].

Следует остановиться на тех вопросах, которые остаются актуальными и на сегодняшний день в российской судебной системе. В первую очередь автор указывает на загруженность судебной системы, что, разумеется, имеет влияние на реализацию норм законодательства. Данный вопрос был актуальным в 1914 году (время написания статьи), данный вопрос остается актуальным на сегодняшний день. Это, в том числе отмечалось Президентом РФ в 2023 году, который указал на рост рассмотрения делами судами (разница в один миллион дел, чем в прошлом периоде, всего за отчетный период рассмотрено 40 млн дел) [3].

Красовский А. А. выделяет ряд занимательных проблем реализации законодательства на указанный период:

- более ранний период (1860 — е года) стороны имели в распоряжении несколько сотен законов, отсутствие их единообразного применения и понимания, однако, стороны пытались в них разбираться, а теперь же лица, участвующие в деле, погрязли в «дремучем лесу кассационных решений, не располагая ни вехами, ни тропинками, ни даже компасом», автор указывает на необходимость упрощения, а не усложнения «юридических иероглифов»;

- иностранцы, которые имели возможность соприкоснуться с нашими судами, отказались в последующем от своих капиталов в России, поскольку знали, по горькому опыту, что в случае необходимости отстаивать свои права они встретят бесконечную волокиту гражданского судопроизводства;

- рядовые обыватели, которые вынуждены были обращаться за судебной защитой в виду требования от них «вопиющих формальностей», отложений судебных заседаний, неустойчивости сенатских разъяснений их дела, предпочитали в случаях нового посягательства на их права или идти на мировое при убыточных для них условия, или просто «махнуть рукою» и отказаться от содействия суда.

Анализ данных недостатков системы необходим для полного понимания практики злоупотребления процессуальными правами лиц, участвующих в деле, в начале XX века.

Красовский А. А. выделяет способы злоупотребления процессуальными правами:

- заявление ходатайства о подаче встречного иска в первом судебном заседании, после чего наступает слушание дела во втором судебном заседании, где ответчик снова просит предоставить время на подготовку встречного иска, так как первоначально на письменное изготовление встречного иска стороне ответчика предоставляется от 3 до 7 дней. В следующем заседании ответчик снова просит увеличить срок, поскольку необходимо получить дополнительные доказательства, например, обратиться к нотариусу. В назначенный день ответчик заявляет, что доказательства ему раздобыть не удалось, но подтвердить такие доводы он может посредством свидетелей, которые «по странной случайности» проживают в самых отдаленных уголках России или даже за границей. Данное ходатайство законно, соответственно, подлежит удовлетворению судом, но на его фактическое удовлетворение уходит целый год, а после может оказаться, что таких свидетелей вовсе нет или данные лица не могут дать пояснений по существу спора, поскольку им ничего не известно. Красовский А. А. указывает на то, что «встречные иски предъявляются весьма часто вовсе не для защиты какого-нибудь действительно существующего права, а единственно для того, чтобы затянуть тяжбу на неопределенно долгое время, замучить истца бесконечными отсрочками и тем самым заставить его идти на уступки»;

- уклонение ответчика от получения заочного решения, а все-таки после его получения подача ответчиком отзыва, который часто не мотивирован, с отсутствием уплаты судебной пошлины и гербового сбора, в связи с чем предоставляется дополнительный срок для извещения ответчика в течение 7 дней, после чего в течение года-двух дело все же назначается к слушанию. Кроме того, по делам, связанным с векселями, которые за границей рассматриваются в течение месяца-двух, у нас же могут рассматриваться в течение нескольких лет, ответчик по ранее озвученной модели поведения во время судебного разбирательства может заявить о подлоге векселя, в связи

с чем назначается экспертиза, которая зачастую выявляет подлинность документа. При этом затягивание судебного разбирательства на этом не заканчивается, поскольку имеется апелляция, а далее данные сроки могут быть затянуты на стадии исполнения решения (проблемы с вручением повестки об исполнении, на опись и оценку имущества и т.д.). Как указывает Красовский А. А., от истца требуется «особый душевный закал», которым обладают не многие.

Автор указывает ходатайство о подлоге, характеризующееся как «третьи оружием против истца в руках ответчика». Это наиболее «выгодный» прием против истца, поскольку в таком случае суд, в силу статьи 8 обязан приостановить производство по делу и передать «опороченную» бумагу прокурору, который передаст ее следователю для проведения следствия, и ведь действительно автор подложенного документа может попасть на скамью подсудимых, это наступает редко, кроме того, «у судебных следователей такая масса других дел, что прокурорский надзор обыкновенного избегает, по своей инициативе, обременять их еще новой работой».

Способом пресечь данное злоупотребление является дополнительная проверка документов иными несудебными органами (прокуратура, следователи).

Вместе с этим, об аналогичном способе говорят и современные юристы, обозначая данный способ чуть ли не «панацеей» в этой борьбе. Валентик М. С. (ведущий специалист — эксперт Управления Федеральной антимонопольной службы России по Владимирской области), Шумов П. В. (к.ю.н. ВГУ имени А. Г. и Н. Г. Столетовых) на примере злоупотребления процессуальными правами посредством заявления ходатайства об отложении судебного заседания по уважительным причинам, в частности болезни лица, участвующего в деле, где довод об отложении подлежит доказывания посредством документов, которые не проходят должную проверку судом на предмет подлинности. Юристы указывают на необходимость более активной роли суда, передачи данных документов в органы прокуратуры для разрешения вопроса о возможном возбуждении уголовного дела, ссылаясь на то, что количество подобных злоупотреблений должно сократиться [4].

При анализе электронных ресурсов, отображающих статистику деятельности органов прокуратуры, следует, что на данную систему аналогичным образом увеличивается нагрузка из года в год [5]. Следовательно, попытка в современных реалиях «переложить» вопрос о пресечении злоупотребления процессуальными правами на иной контролирующий орган, видится нереализуемым, несмотря на то что многие авторы указывают на это как на самый разумный способ;

– ходатайство об ознакомлении с материалами дела на несколько недель, поскольку «ибо ранее это дело в очередь попасть не может»;

– ходатайство о предоставлении времени для предоставления в будущем доказательств по делу (часть 2

статьи 331 оставляет разрешение данного вопроса на усмотрение суда, четко не регламентируя).

Существенное значение при анализе статьи Красовского А. А. за январь 1914 года является то обстоятельство, что данные сведения носят несколько односторонний характер, что подтверждается изложенным анализом, а также заключением, которое дает автор: «глубоко правы поэтому и англичанин, утверждающий, что в России судопроизводство заменяет юстицию, и персиянин, вопиющий о том, то наши судопроизводственные законы защищают лишь ответчиков». Вместе с тем, практика показывает, что злоупотребляют правами не только ответчики, но и истцы.

Так, Гедда А. Н. в 1910 году выпускает работу «Недобросовестность сторон в гражданском процессе» (Заметки из судебного практики), в которой именуется недобросовестность «ложью на суде гражданском». Недобросовестность сторон в гражданском процессе проявляется в различных формах, в частности, когда обе стороны либо одна из сторон высказывают положения заведомо ложные [6].

Стоит отметить, что Гедда А. Н. в отличие от Красовского А. А. в работе отмечает примеры злоупотребления и стороной ответчика, и стороной истца, а не только стороны ответчика, как было указано ранее. Гедда А. Н. приводит пример злоупотребления обеими сторонами, но полагаем целесообразным остановиться именно на злоупотреблении со стороны истца. Истец взыскивает с ответчика сумму денег по заемному письму, ответчик не отрицает, что заемное письмо выдано им, однако указывает, что письмо было выдано в обозначение уплаты денег за купленное им у истца имение, но продаже этого имения не состоялась по формальным причинам, земля осталась у истца. Истец, прекрасно осведомленный, что в возражениях ответчика нет ни малейшей доли неправды, заявляет суду, что ответчик обязан доказать свои возражения, что он не обязан помогать ответчику и давать ему доказательства правильности его возражений в виде своих признаний, и поэтому он отказывается сказать что-либо по поводу указаний противника.

В остальном же следует отметить, что Гедда А. Н. указывает на те же формы злоупотребления процессуальными правами, что и иные авторы: заявление ходатайства по частным вопросам, отводы, встречные иски (порядка 95% из них, по мнению автора, являются злоупотреблением), неявка в суд, допущение заочного решения, представление состязательных бумаг без сборов и тому подобных действий тяжущего, предусмотренных в уставах гражданского судопроизводства, подача необоснованного ходатайства об обеспечении иска, когда первоначально заявленный иск был на значительную сумму, но входе рассмотрения дела данная сумма становится не значительной и весь процесс построен вокруг обеспечения иска. Кроме того, автор указывает на пример из практики, когда в ходе рассмотрения дела, по ходатайству истца проводится тщательный осмотр места, допроса свидетелей, истребования заключения сведущих людей, ответчик же все это время

не проявляет интереса к делу. По прошествии достаточного количества времени ответчик заявляет ходатайство о проверке доказательств с его стороны, о проверке, которая могла быть произведена ранее, одновременно с проверкой доказательств стороны истца. Таким образом, на практике мы видим, как реализуется цель «затормозить дело, создать волокиту».

Гедда А. Н. приходит к выводу о том, что данные явления, являются обычной рутинной судебной деятельностью, а не чем-то уникальным и единичным на практике. Необходимо ответить, что данный автор указывает на типичность данного явления, в том числе и в австрийском обществе, и в германском, в которых предусмотрены штрафы за недобросовестное ведение процесса. Вместе с тем, мы помним, что Красовский А. А., наоборот, приводит категоричный пример сроков рассмотрения дела по векселям в России и иных странах, а также делает ссылки на избавление капиталов иностранцев в России после неудачного взаимодействия с судебной системы. При данных обстоятельствах имеется надежда на то, что сравнение данных сроков, имеет неутешительную тенденцию исключительно по конкретной категории дел. Гедда А. Н. указывает на возможную причину процессуальных злоупотреблений — состязательное начало гражданского процесса. Разрешение проблемы видится посредством введения ряда ограничений на действия участников процесса (штрафы, на примере австрийского законодательства), которые при этом не будут ограничивать состязательное начало.

Бугаевский А. в работе «Ложь в гражданском суде» (1909 г., март) говорит о том, что «одно из самых больших зол современного гражданского процесса — волокита также коренится в большей части в том же нарушении обязанности не лгать на суде» [7]. Бугаевский А. наравне с Гедда А. Н. аналогичным образом ссылается на штрафные санкции в борьбе с процессуальным деликтом по опыту австрийского процесса. Вместе с тем, отличную от ранее озвученных авторов приводится отсылка к немецкому процессуалисту Шмидту Р., который утверждал, что «ложь на суде не представляет собой ничего такого, против чего следовало бы особо ополчаться». Аргумент в защиту данной позиции — «это не хладнокровное и намеренное искажение фактов, а только стремление иной раз путем фантазии восполнить пробелы в деле или с результатом неправильного представления об обстоятельствах дела».

Бугаевский А., противопоставляя Шмидту Р. Гельвига, который выступает против лжи, тем не менее склоняется к тому, что подобное «зло» искоренить штрафами нельзя.

Еще одной ценной исторической работой в исследовании злоупотребления процессуальными правами является «Курс гражданского процесса», а именно параграф 81 «Злоупотребление правами» Васьковского Е. В. Данный источник носит краткий характер (порядка 10 страниц), но они в совокупности исследования темы имеют ценность [8]. Васьковский Е. В. существенное внимание уде-

ляет анализу российского законодательства по данному вопросу в сравнении с законодательством иных стран, в частности, относительно применения штрафных санкций за злоупотребление процессуальными правами. Автор во многом повторяет мнение ранее исследованных работ, но имеют место быть новые тезисы. В частности, имеет новизну мысль относительно присяги сторон, как меры, пресекающей злоупотребление процессуальным правом. Васьковский Е. В. утверждает, что данная мера давно признана нецелесообразной. Примечательным является тезис о относительно аргументирования данного довода, который гласит: «Для человека верующего чрезвычайно тягостно призывать имя Господа все ради достижения материальной выгоды, обыкновенно являющейся конечной целью процесса; неверующего принятие присяги не удержит от недобросовестных поступков и в то же время, прикрыв его личиной честности, облегчит ему обман судей». Данный тезис имеет скорее культурологическую ценность в изучении вопроса, как и занятный тезис, изложенный у Гедда А. Н. относительно крестьян: «крестьянин редко решится на ложь в чистом виде, т.е. редко станет умышленно утверждать то, чего в действительности не было. Но очень часто он предпочитает молчать, не возбуждать вопроса о тех предметах, разъяснение которых для него не выгодно, и правдиво говорить о них не суде только в тех случаях, когда его начинают об этом расспрашивать. [...] Многие объясняют эту правдивость неиспорченностью крестьян; другие приписывают ее робости их перед судом; [...] некоторые полагают, что крестьяне просто мало развиты и совершенно несведущи в законах, чтобы понять всю выгоду [...]». Вместе с тем, Гедда А. Н. приводит ряд тезисов об иных лицах: «то же самое можно сказать и о тех делах, где тяжущимися являются хотя и не крестьяне, но люди простые, может быть и образованные, но малознакомые с судом и судебным делом, несведущие в законах, особенно же женщины. Мы наблюдали, что и они испытывают некоторую робость на суде, что и на них обстановка суда производит сильное впечатление. Они, обыкновенно, также открывают на суде всю правду, ничего не утаивая и не прибегая ни к каким приемам с целью затянуть или затемнить дело».

Данное лирическое отступление сделано, во-первых, для формирования полного понимания злоупотребления процессуальными правами в контексте истории и культуры (социальный, образовательный и даже гендерный вопрос).

Во-вторых, устанавливая причинно-следственные связи между основаниями злоупотребления процессуальными правами, и мерами, пресекающими такое поведение, интересным становится вывод современных авторов относительно способов пресечения злоупотребления процессуальными правами, один из которых характеризуется необходимостью повышения уровня правовых знаний и культуры [9]. Дело в том, что во многих современных работах, данный способ является чуть ли не ключевым, который само собой разумеющийся, аксиоматический, но

как показывает и исторический контекст, и современная среда способ этот скорее сомнительный, чем предполагающий высокую степень эффективности.

Несмотря на фундаментальность трудов, принадлежащих Васьковскому Е. В., о которых говорят современные исследователи, в свое время процессуалист сталкивался с критикой, в частности, с критикой профессора гражданского права Загоровского А. И., который охарактеризовал его работу как «блуждание на пространстве 368 страниц», «конспекты по логике, грамматике, переписывание из страниц ученых книг, нередко с извращением смысла авторов» [10, с. 15].

Еще один видный деятель в данной области — Розин Н., который проводит сравнительный анализ между работами Гелльвига, Биндинга и Шмидта Р., где первый полагает, что принцип допустимости лжи, как средства борьбы между сторонами, является одной из крупнейших отрицательных сторон современного гражданского общества, Биндинг соглашается с этой позицией и полагает вместе с тем необходимость установления обязанности сторон утверждать на суду лишь правду, полагая возможным наделить суд «карательной» функцией, поскольку «государство может отдавать свои суды на служение только целям истинного выяснения права, а не целям организации и осуществления неправды». Позиция Шмидта Р. была ранее подробно проанализированного в работе Бугаевского А., на которого также ссылается автор [11].

Проводя исследование источников за период начала XX века нельзя не остановиться на советском периоде, которой имеет свою специфику и закономерности развития, которые в последующем в совокупности опыта и знаний, приведут нас к современному Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации, судебная практика вокруг которого так и оставит проблему злоупотребления процессуальными правами актуальной. Более того, даже совпадающей по способам злоупотребления процессуальными правами, которые имелись на практике больше 100 лет назад.

Пожалуй, самыми видными и цитируемыми авторами данного периода являются Гурвич М. А., Юдельсон К. С., Чечина Н. А., важно отметить, что работы строго соответствуют периоду времени их написания, царившей идеологии. Данная характеристика выражается даже в описаниях и предисловиях в книгах, чувствует строгость и отсутствие какого-либо уклона в свободные начала.

Так, например, в издании от 1962 года в книге Чечиной Н. А. «Гражданские процессуальные отношения» лаконично указано «Вопросы темы рассматриваются в свете задач строгого и неуклонного соблюдения социалистической законности» [12].

Гурвич М. А., на которого неоднократно в последующем ссылается Чечина Н. А., автор многих работ, самые знаменитые его работы «Право на иск», «Учение об иске», «Судебное решение: теоретические проблемы», посвящены гражданскому процессуальному праву [13]. В ра-

боте «Право на иск» (1949 год) Гурвич М. А. активно ссылается на работы Васьковского Е. В., указывает на то, что Васьковский Е. В., говоря о злоупотреблениях правами, говорил несколько «отвлеченно». Гурвич М. А., во-первых, сразу обозначает позицию: «Цели гражданского процесса, как известно, исторически меняются, в частности, цель правосудия в капиталистических странах и в стране социализма глубоко различна». При этом процессуалист указывает, что он дает более конкретное понимание, однако при анализе этого определения можно увидеть, что в данном случае подлежат дополнению только слова «социалистического», что не дает так называемого определенности в отличие от определения Васьковского Е. В. Данные формулировки на наш взгляд больше, как дань времени, для которого формулируется определение понятия, нежели что-то примечательно новое в определении исследуемого понятия.

Уникальным в данной работе все же является полноценное исследование злоупотребления процессуальными правами посредством предъявления иска, что ранее не исследовалось так глубоко и обширно. Более того, новизна данного труда заключается в том, что исследуется иск, то есть те действия, которые совершает именно истец, поскольку ранее мы больше говорили о злоупотреблениях со стороны ответчика, а истцы составляли более слабую сторону исходя из анализов представленных источников.

Итак, «недобросовестное» предъявление основательного иска, заключаюсь в предъявлении иска без повода для этого со стороны должника, влечет за собой как неоправданное потребностью истца напрасное возбуждение деятельности суда, так и сознательное причинение ущерба ответчику, несоизмеренного с интересом истца в судебном решении».

Гурвич М. А. ссылается на способ борьбы с сутяжничеством — Пленум Верховного суда РСФСР от 20.06.1927, в котором указано, что истец обратился в суд без надобности, судебные издержки должны быть возложены на истца, независимо от того, вынесено ли решение в пользу ответчика или истца.

Вместе с тем, автор приводит свою концепцию борьбы со злоупотреблением — необходимость введения в закон правила, не только возлагающее на недобросовестного истца судебные расходы, но и устанавливающее, в определенных границах, возмещение тех убытков, которые причинены были ответчику необоснованным поведением истца, предъявившего иск без необходимости.

Наиболее яркий, контрастный и своего рода категоричный труд по содержанию «Советский гражданский процесс» (1956 года) под авторством Юдельсона К. С. открывает новые грани злоупотребления процессуальными правами, в большей степени проводится идеологическое сравнение данного явления, что в иных работах не имеет столь значимого проявления. Относительно злоупотребления автор говорит скорее в контексте иных явлений, в большей степени в контексте блестяще организованной системы социалистического судопроизводства.

Проводя сравнительную характеристику гражданского процесса до 1864 года, Юдельсон К.С. указывает, что именно принцип устности позволил существенно снизить уровень всевозможных злоупотреблений, поскольку письменный процесс в прошлые времена был медленный, тяжелый, приводил к «канцелярской тайне и злоупотреблениям» [14].

Для своевременного распознавания злоупотребления процессуальным правом истцом или ответчиком, необходимо иметь в виду возможные формы нарушения обязанности добросовестного ведения процесса. Формы изложены в примечании 2 к статье 46 ГПК РСФСР: недобросовестное заявление неосновательного иска; недобросовестное заявление неосновательного спора против иска; систематическое противодействие скорому и правительному разрешению спора.

Примечательным в рамках исторического контекста является установление причины как таковой в злоупотреблении процессуальными правами по Юдельсону К.С.— «практика советских судебных органов убе-

ждает в том, что в нашей действительности сравнительно редко встречаются попытки злоупотребления процессуальными правами. Это естественное отражение тех сдвигов в области общественной идеологии, которые свойственны социализму» [14, с. 64]. Отдельные попытки злоупотребления процессуальным правом объясняются «очень цепкими пережитками капитализма, которые все еще гнездятся в сознании людей». Санкции за ненадлежащее поведение: штрафы, компенсация за фактическую потерю времени, возмещение судебных издержек независимо от того, в чью пользу будет разрешено дело.

В заключение стоит отметить, необходимость детального изучения источников прошлого обусловлена тем, что исторические сведения формируют базу, на которой выстроились современные формы злоупотребления процессуальными правами. Исключительно всесторонний анализ процессуальных злоупотреблений позволяет сформировать способы и методы, пресекающие ненадлежащее поведение со стороны участников процесса в современном судопроизводстве.

Литература:

1. Жуков, А. А. Правовые средства воздействия суда на процессуальное поведение сторон в гражданском судопроизводстве: специальность 12.00.15 «гражданский процесс; арбитражный процесс»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Жуков Андрей Анатольевич; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.— Москва, 2022.— 26 с.— Текст: непосредственный.
2. Красовский А. А. К реформе нашего гражданского процесса / А. А. Красовский // Вестник Гражданского права.— СПб., 1914.— № 1 (Январь).— С. 27–66; № 3 (Март).— С. 56–102.
3. Нозикова, Е. Рост нагрузки и расширение «цифры»: итоги работы судов за 2022 год / Е. Нозикова.— Текст: электронный // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт].— URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/32147/ (дата обращения: 01.05.2024).
4. Валентик, М. С. Затягивание гражданского процесса: виды неправомерного процессуального поведения и меры возможного противодействия / М. С. Валентик.— Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/zloupotreblenie_pravom_zatyagivanie_processa/ (дата обращения: 01.04.2024).
5. В 2022 году число обращений граждан РФ к прокурорам превысило 5 млн.— Текст: электронный // ТАСС: [сайт].— URL: <https://tass.ru/proisshestiya/16784767> (дата обращения: 06.06.2024).
6. Гедда, А. Н. Недобросовестность сторон в гражданском процессе / А. Н. Гедда.— Текст: электронный // Арбитражный суд Волго-Вятского округа: [сайт].— URL: <https://fasvvo.arbitr.ru/storage/sites/fasvvo/files/88/%D0%91%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B0/%D0%93%D0%B5%D0%B4%D0%B4%D0%B0,%20%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE-%D0%BD%20%D0%B2%20%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B5.pdf> (дата обращения: 09.06.2024).
7. Бугаевский, А. Ложь в гражданском суде / А. Бугаевский.— Текст: электронный // Архив открытого доступа СПГУ: [сайт].— URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/28972?mode=full> (дата обращения: 01.06.2024).
8. Васьковский, Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия / Е. В. Васьковский.— Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/vaskovskij_ev_kurs_grazhdanskogo_processa/ (дата обращения: 25.04.2024).
9. Матвеева, Е. С. Причины и условия злоупотребления правом в юридическом процессе России в свете издержек реализации состязательного начала / Е. С. Матвеева.— Текст: электронный // Актуальные проблемы Российского права: [сайт].— URL: <https://aprp.msal.ru/jour/article/view/2721> (дата обращения: 02.06.2024).
10. Томсинов, В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. Том 2. М.: «Зерцало» / В. А. Томсинов.— Текст: электронный // Сайт доктора юридических наук, профессора МГУ В. А. Том-

синова: [сайт].— URL: http://tomsinov.com/Articles/Misc/rossijskie_ppravovedy-tom_2.pdf (дата обращения: 09.05.2024).

11. Розин, Н. Н. Процесс, как юридическая наука (из лекций по судебному праву) / Н. Н. Розин.— Текст: электронный // Литрес: [сайт].— URL: https://www.litres.ru/book/nikolay-rozin/process-kak-uridicheskaya-nauka-iz-lek-ciy-po-sudebno-mu-pravu-482855/?lfrom_processed=290248264 (дата обращения: 29.05.2024).
12. Чечина, Н. А. Гражданские процессуальные отношения / Н. А. Чечина.— Ленинград: Издательство Ленинградского Университета, 1962.— 34 с.— Текст: непосредственный.
13. Гурвич, М. А. Право на иск / М. А. Гурвич.— Текст: электронный // djvu.online: [сайт].— URL: <https://djvu.online/file/M99iwVuitXIYE> (дата обращения: 02.06.2024).
14. Юдельсон, К. С. Советский гражданский процесс / К. С. Юдельсон.— 1956: ГОСЮРИЗДАТ, 1956.— 439 с.— Текст: непосредственный.

Правовая природа судебных расходов

Козик Юлия Евгеньевна, студент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Статья посвящена анализу проблем распределения, взыскания судебных расходов. В статье представлен теоретико-правовой анализ понятия «судебные издержки». Делается вывод о том, что законодательство может быть дополнено нормами относительно судебных расходов, разрешающими обжалование в частном порядке определений о привлечении соотвечтчиков и других лиц. Это может повлиять на процесс и отстаивание своих прав и интересов.

Ключевые слова: судебные расходы, судебные издержки, государственная пошлина.

«Судебные издержки представляют собой денежные суммы, подлежащие выплате сторонами гражданского или арбитражного судопроизводства в целях обеспечения надлежащего рассмотрения и разрешения дела. Их состав и порядок определения установлены в процессуальном законодательстве — статье 94 Гражданского процессуального кодекса РФ [2] и статье 106 Арбитражного процессуального кодекса РФ» [1].

Согласно пункту 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», (далее — ППВС РФ № 1), судебные расходы, состоящие из государственной пошлины, а также издержек, связанных с рассмотрением дела, представляют собой денежные затраты (потери), распределяемые в порядке, предусмотренном главой 7 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Также в ППВС РФ № 1 указывается, что судом могут быть признаны судебными издержками те, которые были связаны с собиранием доказательств до предъявления искового заявления, «если несение таких расходов было необходимо для реализации права на обращение в суд и собранные до предъявления иска доказательства соответствуют требованиям относимости, допустимости».

Анализ литературы позволяет выделить особенности, присущие судебным расходам. Прежде всего, одной из особенностей является юридическая природа. Согласно данному положению, процессуальным законодательством установлены императивные нормы, регламентирующие порядок распределения судебных издержек, кроме того

предопределяется форма издержек, а также форма возмещения ущерба [4].

Тем самым, законодатель предусмотрел право пострадавшей стороны требовать от примирителя ущерба полного или частичного возмещения убытков, возникших в связи с рассмотрением дела.

Правоотношения, возникающие в связи с оплатой, распределением, возмещением судебных расходов четко регламентируются процессуальным законодательством.

Издержки, связанные с рассмотрением дела представляют денежные суммы, взыскиваемые для оплаты вознаграждения лицам, вовлеченным в каждый конкретный процесс (свидетели, эксперты), а также для возмещения затрат, понесенных на отдельные процессуальные действия. Полный перечень издержек изложен в статье 106 АПК, согласно ей «К судебным издержкам, связанным с рассмотрением дела в арбитражном суде, относятся денежные суммы, подлежащие выплате экспертам, специалистам, свидетелям, переводчикам, расходы, связанные с проведением осмотра доказательств на месте, расходы на оплату услуг адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь (представителей), расходы юридического лица на уведомление о корпоративном споре в случае, если федеральным законом предусмотрена обязанность такого уведомления, и другие расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде» [6]. Стоимость издержек не зависит от самого спора или стоимости иска, в каждом конкретном случае расходы регулируются отдельно и зависят от фактически понесенных затрат.

Разрешая вопрос о возмещении расходов на оплату услуг представителя, суды исходят из того, что размер возмещения стороне расходов должен быть соотносим с объемом и важностью защищаемого права. При этом участвующее в деле лицо не лишено права привлечь к участию в деле нескольких представителей. В судебной практике сформулирована позиция, согласно которой само по себе участие нескольких представителей стороны в судебном разбирательстве не свидетельствует о чрезмерности понесенных в связи с этим судебных издержек. Если заявителем будет доказана обоснованность несения таких расходов, а также то, что каждый из представителей присутствовал и отстаивал его интересы в судебных заседаниях, изучал представленные доказательства, формировал правовую позицию по делу и оказывал разные услуги заявителю, судом могут быть взысканы расходы на оказание юридической помощи несколькими представителями (например, Апелляционное определение Московского городского суда от 14.11.2022 по делу N33-43930/2022). Однако, суд может установить, что представителем заявителя в рамках дела не предпринимались какие-либо особые меры юридического свойства, непосредственно связанные с судебным процессом по делу, выходящие за пределы обычной деятельности и действий представителя по данной категории споров, и рассматриваемое дело не требовало от представителя дополнительных временных, трудовых и финансовых затрат, связанных с исполнением функций представителя лица, участвующего в деле (например, Апелляционное определение Московского городского суда от 14.08.2020 N33-29625/2020).

К общим, типичным видам судебных издержек, характерным как для гражданского, так и для арбитражного процесса, относятся расходы, связанные с привлечением к участию в деле специалистов, экспертов, переводчиков и свидетелей. Данные расходы возмещаются исходя из реально понесенных лицами затрат на проезд к месту рассмотрения дела, проживание, выплату суточных, непосредственно обусловленных их участием в судебном разбирательстве.

В АПК РФ предусмотрены особенности в отношении возмещения расходов на оплату труда экспертов и привлеченных специалистов. Так, работа эксперта, являющегося сотрудником государственного судебно-экспертного учреждения, если она входит в круг его служебных обязанностей, не учитывается при определении суммы, взыскиваемой в возмещение судебных издержек (ч. 2 ст. 111 АПК РФ).

Привлеченный арбитражным судом специалист не может быть работником аппарата этого же арбитражного суда (ч. 3 ст. 55.1 АПК РФ). Его вознаграждение не будет входить в состав возмещаемых судебных расходов.

Таким образом, АПК РФ ограничивает возможность возмещения расходов на лиц, которые уже получают оплату от государства за свою деятельность в суде — это отличает арбитражный процесс от гражданского.

Существуют некоторые особенности возмещения издержек по вызову свидетелей в суд: неработающему сви-

детелю компенсируется потраченное на явку в суд время исходя из МРОТ; в гражданском процессе работающему свидетелю компенсируются расходы на проезд и наём жилого помещения, а также выплачиваются суточные; в арбитражном процессе работающему свидетелю сохраняется средний заработок за всё время отсутствия на работе.

Изложенные особенности позволяют сделать вывод, что в арбитражном процессе предусмотрен более выгодный порядок компенсации издержек работающим свидетелям по сравнению с гражданским процессом.

Для сравнения, порядок возмещения издержек по вызову свидетелей в гражданском процессе происходит следующим образом.

В гражданском процессе работающим гражданам, вызываемым в суд в качестве свидетелей, выплачивается денежная компенсация на основании их среднего заработка по месту работы и фактически затраченного ими времени на исполнение процессуальных обязанностей в качестве свидетеля. Денежные средства для возмещения данных расходов вносятся на специальный депозитный счет суда стороной, по заявлению и инициативе которой был вызван свидетель на судебное заседание. Из денежных средств, внесенных сторонами процесса, суд производит непосредственную выплату денежной компенсации свидетелям, а также иным лицам, содействующим осуществлению правосудия (экспертам, специалистам, переводчикам).

Однако, если привлечение специалистов, экспертов и переводчиков для участия в судебном разбирательстве гражданского дела было осуществлено непосредственно по инициативе суда, то оплата их услуг и возмещение понесенных расходов производится за счет средств федерального бюджета, за исключением расходов на переводчиков в арбитражном процессе для иностранных граждан и лиц без гражданства.

Необходимо подчеркнуть, что перечень судебных издержек, установленный в процессуальном законодательстве, носит открытый характер. Это означает, что суд вправе признать судебными издержками любые обоснованные расходы выигравшей стороны, которые возникли в связи с рассмотрением дела. Такой подход является справедливым, поскольку позволяет возместить реальные издержки, понесенные стороной из-за неправомерных действий проигравшей стороны.

Расширительное толкование перечня судебных издержек также повышает эффективность судебной защиты, стимулируя проигравшую сторону действовать добросовестно.

К судебным расходам, подлежащим возмещению, относятся любые обоснованные, необходимые и документально подтвержденные денежные затраты, которые были произведены с целью обеспечения эффективной судебной защиты нарушенного права в рамках гражданского судопроизводства.

Такое право суда законодатель установил, основываясь на межотраслевых процессуальных принципах диспозитивности, эффективности, целесообразности и про-

цессуальной экономии времени. Несомненно, дело будет рассмотрено быстрее и правильнее, если суд привлечёт в процесс нужных участников материальных правоотношений [6].

Это нередко связано с запутанностью материальных правоотношений, из-за чего до вынесения решения по существу суду также не вполне понятен итоговый состав участников процесса. Возможность суда проявлять инициативу — это довольно важное и правильное диспозитивное право суда, ведь в отличие от замены ответчика, которая требует согласия истца, привлечение соответчиков осуществляется судом без необходимости получать на то согласие, даже если имеются возражения.

Таким образом, законодательство может быть дополнено нормами относительно судебных расходов, разрешающими обжалование в частном порядке определений о привлечении соответчиков и других лиц. Это может повлиять на процесс и отстаивание своих прав и интересов.

Перечень судебных издержек, предусмотренный указанными кодексами, не является исчерпывающим. Так, расходы, понесенные истцом, административным истцом, заявителем в связи с собиранием доказательств до предъявления искового заявления, административного искового заявления, заявления в суд, могут быть признаны судебными издержками, если несение таких расходов было необходимо для реализации права на обращение в суд и собранные до предъявления иска доказательства соответствуют требованиям относимости, допустимости. Например, истцу могут быть возмещены расходы, связанные с легализацией иностранных официальных документов, обеспечением нотариусом до возбуждения дела в суде су-

дебных доказательств (в частности, доказательств, подтверждающих размещение определенной информации в сети Интернет), расходы на проведение досудебного исследования состояния имущества, на основании которого впоследствии определена цена предъявленного в суд иска, его подсудность.

Размеры ставок госпошлины определяются в зависимости от вида заявления или жалобы, подаваемых в суд. Так, госпошлина взимается в фиксированном размере или в процентном соотношении к цене иска.

Проанализировав обстоятельства дела и имущественное положение стороны, обязанной возместить траты, суд может освободить сторону от уплаты или уменьшить размер денежных сумм, которые подлежат выплате лицам, вовлеченным в процесс. К таким лицам относятся свидетели, эксперты или специалисты.

Проанализировав научную литературу, законодательство РФ, судебную практику, можно сделать вывод о том, что остаточное активное формирование правового воздействия норм о судебных расходах и создание конкретной практики их применения является необходимой основой для увеличения уровня эффективности деятельности арбитражных судов.

Данный правовой институт имеет большое значение, все чаще применяются, его исследование и является актуальным и необходимым для правильного понимания функционирования судебной системы. Судебные расходы обладают компенсационной и превентивной функциями. Компенсационная значит, что расходы нужны для того, чтобы покрыть часть трат государства на отправление правосудия.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета.— 20.11.2002.— № 220
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета.— 27.07.2002. № 137.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N21-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Российская газета.— 11.03.2015. № 49.
4. Алешина Т. В. Актуальные вопросы взыскания судебных издержек // Научные исследования XXI века. 2022. № 6 (20). С. 219–221.
5. Бескровный Е. В. Проблемы и особенности взыскания судебных расходов, связанных с рассмотрением дел в арбитражном суде // Молодой ученый.— 2020.— № 1.— С. 25–27.
6. Костина Ю. А. К вопросу о возмещении некоторых видов судебных издержек по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 17–20.
7. Кузьмина К. А., Трубина Д. В. Судебные издержки в гражданском процессе // Новости науки. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. С. 57–59.
8. Назаров М. Б. Отдельные вопросы судебных издержек в гражданском процессе // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 8 (72). С. 124–128.

Способы назначения наказания по совокупности преступлений

Комилов Турсунпулат Баходиржон угли, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящей статье автор анализирует способы назначения наказания по совокупности преступлений, характеризуя способ поглощения менее строгого наказания более строгим, а также частичное или полное сложение наказаний. Отмечается, что конечное наказание не должно превышать половину максимального срока наказания за наиболее тяжкое преступление. Дополнительное наказание имеет особые ограничения и не может превышать максимальный размер, предусмотренный УК РФ. При назначении наказания несовершеннолетним лицам также существуют ограничения по сроку лишения свободы.

Ключевые слова: наказание, назначения наказания, совокупность преступлений, размер наказания, поглощение, сложение.

При рассмотрении данного вопроса следует определить некоторые правила назначения уголовного наказания за совершение совокупности преступлений. Так, суд назначает наказание за каждое совершенное преступление по части 1 статьи 69 УК РФ и конечное общее наказание, учитывая следующие обстоятельства.

Во-первых, суд применяет способ поглощения менее строгого наказания более строгим, либо применяет частичное или полное сложение наказаний в следующих случаях:

- если виновным лицом было совершено преступление небольшой или средней тяжести и дополнительно преступление небольшой или средней тяжести;
- если виновным лицом было совершено приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению или покушение на совершение тяжкого или особо тяжкого преступления и приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению или покушение на тяжкое или особо тяжкое преступление.

В данном случае часть 2 статьи 69 УК РФ указывает, что конечное наказание не должно превышать половину максимального срока или размера наказания, которое предусмотрено санкцией Особенной части УК РФ по наиболее тяжкому совершенному преступлению [1].

По иным категориям тяжести преступлений УК РФ допускает возможность частичного или полного сложения наказаний. В данном случае, если было применено окончательное наказание в виде лишения свободы, оно не может превышать половину максимального срока наказания в виде лишения свободы за наиболее тяжкое совершенное преступление согласно части 3 статьи 69 УК РФ. Стоит отметить, что окончательное наказание в виде лишения свободы, учитывая часть 4 статьи 56 УК РФ, не может превышать 25 лет (или 30 лет в зависимости от особых оснований по части 5 статьи 56 УК РФ).

В случаях, если суд складывает дополнительные наказания частично или полно, окончательное дополнительное наказание должно быть больше назначенного наказания за одно совершенное преступление, причем в данном случае не имеет значения факт назначения дополнительного уголовного наказания одного и того же

вида и срока за каждое преступление. Также отметим, что дополнительное наказание не может превышать максимальный срок наказания, предусмотренного конкретной нормой УК РФ, на что указывает часть 4 статьи 69 УК РФ.

Назначая наказание, суд обязан определить в приговоре вид и размер основного и дополнительного наказания за каждое преступление и сделать указание на окончательную меру наказания по совокупности преступлений. Необходимо понимать, что назначенное дополнительное наказание не может определяться совокупностью преступлений в случае, если оно не было назначено ни за одно из общественно опасных деяний, составляющих совокупность преступлений.

Следует также определить, что при назначении наказания лицу, совершившему преступления в несовершеннолетнем возрасте, по совокупности приговоров или по совокупности приговоров окончательное наказание не может превышать пределов, установленных статьей 88 УК РФ для каждого вида наказания. Срок лишения свободы для несовершеннолетних правонарушителей в возрасте до шестнадцати лет не может превышать шести лет лишения свободы. Одна и та же категория осужденных, совершивших особо тяжкие преступления, и другие несовершеннолетние не могут быть приговорены к лишению свободы на срок более десяти лет по совокупности преступлений или по совокупности приговоров [2, с. 582–583].

При проверке судебного решения суда первой инстанции, суд апелляционной и кассационной инстанции обладает правом переквалификации действий виновного лица с одной статьи Особенной части УК РФ на другие статьи или части, предусматривающие уголовную ответственность за совершение менее тяжких преступлений. Условием данного права выступает сохранение или улучшение положения осужденного без нарушения его права на судебную защиту. Следует учесть, что это назначенное по совокупности преступлений уголовное наказание не может быть более строгим, чем максимальное наказание, предусмотренное той статьей Особенной части УК РФ, по которой суд квалифицировал преступные действия виновного лица.

Примером улучшения положения осужденного в рамках пересмотра обвинительного приговора суда

первой инстанции при рассмотрении дела о совокупности преступлений выступает апелляционное постановление Ярославского областного суда от 11 октября 2022 года по делу № 1–156/2022. Так, М. П. Мурашов, признанный виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьёй 158.1 УК РФ, понес наказание в виде 10 месяцев лишения свободы условно с назначением испытательного срока. Суд апелляционной инстанции определил, что путем частичного сложения назначенных наказаний, окончательное наказание составило 7 месяцев лишения свободы условно с назначением испытательного срока [3]. В качестве аналогичных судебных решений можно выделить:

1) апелляционное постановление Ярославского областного суда от 23 ноября 2022 года по делу № 1–380/2022, в котором виновному было назначено отбывание наказания в исправительной колонии общего, а не строгого режима [4];

2) апелляционное постановление Ярославского областного суда от 3 октября 2022 года по делу № 1–92/2022, в котором суд снизил наказание, назначенное виновному лицу к отбытию на основании части 5 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений, путем частичного сложения с наказанием по первичному приговору с 1 года 8 месяцев лишения свободы до 1 года 5 месяцев [5].

Уголовное наказание по совокупности преступлений назначается исключительно по вступившему в законную силу приговору суда и подлежит применению только к лицу, признанному виновным в совершении общественно опасного деяния. Из этого следует, что ограничение прав осужденного должно иметь соответствующее правовое обоснование, то есть, быть основанным на требованиях УК РФ. В противном случае решение суда может быть отменено вышестоящей инстанцией по части 3 статьи 389.15 УПК РФ как неправильное применение уголовного закона.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25 — ст. 2954.
2. Казакова, А. А. Назначение наказания по совокупности преступлений / А. А. Казакова. — Текст: непосредственный // Аллея науки. — 2022. — Т. 1, № 5(68). — С. 581–585.
3. Апелляционное постановление № 22–2205/2022 от 11 октября 2022 г. по делу № 1–156/2022. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/u7V3e6nRKPZS/> (дата обращения: 03.05.2024).
4. Апелляционное постановление № 22–2445/2022 от 23 ноября 2022 г. по делу № 1–380/2022. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/knfo8ePrJsg8/> (дата обращения: 03.05.2024).
5. Апелляционное постановление № 22–2140/2022 от 3 октября 2022 г. по делу № 1–92/2022. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wdfKx6oBQHQx/> (дата обращения: 03.05.2024).

Санкции статей Особенной части УК РФ являются одними из основных средств ведения борьбы с преступлениями уголовно-правовыми средствами. Так, статья 60 УК РФ гласит, что в отношении виновного в совершении преступления лица назначается справедливое наказание в рамках соответствующей статьи УК РФ. Это следует считать общим началом назначения наказания, основанным на существующем порядке закрепления законодательных границ наказуемости за совершение преступления.

Соответственно, тяжесть уголовного наказания должна быть соразмерной категории тяжести совершенного преступления или нескольких преступлений с учетом их совокупности. Наказание подлежит индивидуализации через определенные законодателем основания для его дифференциации.

Определенные в санкциях статьёй Особенной части УК РФ минимальные и максимальные границы наказания являются своеобразной гарантией обеспечения общеправового принципа законности. При этом отметим, что задача санкции и в конечном итоге уголовного наказания будет выполнена только в случае ее соответствия общественной опасности деяния или нескольких деяний в случае совершения виновным лицом совокупности преступлений.

Таким образом, представляется возможным определить, что при рассмотрении вопроса о назначении уголовного наказания за совершение совокупности преступлений суд применяет определенные правила. В зависимости от тяжести преступлений, суд может применить поглощение менее строгого наказания более строгим или сложение наказаний. Конечное наказание не должно превышать половину максимального срока наказания за наиболее тяжкое преступление. Дополнительное наказание также имеет ограничения и не может превышать максимальный срок, предусмотренный законом. При назначении наказания несовершеннолетним лицам также существуют ограничения по сроку лишения свободы.

Объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении

Комилов Турсунпулат Баходиржон угли, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящей статье автором анализируются объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении. Указывается, что объективный критерий включает наличие функциональных связей между действиями соучастников, единый для них преступный результат и причинно-следственную связь между действиями каждого из них и преступным результатом. В качестве субъективного признака соучастия в преступлении выделяется умышленность, которая требует наличия двусторонней субъективной связи между исполнителем (или соисполнителями) и остальными соучастниками.

Ключевые слова: соучастие, признаки, объективные, субъективные, преступление, деяние.

Статья 32 УК РФ определяет соучастие в преступлении как умышленное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Повышенная общественная опасность преступлений, совершенных в соучастии, признается не только исследователями в области уголовного права, но и законодателем, который конкретизировал данный признак в качестве квалифицирующего в подавляющем большинстве статей Особенной части УК РФ и предусмотрел соответствующее отягчающее обстоятельство по признаку пункта «в» части 1 статьи 63 УК РФ.

В число объективных признаков соучастия в преступлении необходимо определить совместность деяния, функциональную связь между соучастниками, причинно-следственный характер соучастия в преступлении.

1. Изначальный элемент совместности деяния как объективного признака соучастия — наличие единого для всех соучастников преступного результата — означает, что каждое совместное действие направлено на достижение преступного воздействия на один и тот же объект, который охраняется действующим уголовным законодательством России. Такой результат достигается путем совершения действий каждым из соучастников, рассматриваемых не по отдельности, а вместе.

Согласно данному подходу, общность преступного результата и совместность деяния указывают на принадлежность к одному и тому же событию. Соучастники, совершая одно и то же преступление, не могут посягать на разные объекты уголовно-правовой охраны, поскольку это будет рассматриваться как совершение разных преступлений, что исключает возможность квалификации их действий как соучастия.

Элемент совместности деяний однозначным образом трактуется в судебной практике. Анапский городской суд Краснодарского края определил, что объективными признаками соучастия выступают участие в преступлении двух или более лиц при обязательном условии совместности их деятельности [1]. Аналогичная правовая позиция содержится в обвинительных приговорах Моздокского районного суда Республики Северная Осетия-Алания от 7 июня 2016 года [2] и Валуйского районного суда Белгородской области от 29 июля 2011 года [3].

2. Функциональная связь между соучастниками. Под ним понимается способ, при помощи которого соучастники взаимодействуют друг с другом при совершении преступления. То есть каждый из них выполняет определенную задачу, которая является необходимой и достаточной для выполнения задач других соучастников.

Следует выделять две составляющие объективного признака соучастия: индивидуальные действия соучастников (или специфическая деятельность группы лиц, определяемая поведенческими особенностями каждого из них), а также объединение функций, выполняемых соучастниками, в единое целое.

Функциональная связь соучастников также делится на несколько уровней: создание условий для совершения преступления (действия, выполняемые до начала исполнения преступления); и само исполнение преступления, которое может включать участие организатора, пособника или исполнителя. Длина функциональной связи может варьироваться (например, подстрекатель-исполнитель или организатор-пособник-исполнитель), и чем длиннее связь, тем опаснее преступное объединение.

3. Анализируя элемент соучастия, связанный с наличием связи между действиями соучастников и преступным результатом, следует учесть, что такая связь имеет причинно-следственный характер. Однако существует и другое мнение, согласно которому эта связь носит исключительно объективный характер и проявляется в двух формах: обуславливающе-опосредованная связь с преступным результатом (здесь действия соучастников (подстрекателя, пособника, организатора) являются условием достижения результатов, а не их причиной) и причинно-следственная связь между действиями исполнителя (соисполнителей) и преступным результатом [4, с. 293]. Уместно упомянуть, что А. В. Плужников рассматривает в качестве исполнителей преступления являются всех соучастников вне зависимости от исполняемой ими функциональной роли [5, с. 15].

Некоторые ученые считают, что минимальное количество лиц, необходимых для образования соучастия, может быть различным в зависимости от форм соучастия, определенных в статье 35 УК РФ. Например, преступная организация может быть образована только при участии

не менее четырех лиц, чтобы иметь структурированность, предполагающую наличие хотя бы двух структурных подразделений.

В свою очередь, в число субъективных признаков соучастия в преступлении необходимо включать наличие совместного умысла на совершение преступления и субъективной связи между соучастниками преступления.

Согласно статье 32 УК РФ, одним из необходимых субъективных признаков соучастия в преступлении является совместный умысел в совершении умышленного преступления [6]. Это означает, что соучастники имеют определенную степень психической связи, которая проявляется в специфической форме вины, связанной с их совместными действиями.

1. Умысел соучастника включает в себя понимание общественной опасности не только своих собственных действий, но и действий других соучастников, а также предвидение преступного результата и желание его достижения. Однако наша точка зрения состоит в том, что умыслом каждого соучастника также должно включаться предвидение причинно-следственной связи между их совместными действиями и наступившими преступными последствиями, то есть преступным результатом. Таким образом, соучастие в преступлении всегда подразумевает наличие совместного умысла между соучастниками (т.е. субъективной связи).

2. Субъективная связь проявляется в различных аспектах вины совместно действующих лиц. Интеллектуальный элемент умысла, выражающийся в взаимной осведомленности, подразумевает осознание субъектом общественно опасного характера действий соучастников, предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий, наступление общественно опасного результата и причинной связи между действиями соучастников и общественно опасным результатом. О необходимости признания умысла в качестве субъективного признака соучастия говорится и в обвини-

тельном приговоре Ванинского районного суда Хабаровского края от 8 июля 2013 года [7] и апелляционных постановлений Калужского областного суда Калужской области от 9 сентября 2020 года [8] и Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 14 января 2020 года [9].

Тем не менее, наличие только одного субъективного признака недостаточно для того, чтобы считать лиц действующих совместно, соучастниками. Необходимо также наличие волевого и интеллектуального критериев умысла, что отражается в желании причинить преступный результат именно путем совместных усилий, поскольку это требует заключения предварительного соглашения между соучастниками, независимо от его формы, на любой стадии преступной деятельности до момента ее завершения. Данный подход соответствует концепции двухсторонней субъективной связи, применяемой между подстрекателем, пособником и организатором с одной стороны, и исполнителем (соисполнителями) с другой стороны, а также между соисполнителями, и необязательно между другими лицами [4, с. 299].

Как указывает В. П. Карлов, законодатель вполне определенно указал на недостаточность для соучастия совместных действий, ибо наряду с этим требуется, чтобы совместность с субъективной стороны была умышленной, то есть охватывалась сознанием и волей исполнителя и других соучастников. Другими словами, внутренняя субъективная связь между действиями участников объединенной преступной деятельности является обязательным элементом соучастия. Однако такая связь обладает определенными особенностями применительно к различным формам соучастия. При соучастии с юридическим разделением ролей субъективная связь может быть односторонней. Взаимная осведомленность, то есть двусторонняя субъективная связь между соучастниками, является обязательным элементом совместности при групповом соучастии [10].

Литература:

1. Постановление № 1–186/2017 от 29 декабря 2017 г. по делу № 1–186/2017.— Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт].— Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/tJgqCJ6YzTNO/> (дата обращения: 04.05.2024).
2. Приговор № 1–68/2016 от 7 июня 2016 г. по делу № 1–68/2016.— Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт].— Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/a1IKOKPA8GUH/> (дата обращения: 04.05.2024).
3. Приговор от 29 июля 2011 г.— Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт].— Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/WVu6m8kp5VHw/> (дата обращения: 04.05.2024).
4. Гимранов, А. Р. Объективные признаки соучастия в преступлении / А. Р. Гимранов, Е. И. Паромова, Ю. О. Далишев.— Текст: непосредственный. // Инновации. Наука. Образование.— 2020.— № 14.— С. 290–297.
5. Плужников, А. В. Соучастие в преступлении. Проблема соучастия общего и специального субъекта: автореф. дисс. <...> канд. юрид. наук / А. В. Плужников.— Текст: непосредственный.— М., 2008.— 22 с.
6. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ.— 17.06.1996.— № 25 — ст. 2954.
7. Приговор № 1–128/2013 от 8 июля 2013 г. // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт].— Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/05LjXeXmMhLX/> (дата обращения: 04.05.2024).
8. Апелляционное постановление № 22–1057/2020 УК–22–1057/2020 от 9 сентября 2020 г. по делу № 1–475/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт].— Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/jFCfRliMwN6P/> (дата обращения: 04.05.2024).

9. Апелляционное постановление № 22К-1146/2019-22К-18/2020 от 14 января 2020 г. по делу № 3/10–13/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт].— Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/56z6dGmfytQK/> (дата обращения: 04.05.2024).
10. Карлов, В. П. Формы соучастия: автореф. дисс... канд. юрид. наук / В. П. Карлов.— Текст: непосредственный.— Самара, 2004.— 27 с.

Оперативно-розыскная характеристика расследования грабежей и разбойных нападений

Комилов Турсунпулат Баходиржон угли, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящей статье автор приводит понятие оперативно-розыскной характеристики, определяет ее элементы применительно к анализу грабежей и разбойных нападений. Последовательно характеризуется каждый элемент оперативно-розыскной характеристики грабежей и разбоев с примерами из правоприменительной практики.

Ключевые слова: оперативно-розыскная характеристика, грабеж, разбой, нападение, хищение.

Под оперативно-розыскной характеристикой преступления необходимо понимать обоснованную научными изысканиями представителей криминалистической науки целостную систему взаимосвязанных элементов, содержащих сведения о наиболее значимых с точки зрения осуществления оперативно-розыскной деятельности признаках совершенного преступления [1, с. 65].

Оперативно-розыскная характеристика всегда существует в виде совокупности сведений, информации, касающейся совершенного преступления и позволяющей заинтересованным сотрудникам оперативных подразделений выявить необходимую информацию, которая впоследствии сыграет важную роль в процессе расследования и раскрытия преступления [2, с. 89]. Оперативно-розыскная характеристика не только позволяет в целом обеспечить выполнение задач оперативно-розыскной деятельности, определенной в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [3, с. 110], но и решить некоторые узконаправленные задачи, которые являются элементами направления деятельности сотрудников оперативно-розыскных органов — планирование мероприятий, следственных действий, предупреждение совершения новых преступлений [4, с. 4].

Оперативно-розыскная характеристика грабежей и разбойных нападений включает следующие элементы — способ совершения преступления, место, время и обстановка совершения преступления, серийность совершения преступления (опциональный признак, выделяемый применительно к специфике совершения грабежей и разбойных нападений), предмет преступления, характеристика личности преступника, характеристика личности потерпевшего и свидетелей-очевидцев преступления, орудие преступления, способ сокрытия совершенного преступления, следы совершения преступления, способы и места сбыта похищенного имущества (факультативный

элемент, касающийся в основном корыстных преступлений).

Предлагается подробнее рассмотреть каждый из отмеченных выше элементов оперативно-розыскной характеристики грабежей и разбойных нападений.

1. Способ совершения преступления

В оперативно-розыскной деятельности одним из ключевых аспектов является анализ способа совершения преступления. Во многом это объясняется тем, что данный элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений имеет важное практическое значение, поскольку он позволяет установить не только объективную сторону преступления, выражающуюся в совершении активных действий, направленных на хищение чужого имущества, но и позволяет охарактеризовать субъективные признаки преступного деяния — мотивацию виновного лица.

Характеристика способа совершения преступления позволяет установить особенности объективной стороны и определить дальнейший ход расследования. Так, в ходе анализа способа совершения грабежа и разбойного нападения возможно установить число соучастников преступления, использование ими орудия совершения преступления (огнестрельное или травматическое оружие, его макеты, муляжи, ножи, а также иные предметы, используемые в качестве оружия), согласованность действий соучастников преступления, выражающуюся в наличии предварительного преступного сговора, особенности применения физического или психического насилия в отношении потерпевшего, а также индивидуальные особенности личности преступников, которые проявились в момент совершения преступления — особенности поведения, психики и др.

2. Место, время и обстановка совершения преступления.

Практика показывает, что наибольшее число совершения грабежей и разбоев (равно как и иных корыстных преступлений) приходится на переулки, парки, объекты транспорта, прилегающие территории к многоквартирным домам. Грабежи и разбойные нападения совершаются, как правило, после 18 часов вплоть до 6 утра. Это можно объяснить тем, что виновный выбирает темное время суток с целью минимизации риска его дальнейшей идентификации сначала потерпевшим, а затем органами внутренних дел.

3. Серийность совершения преступления.

Серийность — это факультативный признак оперативно-розыскной характеристики преступления. Он проявляется лишь при анализе некоторых категорий преступлений — в основном тех, которые направлены на посягательства в отношении собственности других лиц. Например, в одном из примеров, характерных для правоприменительной практики по данным делам, виновный совершил 13 эпизодов краж и 5 эпизодов грабежа [5]. Практике известен случай, когда подсудимый был признан виновным в совершении 21 эпизода кражи [6].

Серийность совершения преступления предполагает выполнение объективной стороны диспозиции статьей 161 и 162 УК РФ либо одним и тем же преступником, либо соучастниками в составе одной группы, образованной в результате достижения предварительной договоренности. Серийность может предполагать использование одинаковых средств и орудий преступления, характерных особенностей способа совершения преступления, одинаковых следов и др.

4. Предмет преступления.

Как указывает Л. В. Чернышева, «предметом грабежа, как и любого другого хищения, является чужое имущество, под которым понимаются отдельные вещи или их совокупность» [7, с. 71]. Предметом грабежа и разбоя выступают предметы материального мира, которые обладают объективной природой, экономически обусловлены, а также представляют определенную материальную ценность для их обладателя [8, с. 137].

5. Характеристика личности преступника.

Преступники, совершающие грабежи и разбои, склонны к ведению антисоциального образа жизни — они могут неоднократно привлекаться к административной ответственности, отрицательно характеризоваться по месту жительства, злоупотреблять алкоголем и наркотиками, которые могут также выступать катализаторами их преступного поведения.

6. Характеристика личности потерпевшего и свидетелей-очевидцев преступления.

Выбор преступником предполагаемой жертвы обосновывается им, исходя из виктимологической составляющей поведения потерпевшего. Поскольку предметом совершения анализируемых преступлений выступает имущество, то поведение потерпевшего может играть определенную роль в процессе принятия преступником решения о совершении грабежа или разбоя. В число примеров такого поведения можно отнести, например, демонстрацию своего достатка, выражающуюся в ношении ювелирных украшений, крупных денежных сумм, а также нахождение в типичных местах совершения грабежей и разбойных нападений в темное время суток.

Типичными свидетелями-очевидцами грабежей и разбоев выступают лица, которые могли участвовать в совершении преступления, поставлять, продавать или передавать преступнику орудия преступления, а также лица, иным образом фактически способствовавшие достижению виновным лицом своего преступного умысла — например, водители общественного транспорта.

7. Орудие преступления.

Если грабеж может быть совершен и без применения оружия или предметов, используемых в качестве него, то разбой — это преступление, которое характеризуется повышенной общественной опасностью. В ходе совершения разбоя лицо либо применяет такое насилие, которое можно охарактеризовать как опасное для жизни и здоровья, либо угрожает им. Как правило, преступники используют не огнестрельные оружия, а их макеты, поскольку их сравнительно проще раздобыть. В процессе совершения грабежа и разбоя также может использоваться нож для демонстрации серьезности намерений преступника завладеть чужим имуществом.

8. Способ сокрытия совершенного преступления.

Как показывает правоприменительная практика, наиболее типичными примерами сокрытия совершенных преступлений выступают использование масок [9], уничтожение камер наблюдения, сообщение потерпевшему ложной информации, использование прозвищ, ненастоящих имен. Кроме того, в число способов сокрытия грабежей и разбойных нападений следует относить длительное удержание в собственности виновного лица похищенных материальных ценностей до их сбыта. К тому же, сбыть похищенное имущество преступник может за пределами города, в котором совершено преступление.

9. Следы совершения преступления.

Типичные следы, образующиеся при совершении грабежей и разбойных нападений, возникают вследствие

активной деятельности преступника по достижению предполагаемых им целей: это следы борьбы преступника с пострадавшим, выражающиеся в наличии следов на грунте, примятой траве, предметах мебели, стекле. Микрочастицы, свидетельствующие о факте совершенного преступления, могут быть обнаружены на одежде преступника и потерпевшего, на земле, обивке мебели, сидениях в салоне автомобиля. Возможна ситуация, при которой преступник, контактируя с предметами окружающего мира, оставляет на них следы, обладающие запаховой информацией — например, на одежде потерпевшего, креслах, дверных ручках, окнах и дверных проемах.

На месте совершения преступления или на удалении от него могут быть обнаружены орудия совершения преступления, либо предметы, используемые в качестве оружия, при совершении разбойных нападений. В число следов следует относить и отпечатки пальцев преступника на теле и одежде потерпевшего, предметах окружающей обстановки, а также следы обуви, позволяющие составить первоначальный криминалистический портрет виновного.

10. Способы и места сбыта похищенного имущества.

После непосредственного выполнения объективной стороны преступления, когда виновный совершил грабеж или разбойное нападение, его последующие действия, как правило, направлены на максимизацию выгоды от похищенного имущества. Это можно объяснить тем, что данные виды преступлений традиционно рассматриваются как корыстные. Зачастую похищенные предметы сдаются в ломбарды, барахолки, пункты приема или продаются на блошиных рынках или через специализированные интернет-площадки.

Таким образом, в число элементов оперативно-розыскной характеристики грабежей и разбойных нападений следует включать способ совершения преступления, место, время и обстановку совершения преступления, серийность, предмет преступления, характеристику личности преступника, потерпевшего и свидетелей-очевидцев преступления, орудие преступления, способ сокрытия совершенного преступления, следы совершения преступления, способы и места сбыта похищенного имущества.

Литература:

1. Ховавко С.М. Оперативно-розыскная характеристика грабежей и разбоев, совершаемых в курортных регионах / С.М. Ховавко.— Текст: непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России.— 2018.— № 4(42).— С. 65.
2. Кондратьев М.В. Оперативно-розыскная характеристика преступлений: к описанию понятия / М.В. Кондратьев.— Текст: непосредственный // Грамота.— 2012.— № 5(19).— С. 89.
3. Насыров Р.Р. Оперативно-розыскная характеристика преступления: проблема содержания / Р.Р. Насыров.— Текст: непосредственный // Вестник Владимирского юридического института.— 2012.— № 3.— С. 110.
4. Новиков Е. Ф. Оперативно-розыскная характеристика хищений с объектов транспорта: понятие, сущность, значение / Е. Ф. Новиков.— Текст: непосредственный // Известия Иркутской государственной экономической академии.— 2011.— № 2.— С. 4.
5. Приговор Ленинского районного суда г. Курска № 1-377/2023 от 26 сентября 2023 года по делу № 1-377/2023.— Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт].— Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/RAzF7LnzeWUK/> (дата обращения: 12.05.2024).
6. Приговор Забайкальского краевого суда № 2-12/2021 от 24 июня 2021 года по делу № 2-12/2021.— Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт].— Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/VBCUdaItSHWl/> (дата обращения: 12.05.2024).
7. Чернышева Л. В. Уголовно-правовая характеристика предмета грабежа / Л. В. Чернышева.— Текст: непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика.— 2010.— № 2(12).— С. 71.
8. Прокументов Е. В. К вопросу о предмете грабежа / Е. В. Прокументов.— Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета.— 2007.— № 304.— С. 137.
9. Приговор Медведевского районного суда республики Марий-Эл № 1-93/2021 от 16 июля 2021 года по делу № 1-93/2021.— Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт].— Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/sdyh5tFB3PVb/> (дата обращения: 12.05.2024).

Квалифицирующие признаки принуждения к даче показаний

Комилов Турсунпулат Баходиржон угли, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящей статье автором анализируются квалифицирующие признаки принуждения к даче показаний. Характеризуются квалифицированные и особо квалифицированный состав данного преступления с учетом последних законодательных изменений. Характеризуется понятие насилия и пытки. Делается вывод о содержательном соответствии положений УК РФ, касающихся пытки, международным актам.

Ключевые слова: принуждение, показания, квалифицированный состав, УК РФ, насилие, пытка.

Статья 302 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за принуждение к даче показаний. Квалифицированные составы статьи 302 УК РФ содержатся в частях 2, 3 и 4. В силу законодательных изменений анализируемой статьи в июле 2022 года из части 2 было исключено слово «пытка»: этот квалифицирующий признак нашел отражение в новой части 3. Также был введен особо квалифицированный состав в части 4.

На момент проведения настоящего исследования квалифицированные составы статьи 302 УК РФ сформулированы следующим образом:

- часть 2 — принуждение к даче показаний, соединенное с применением насилия или издевательств;
- часть 3 — принуждение к даче показаний, совершенное с применением пытки;
- часть 4 — принуждение к даче показаний, соединенное с применением пытки, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью.

Осмысливая теоретические основы квалифицированного состава, предусмотренного частью 2 статьи 302 УК РФ, необходимо установить сущностную природу категорий насилия и издевательств. Так, согласно определению Большого юридического словаря, насилие — это физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное Конституцией Российской Федерации право граждан на личную неприкосновенность. При этом физическое насилие может выражаться в непосредственном воздействии на организм человека (побои, телесные повреждения, истязания различными способами). В свою очередь, психическое насилие заключается в воздействии на психику человека путем запугивания, угроз, чтобы сломить волю потерпевшего к сопротивлению [1, с. 351].

УК РФ не устанавливает законодательного определения термина «насилие», однако предусматривает такие понятия как «насилие, не опасное для жизни и здоровья» и «насилие, опасное для жизни и здоровья». В рамках настоящей статьи указанные понятия будут составлять обобщенную категорию насилия. Их определение было Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 29 от 27 декабря 2002 года «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: пункт 21 устанавливает, что под насилием, не опасным для жизни

или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы, тогда как насилие, опасное для жизни или здоровья — это насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности [2].

Следует считать, что при незаконном принуждении к даче показаний с применением насилия последнее предполагает осуществление физического воздействия на потерпевшее лицо, придание ему беспомощного состояния, подавления его воли. Конкретными примерами указанного воздействия выступает ограничение его свободы (связывание рук, использование наручников, запирающие в помещении), психотропное воздействие, нанесение побоев и др.

Дополнительно отметим и попытку законодателя содержательно обособить такие категории как «насилие», «истязание», «особая жестокость», «издеательства». «мучения для потерпевшего». Полагаем, что это близкие по смыслу значения, однако в силу грамматического толкования некоторых уголовно-правовых составов (например, статья 117 УК РФ), заметим, что при их упоминании используются разделительные знаки препинания (запятая) и разделительные союзы («или»), что указывает на их смысловую обособленность. В любом случае, пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» ставит в один ряд насилие и издевательство при их применении к потерпевшему с целью принуждения к даче показаний.

Проводя общетеоретическое изучение квалифицированного состава, предусмотренного частью 3 статьи 302 УК РФ, необходимо определить понятие пытки. Запрет на применение пыток установлен не только на уровне Конституции Российской Федерации, но и в отраслевых нормативно-правовых актах, регулирующих уголовно-правовую охрану общественных отношений [3].

Считаем необходимым при анализе указанного вопроса опираться в первую очередь на законодательное опреде-

ление пытки, содержащееся в примечании к статье 286 УК РФ: «Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера» [4].

Указанное понятие ранее было конкретизировано в примечании к статье 117 УК РФ, и его первоначальное содержание было установлено следующим образом: «Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях» [4], однако с 14 июля 2022 года оно утратило силу.

Интересно обратиться и к Конвенции 1984 года против пыток, других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. В пункте 1 статьи 1 Конвенции закреплено понятие пытки: «Любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, осно-

ванной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия» [5].

Заметим, что в этом же пункте Конвенции указано следующее обстоятельство: «в это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно» [5]. Аналогичное положение содержится и в примечании 2 к статье 286 УК РФ: «не является пыткой причинение физических или нравственных страданий, которые возникают в результате правомерных действий должностного лица или другого лица либо неизбежно сопряжены с такими действиями» [4].

Наконец, часть 4 статьи 302 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за принуждение к даче показаний, соединенное с применением пытки, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью. Предполагается, что это особо квалифицированный состав, предусматривающий более строгую степень уголовной репрессии за его совершение.

При этом под тяжким вредом здоровью следует понимать вред, опасный для жизни человека; потеря зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрата органом его функций; прерывание беременности; психическое расстройство; заболевание наркоманией либо токсикоманией; неизгладимое обезображивание лица; значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть; полная утрата профессиональной трудоспособности [6].

Литература:

1. Волосов М. Е. Большой юридический словарь / М. Е. Волосов, Н. И. Капинус, В. Н. Додонов; под ред. А. Я. Сухарева. — Текст: непосредственный. — М.: Инфра-М, 2009. — 858 с.
2. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) // Российская газета. — 18.01.2003. — № 9.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001. — № 52(ч. I). — ст. 4921.
4. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25 — ст. 2954.
5. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 1984 года. — Текст: электронный // Организация объединенных наций: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 06.05.2024).
6. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) // Собрание законодательства РФ. — 27.08.2007. — № 35. — ст. 4308.

Проблема реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве

Комилов Турсунпулат Баходиржон угли, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Данная статья призвана проанализировать проблемные вопросы практической реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то, что действующий УПК РФ предусматривает легальное закрепление данного принципа в статье 15, правоприменительная практика свидетельствует о фактической декларативности данных положений. На это указывают и российские правоведы. Автором делается вывод о необходимости системного реформирования уголовно-процессуального закона для устранения сложившейся проблемы.

Ключевые слова: состязательность, принцип, уголовное судопроизводство, УПК РФ.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает принцип состязательности в статье 15 УПК РФ. Он предполагает, что ни одна сторона в уголовном процессе не может присваивать себе полномочия противоположной. Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что этот принцип подразумевает равное предоставление сторонам обвинения и защиты процессуальных возможностей для отстаивания своих прав и законных интересов [1].

Благодаря принципу состязательности отечественное уголовное судопроизводство обрело особенную форму, для которой характерно существование суда как независимого субъекта, который не просто не занимает какую-либо сторону процессуального конфликта, но и в целом не является участником уголовного судопроизводства. Получается так, что функция отправления правосудия, осуществляемая исключительно судебным органом, однозначно отделяется от специфичных задач сторон, участвующих в процессе — обвинения и защита. При рассмотрении дела суд обязан гарантировать справедливое и непредвзятое его разрешение по существу, руководствуясь положениями УПК РФ и предоставляя сторонам равные возможности для защиты своих интересов. По сути это привело к тому, что сегодня суд не может и не должен выполнять роли ни обвинения, ни защиты в рамках судебного разбирательства [2], поскольку состязательность как принцип уголовного судопроизводства предполагает процессуальную самостоятельность сторон в выяснении истины по уголовному делу.

Сегодня российское уголовное судопроизводство характеризуется конфликтным характером, поскольку цели сторон обвинения и защиты расходятся кардинальным образом: адвокат стремится доказать невиновность своего подзащитного, в то время как государственный обвинитель диаметрально противоположно настаивает на его виновности [3, с. 229]. Конфликтная природа, в частности, судебного разбирательства подразумевает юридическое противостояние между его участниками. Не всегда это находит свое проявление на практике. Встречаются случаи, когда адвокат по назначению может воздерживаться от активного противостояния государственному обвинителю из-за отсутствия мотивации добиваться оправдания

клиента, поскольку его вознаграждение не зависит от исхода дела.

По этому поводу интересно отметить, что ЕСПЧ не считает присутствие защитника по назначению (зачастую молчаливое) при производстве следственных действий надлежащей гарантией защиты прав доверителя. Защитник по назначению должен не просто физически находиться рядом с подзащитным, а пользоваться предоставляемыми ему процессуальными правами по реагированию на нарушения закона, ущемляющими правовое положение обвиняемого или подсудимого [4].

Безусловно, в современных реалиях социально-политической обстановки решения данного органа не несут для Российской Федерации общеобязательного значения. Тем не менее, с точки зрения теоретико-правового осмысления принципа состязательности сторон, правоприменительная практика ЕСПЧ представляет определенный интерес.

Принятое в процессуальной науке толкование принципа состязательности в уголовном судопроизводстве подразумевает противостояние сторон обвинения и защиты относительно виновности подсудимого в совершении преступления. Обе стороны представляют суду свои аргументы, опираясь на соответствующие доказательства, и участвуют в их всестороннем исследовании [5, с. 266]. Адвокат и государственный обвинитель могут предоставить суду не любые доказательства, а лишь те, которые соответствуют требованиям относимости, допустимости и достоверности.

Суд должен оценивать доводы сторон и представленные ими доказательства в их взаимосвязи, чтобы вынести законное и обоснованное решение по уголовному делу. Процесс вынесения судебного решения после изучения материалов дела и заслушивания сторон имеет субъективный характер, поскольку судья анализирует дело, опираясь на личное восприятие его обстоятельств. В конечном итоге решение принимается на основе внутреннего убеждения судьи. Разумеется, оно должно быть основано на объективных фактах и обстоятельствах дела: именно поэтому суд не должен выносить обвинительный приговор без убедительных доказательств виновности подсудимого в совершении преступления.

Несмотря на то, что принцип состязательности закреплен в УПК РФ, фактическая практика уголовного судопроизводства не всегда соответствует его идеальному, научному осмыслению. В отличие от стороны защиты, органы расследования обладают властными полномочиями и, что самое важное, способны осуществлять производство следственных действий. Полученные в их результате сведения автоматически считаются доказательствами, из чего складывается доказательственная база каждого уголовного дела. Некоторые исследователи обоснованно полагают, что публично-правовой характер деятельности должностных лиц стороны обвинения — это фактор, не позволяющий стороне защиты хоть как бы то ни было приблизиться к равноправию сторон в уголовном судопроизводстве в целом и при отстаивании своей позиции перед судом в судебном разбирательстве в частности [6, с. 89]. Кроме того, Ю. К. Якимович отмечал, что действующий УПК РФ и вовсе отказался от упоминания равенства сторон перед законом и судом, установив процессуальные преференции для отдельных категорий лиц — судей, депутатов, прокуроров и др. [7, с. 43]

В этом смысле интересной представляется позиция О. В. Виноградовой, которая считает, что для современной правоприменительной практики органов предварительного расследования характерно наличие преимуществ в уголовном судопроизводстве, что предоставляет ей более благоприятное положение по сравнению со стороной защиты [5, с. 267].

О фактической декларативности положений действующего УПК РФ в части регулирования принципа состязательности сторон можно судить, исходя из эмпирического анализа правоприменительной практики. В 2018 году к уголовной ответственности было привлечено 658 291 человек, из которых оправдательный приговор был вынесен лишь в отношении 1 446 подсудимых (менее 0,22% от числа всех приговоров) [8]. Ситуация не изменилась и в 2023 году — на 555 743 осужденных пришлось только 1 036 оправданных (менее 0,19%) [9].

Статистика показательно демонстрирует не только сам факт обвинительного уклона российского правосудия, но и практическую неприменимость положений о принципе состязательности сторон в ходе судебного разбирательства. Вряд ли можно с полной уверенностью утверждать о том, что органы предварительного расследования осуществляют свою деятельность настолько хорошо, что ни один преступник не остается безнаказанным. Разумеется, такое суждение не находит одобрения и в юридическом сообществе [10, с. 138].

Проанализированная проблема требует оперативного решения на уровне законодательства, причем они должны носить системный характер, поскольку, как отмечает В. В. Ясельская, «от бессистемных, точечных изменений УПК РФ будет больше вреда, чем пользы. Они приведут лишь к неоднозначному толкованию положений закона и нарушению единства правоприменительной практики» [11, с. 47].

Литература:

1. По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 № 430-О // Вестник Конституционного Суда РФ. — № 2. — 2005.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тихонова Федора Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части 2 статьи 30.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2528-О // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Матвиенко А. А. Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве: проблемы правоприменения / А. А. Матвиенко. — Текст: непосредственный // Научный альманах. — 2017. — № 6–1(32). — С. 228–231.
4. Case of Utvenko and Borisov v. Russia. Application no. 45767/09 & 40452/10 as of 05.02.2019 // European Court of Human Rights: [сайт]. — Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:%22003-6321027-8258621%22> (дата обращения: 12.05.2024).
5. Виноградова О. Б. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве / О. Б. Виноградова, С. П. Портянкина. — Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2020. — № 2. — С. 264–268.
6. Дьяконова В. В. О реализации принципа состязательности в особом порядке уголовного судопроизводства / В. В. Дьяконова. — Текст: непосредственный // Проблемы права. — 2019. — № 1(70). — С. 87–90.
7. Якимович Ю. К. Реализация конституционного принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве / Ю. К. Якимович. — Текст: непосредственный // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. — 2011. — № 51. — С. 39–45.
8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год // Судебный департамент при ВС РФ: [сайт]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 12.05.2024).
9. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год // Судебный департамент при ВС РФ: [сайт]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 12.05.2024).

10. Медведева С.В. Обвинительный уклон в уголовном процессе: проблемы правоприменения / С.В. Медведева, М.А. Ментюкова, А.М. Попов.— Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России.— 2018.— № 3.— С. 137–141.
11. Ясельская В.В. Новые возможности защитника в доказывании, старые проблемы / В.В. Ясельская.— Текст: непосредственный // Уголовная юстиция.— 2017.— № 9.— С. 46–48.

Анализ правового регулирования государственной поддержки молодежных и детских общественных объединений

Кунин Виктор Павлович, студент

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье автор рассматривает правовые аспекты государственной поддержки детских и молодежных общественных объединений.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, молодежные объединения.

В успешном экономическом, культурном развитии страны, не последнее место занимают общественные объединения молодежи, активно, включающиеся в разрешение социальных проблем. Подрастающее поколение, безусловно, является опорой поступательного развития общества, в настоящее время, и будущего страны, в целом. Для демократического и правового государства, которым является Российская Федерация. Разрешение вопросов по созданию условий для организации и деятельности общественных объединений молодежи, в рамках которых, проявляется творческий культурный, нравственный потенциал, формируется гражданская позиция, социальная ответственность подрастающего поколения, определяются приоритетными задачами молодежной политики. Признание значимости деятельности молодежных и детских общественных объединений, оказание им всесторонней поддержки со стороны государства, предполагает создание соответствующей нормативно-правовой базы. Поскольку, российское государство является участником многих международных организаций, в частности ООН, при установлении правовых институтов в национальном законодательстве, обязуется соблюдать общепризнанные нормы международного права, закрепленные в Декларациях, Пактах, договорах. Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Конвенция о правах ребенка 1985 года, являются базовыми международными документами, на основе которых в национальных конституциях закрепляется право на создание общественных объединений гражданами, независимо от пола, возраста, уровня образования. Реализация прав граждан, обеспечивается законодательством. Одним из нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение достижения целей, государственной молодежной политики, является Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», утвержденный Государственной Думой 26 мая 1995 года. В нем закрепляются принципы, государственной

поддержки молодежных и детских объединений, под которой понимается комплекс мер, применяемых органами исполнительной власти, по созданию условий, обеспечению стимулов организации деятельности общественных молодежных и детских объединений, с целью оказания содействия социальному становлению, развитию, самореализации подрастающего поколения в общественной жизни, охраны и защиты их прав. [1]

Положениями данного нормативно-правового акта, регулируются отношения, возникающие при установлении и реализации мер государственной поддержки между федеральными органами исполнительной власти и общероссийскими, международными молодежными и детскими объединениями. [3] При этом, указанным выше, федеральным законом, не охватывается весь круг участников, общественного молодежного движения в России. В общих положениях федерального закона, указывается, что его действие, не распространяется на коммерческие общественные объединения молодежи; студенческие и профессиональные союзы молодежи; молодежные объединения, создаваемых при религиозных организациях и политических партиях. Тем не менее, отечественным законодателем, утверждаются базовые принципы государственной поддержки молодежных и детских объединений, среди которых, указываются: признание значимости содействия развитию гуманистических и патриотических ценностных установок, в деятельности молодежных и детских объединений; равных возможностей, в реализации права молодежных и детских объединений, на получение государственной поддержки; оказание федеральными органами исполнительной власти всесторонней помощи физическим и юридическим лицам, оказывающим негосударственную поддержку, деятельности молодежных и детских объединений. Меры государственной поддержки, дифференцированы сообразно разграничению общественных объединений на молодежные и дет-

ские. Так, характеристиками молодежного объединения, согласно действующему законодательству, являются: возраст его участников до тридцать лет, осуществление совместной деятельности на основе общих интересов, приложение усилий к достижению единой цели, удовлетворение не материальных потребностей. Создание молодежного объединения, преследует достижение целей содействия в саморазвитии членов объединения, а также защиты их прав и свобод. Детским объединениям свойственны схожие признаки, с той разницей, что возраст участников не превышает восемнадцати лет.

Основные направления и формы государственной поддержки молодежных и детских объединений:

1) Информационное обеспечение и подготовка кадров молодежных и детских объединений. Федеральные органы исполнительной власти обязаны информировать молодежные и детские объединения о планируемых и реализуемых мероприятиях в области государственной молодежной политики.

2) Молодежные и детские объединения пользуются налоговыми льготами, установленными налоговым законодательством.

Федеральные органы исполнительной власти могут привлекать молодежные и детские объединения к выполнению государственного заказа на создание социальных служб, информационных, инновационных центров и центров досуга для детей и молодежи, на разработку и реализацию проектов (программ) по организации социальной работы, дополнительного образования, деятельности в сфере культуры, здравоохранения, экологии, деятельности по предупреждению беспризорности и правонарушений среди детей и молодежи, а также на научные исследования и осуществление иных видов деятельности, являющихся приоритетными при реализации государственной молодежной политики [5].

Также Федеральный закон включает положения об организационных основах государственной поддержки мо-

лодежных и детских общественных объединений, о государственной поддержке проектов и выделении субсидий данным организациям.

Ежегодно около 100 общественных объединений общероссийского межрегионального и регионального уровней получают финансовую поддержку в рамках конкурсов программ общественных объединений. Частичное финансирование осуществляется при проведении общероссийских и межрегиональных учебных семинаров, конференций, ярмарок и других форм работы.

Региональные, местные общественные объединения получают финансовую поддержку из средств областных и муниципальных бюджетов. Эта поддержка выражается в предоставлении субсидий общественным объединениям, а также в частичном финансировании программ и проектов на конкурсной основе.

В целях эффективности взаимодействия с общественными объединениями Министерством образования Российской Федерации развивается практика заключения соглашений о сотрудничестве с общероссийскими и межрегиональными общественными объединениями.

На федеральном и региональном уровнях органы исполнительной власти и молодежные, детские общественные объединения принимают совместные планы деятельности, программы мероприятий по различным направлениям государственной молодежной политики [2].

Приказом Министерства образования от 08.06.2001 № 232 создан Координационный совет по вопросам взаимодействия с молодежными и детскими общественными объединениями при Министерстве образования Российской Федерации. Этот совет является консультативно-совещательным органом, созданным в целях выработки предложений по вопросам, касающимся деятельности молодежных и детских общественных объединений взаимодействия общественных объединений с органами государственной власти.

Литература:

1. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ (В ред. Федерального закона от 14.07.2022 № 262-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона») // О российском движении детей и молодежи // Собрание законодательства РФ. 1995. № 27. Ст. 2503.
2. О плане мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 12.12.2015 № 2570-р (В ред. Распоряжения Правительства РФ от 29.04.2021 № 1140-р «О внесении изменений в отдельные распоряжения Правительства Российской Федерации») (вместе с «Планом мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р») // Собрание законодательства РФ. 2015. № 51 (часть III). Ст. 7408.
3. Антонов И. О., Вавилин М. В. Законодательство в сфере патриотического воспитания: опыт систематизации // Юрист. 2019. № 5. С. 71–76.
4. Безруков А. В., Савоськин А. В. Российская общественная инициатива как разновидность обращений граждан и фактор укрепления конституционного правопорядка // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 56–60.
5. Вавилин М. В. К вопросу определения патриотизма как правовой категории // Юрист. 2024. N1. С. 33–38.

6. Гриб В. В. Правовые и организационные основы участия научной общественности в выработке государственной политики в сфере образования и науки // Юрист. 2021. № 4. С. 2–10.
7. Долгополов П. С. Культурно-массовое мероприятие: понятие и порядок проведения // СПС КонсультантПлюс. 2024.
8. Душакова Л. А., Шмалий О. В. Информационно-мировоззренческая безопасность в области образования как фактор безопасного социально-экономического развития // Юрист. 2024. № 4. С. 49–53.

Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности

Лузин Владимир Валерьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Чорновол Евгений Петрович, кандидат юридических наук, доцент
Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В данной научной работе автор подробно рассмотрел особенности механизма правового регулирования в качестве базовой юридической категории, критически осмыслены различные подходы к его пониманию. Особое внимание в работе уделено анализу правовых средств, составляющих основу механизма.

Ключевые слова: механизм, механизм правового регулирования, право, правовая норма.

Изучение механизма правового регулирования является предметом внимательного исследования юристами уже на протяжении многих лет и отражает инструментальный подход к пониманию сущности права. Как отмечает ученый А. В. Мильков, «необходимость анализа механизма правового регулирования обусловлена научным стремлением понять действие права как социального регулятора и оценить его потенциал в решении поставленных задач».

Идея механизма правового регулирования коренится в инструментальном подходе к пониманию права, поскольку целью механизма является упорядочение правового регулирования конкретных общественных отношений. Понятие «механизм» подразумевает «внутреннюю структуру, систему функционирования чего-либо, аппарат определенного вида деятельности». Следовательно, определение механизма правового регулирования предполагает, что «механизм имеет свою внутреннюю структуру, элементами которой являются система юридических средств». При этом исследование механизма невозможно без его рассмотрения как определенного процесса осуществления действий, что и отражает суть правового регулирования. Таким образом, механизм правового регулирования должен включать не только перечень конкретных юридических средств (элементов), но и порядок их взаимодействия.

В зависимости от сферы применения правового регулирования механизм будет включать определенный комплект юридических инструментов, и различаться по целям данного регулирования.

При изучении особенностей механизма юридического регулирования предпринимательской деятельности важно учитывать все категории предпринимательских отношений, которые вытекают из сути предпринимательской деятельности. Необходимость юридического регу-

лирования предпринимательской сферы обусловлена не только воздействием правовых норм на отношения между отдельными предприятиями, но и вопросами обеспечения общественных интересов при осуществлении указанной деятельности.

Давайте выделим основные особенности механизма правового регулирования в контексте предпринимательской деятельности. Важным элементом этого механизма является уникальное сочетание юридических инструментов, которое определяется спецификой регулируемых предпринимательских отношений. Например, при регулировании горизонтальных связей между участниками предпринимательской деятельности особое значение приобретают договоры, тогда как в области государственного регулирования предпринимательской деятельности отношения базируются на юридических нормах, закрепленных в нормативно-правовых актах.

Особенности механизма правового регулирования предпринимательской деятельности также определяются главными целями такого регулирования, которые связаны с конкретными предпринимательскими отношениями. Защита интересов отдельных лиц является доминирующей целью в горизонтальных отношениях, тогда как целью вертикальных предпринимательских отношений является защита общественных интересов. При этом механизм юридического регулирования предпринимательской деятельности базируется на гармоничном сочетании элементов публичного и частного права, направленных на обеспечение эффективного функционирования рыночной экономики и достижение социально значимых результатов. Эти характеристики позволяют провести классификацию, выделив различные модели механизма юридического регулирования.

Механизм правового регулирования — это очень обширное понятие, которое рассматривается исследовате-

лями в различных аспектах. Так, традиционное инструментальное понимание механизма как совокупности взаимосвязанных элементов, дополняется системно-структурным и психологическим анализом. Само понимание механизма правового регулирования в указанных измерениях дает возможность рассматривать механизм в статическом и динамическом аспектах.

Давайте проанализируем отдельные составляющие механизма правового регулирования с учетом их особых характеристик в контексте регулирования предпринимательской деятельности, так как выбор конкретных юридических мер и их взаимосвязь зависит от конкретной области правового регулирования.

Главным элементом в механизме правового регулирования является правовая норма, содержащаяся в различных источниках, поскольку она является основой любой области правового регулирования.

В теории, основанной на понимании права как виде деятельности, Б.И. Пугинский отмечает, что не все средства правового регулирования сводятся к нормам. Он приводит примеры из области частноправовых отношений, такие как непоименованные договоры и меры договорной ответственности. Однако этому утверждению нельзя согласиться полностью, учитывая следующее. Все договорные отношения базируются на общих нормах, определяющих структуру и содержание любого договора, несмотря на принцип свободы договора, заявленный законодателем (ст. 421 ГК РФ). Обобщенная концепция взаимодействия нормы и договора звучит как «договор должен соответствовать закону» и уточняется на различных этапах жизненного цикла договора, определяющих его динамику. Следовательно, элементы договора, не урегулированные в нормах права, содержащихся

в одной из конкретных форм, должны соответствовать общим правилам и нормам гражданского законодательства, а также не должны противоречить общественным интересам согласно ст. 1 ГК РФ.

Характеристики норм права в механизме правового регулирования предпринимательской деятельности могут быть описаны следующим образом. Во-первых, нормы права, применяемые в контексте регулирования предпринимательской деятельности, должны сопровождаться позитивными санкциями, направленными на стимулирование эффективной практики предпринимательства. Кроме того, эти нормы являются ключевым и неотъемлемым элементом в механизме правового регулирования предпринимательства и в основном относятся к нормам-действиям. В добавок к традиционным нормам, устанавливающим правила поведения, действуют специализированные нормы, такие как нормы-принципы и нормы-планы, программы, которые играют важную роль в управлении предпринимательской деятельностью. Хотя в них не содержится явной инструкции относительно конкретных моделей поведения, они являются основой для формирования таких правил в обычных нормах права.

В заключении отметим, что механизм правового регулирования предпринимательской деятельности представляет собой целостную и функционально связанную систему правовых инструментов, которые обеспечивают эффективное осуществление предпринимательской деятельности ее участниками и одновременно защищают общественные интересы. Особенно важно отметить, что механизм является основной категорией, формирующей общую концепцию правового регулирования предпринимательской деятельности.

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
3. Абросимова Е. А. Социальное предпринимательство и социальная ответственность малого бизнеса: мифы и реальность // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 3.
4. Мильков А. В. К вопросу о механизме правового регулирования // Закон. 2012. № 3. С. 147–151.
5. Пугинский Б. И. Договорное регулирование цен на товары // Коммерческое право. 2012. № 1 (10). С. 5–14.
6. Шнайdt Я. Э. Понятие механизма правового регулирования хозяйственно-договорных отношений // Вопросы теории и практики гражданско-правового регулирования: Сб. статей / Под ред. В. Ф. Воловича. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. С. 91–101.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 27 (526) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 17.07.2024. Дата выхода в свет: 24.07.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.